

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

На правах рукописи

Налбандян Карапет Севанович

Особенности политики Турции на Южном Кавказе

Специальность: 5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
Доктор политических наук, доцент
Леонова Ольга Георгиевна

Москва — 2026

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Концептуальные и идеологические основы внешней политики Турции на современном этапе: теоретико-методологические аспекты исследования	22
1.1. Идеология пантюркизма и отражение ее основных целей и положений во внешней политике страны.....	22
1.2. Кемалистская внешнеполитическая доктрина и причины ее трансформации	38
1.3. Основные идеологемы внешней политики Турции в XXI веке	53
1.4. Концептуальные и практические аспекты внешнеполитического курса Турции на современном этапе	73
Глава 2. Реализация внешнеполитической идеологии Турции в отношении стран Южного Кавказа	88
2.1. Геополитические интересы Турции на Южном Кавказе.....	88
2.2. Место и роль стран Южного Кавказа во внешнеполитических приоритетах Турции. Идеология «Кавказского вектора» в турецкой дипломатии	97
2.3. Политика интеграции тюркоязычных народов и создания «турецкого мира» в регионе Южного Кавказа.....	116
Глава 3. Политика Турции в регионе Южного Кавказа: цели, задачи и стратегия.....	134
3.1. Политика Турции по отношению к Азербайджану. Роль и место Азербайджана в контексте политики неоосманизма.....	134
3.2. Политика Турции по отношению к Грузии: некоторые формы и направления реализации политики неоосманизма	152
3.3. Политика Турции по отношению к Армении. Армянский фактор в реализации политики неоосманизма в регионе Южного Кавказа	168
Заключение	190
Библиография	203
Приложения	227

Введение

Актуальность темы. Турецкая республика занимает важное место в современной системе международных отношений государств; ее геополитические амбиции охватывают сразу несколько «сложных» регионов мира- Ближний Восток, Африку, Балканы, Южный Кавказ, Центральную Азию и др.

Турция для России является классическим примером «государства-предопределения» - т.е. государства, с которым приходится быть *вместе*, причем вне зависимости от того, каким будет контекст такого взаимодействия – мирным, конструктивным или же конфликтным¹. История российско-турецких отношений знает периоды как ожесточенных войн, так и мирного взаимовыгодного сотрудничества.

Для российского исследователя важность обращения к проблематике отношений Турции со странами Южного Кавказа актуальна по ряду соображений.

Первое – это наличие тесных исторических связей со странами региона, которые долгое время находились в составе сначала российского, а затем и советского государства. Сформировавшиеся культурные, языковые и социальные связи продолжают играть важную роль в межгосударственных отношениях. Историческая память о совместном прошлом выступает значимым фактором восприятия друг друга, что необходимо учитывать при анализе современных геополитических процессов в регионе.

Второе – это наличие тесных экономических связей, заинтересованность России в безопасном и стабильном развитии стран Южного Кавказа. Экономическое сотрудничество охватывает широкий спектр отраслей: от энергетики и транспортной инфраструктуры до сельского хозяйства и туризма. Страны региона представляют собой важные рынки сбыта российской продукции, а также выступают транзитными территориями для

¹ Аватков В.А. Государство-предопределение: государство мира или войны? // Право и политика. 2019. №5. С. 19.

товаропотоков между Россией и странами Ближнего Востока. Инвестиционное присутствие России в экономиках государств Южного Кавказа также является значительным и требует защиты интересов российского бизнеса.

Третье – это вовлеченность России в региональные проблемы безопасности (взаимодействие с Арменией в рамках ОДКБ и ЕАЭС, напряженность в отношениях с Грузией по поводу международного статуса Абхазии и Южной Осетии, активность российской дипломатии в вопросе урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе и т.п.). Безопасность Южного Кавказа напрямую влияет на безопасность южных границ России и стабильность на Северном Кавказе. Потенциальная эскалация конфликтов может привести к росту экстремизма, нелегальной миграции и другим вызовам безопасности.

Четвертое – возрастающая активность внeregиональных акторов, в первую очередь Турции, создает новую динамику в регионе, что требует постоянного мониторинга и анализа. Усиление турецкого влияния, особенно после Второй карабахской войны 2020 г. и событий осени 2023 г., создает новую geopolитическую конфигурацию, требующую адаптации российской внешней политики. Пантюркистские устремления Анкары могут представлять вызов для российских интересов в регионе.

Пятое – энергетическая безопасность и транспортные коридоры Южного Кавказа имеют стратегическое значение для России. Контроль над маршрутами транспортировки углеводородов и развитие международных транспортных коридоров (таких как «Север-Юг») напрямую затрагивают экономические интересы России и ее позиции на мировых энергетических рынках.

Шестое – внутриполитические процессы в странах Южного Кавказа непосредственно влияют на их внешнеполитический курс и, соответственно, на отношения с Россией. Политические трансформации, смены элит и

общественные настроения требуют глубокого анализа для выстраивания эффективной политики России в регионе.

Наконец, в современных условиях Турция выступает в качестве важного партнера для Российской Федерации в таких сферах, как обеспечение региональной безопасности, торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество, энергетика и т.п. В условиях санкционной политики западных стран в отношении России после начала специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. Турция заняла практически эксклюзивное положение «моста», связующего звена между Западом и Востоком. В то же время, усиление позиций Турции как влиятельного игрока на Южном Кавказе может входить в противоречие с национальными интересами России в данном регионе. Как следствие, исследование складывающихся на Южном Кавказе международных связей – это важная научно-теоретическая задача с точки зрения национальной безопасности Российской Федерации.

Степень научной разработанности темы исследования. Изучение политики Турции на Южном Кавказе привлекает значительное внимание российских и зарубежных исследователей в силу геополитической значимости региона и растущего влияния Турецкой Республики. Проблематика данного исследования затрагивает различные аспекты турецкой внешнеполитической стратегии, её идеологического обоснования, а также двусторонних и многосторонних отношений Турции со странами региона.

Концептуальные основы внешней политики Турции детально исследованы в работах, посвященных идеологическим доктрина姆 «стратегической глубины» и «неоосманизма». Фундаментальный труд А. Давутоглу ««Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu» (2001)² заложил теоретическую основу современной внешней политики Турции.

² Davutoğlu A. ««Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu». İstanbul : Küre Yayımları, Ağustos 2009. – 584 s.

Данная концепция получила развитие в исследованиях Х. Кесебалабана³, В.А. Аваткова⁴, В.А. Надеина-Раевского⁵, Н.Г. Киреева⁶, П.В. Шлыкова⁷. Трансформация внешнеполитической стратегии Турции от «политики нулевых проблем с соседями» к более активной и многовекторной политике рассмотрена в работах М. Йешилташа⁸, Э.Т. Мехдиева⁹, М.А. Мавриной¹⁰, Р.И. Гузаерова и Б.Г. Ахметкаrimova¹¹. Анализ влияния идеологических факторов на формирование турецкой внешней политики представлен в исследованиях С.А. Кука¹², К. Робинсона¹³.

Идеология пантюркизма и её влияние на политику Турции в регионе рассматривается в трудах Я.М. Ландау¹⁴, А.С. Насибовой¹⁵, Р. Терехова¹⁶, Т. Чоротегина¹⁷. Историческое развитие пантюркизма и его современные

³ Kösebalaban H. Ahmet Davutoglu, Stratejik Derinlik. Kitap de erlendirmesi // Divan Journal of Interdisciplinary Studies. 2003. №1. S. 213-215.

⁴ Аватков В.А.Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. №3 (1645). С. 71-78; Аватков В.А. Внешнеполитическая идеология Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития дисс. канд. полит. наук. М.: 2013. – 161 с.; Аватков В.А. Внешнеполитическая линия Турецкой Республики в отношении стран Закавказья в контексте внешнеполитической идеологии Турции // Ежегодник ИМИ. 2014. №2. С. 13-22; Аватков В.А. Внешнеполитический процесс в современной Турции // Внешнеполитический процесс на Востоке: Учебное пособие для студентов вузов. Под ред. Д.В.Стрельцова, М., Аспект Пресс, 2017. С. 61-76; Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика 2018. № 2. С.11-25.

⁵ Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. №2. С. 84-92; Надеин-Раевский В.А. Поиск новой идентичности и внешняя политика Турции. М.: Российский Совет по международным делам, 2016. – 7 с.

⁶ Киреев Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – 609 с.

⁷ Шлыков П.В. Общество социальных инициатив: трансформация гражданской активности в Турции в 1990-х и 2000-х гг. // Турция в период правления Партии справедливости и развития: сборник статей. М.: Институт Ближнего Востока РАН, 2012. С.22-53.

⁸ Yesiltaş M. The transformation of the geopolitical vision in Turkish foreign policy. // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. №4. P. 661-686.

⁹ Мехдиев Э.Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО. 2016. №2 (47). С. 32-39.

¹⁰ Маврина Ю. Концепция внешней политики Турции ахмета Давутоглу // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения, 2014. №1. С. 69-74.

¹¹ Гузаеров Р.И., Ахметкаrimov Б.Г. Проявление идеологического фактора во внешней политике Турции // Казанский вестник молодых ученых. 2020. №3. С. 46-51.

¹² Cook S.A. What Does Turkey Actually Want? [Electronic source]. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/07/26/turkey-erdogan-nato-eu-sweden-future-goals-europe/> (accessed: 19.09.2023)

¹³ Robinson K. Turkey's Growing Foreign Policy Ambitions [Electronic source]. URL: https://www.cfr.org/backgrounder/turkeys-growing-foreign-policy-ambitions?utm_source=twtw&utm_medium=email&utm_campaign=TWTW%202023June2&utm_term=TWTW%20and%20All%20Staff%20as%20of%207-9-20 (accessed: 18.09.2023)

¹⁴ Landau Jakob M. Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation. // Hurst & Company. 1995. № 2. P. 121-146.

¹⁵ Насибова А.С. Эволюция идей пантюркизма во внешней политике Турецкой Республики // Современные евразийские исследования. 2015. №3. С. 81-86.

¹⁶ Терехов Р. Влияние идеологии пантюркизма на внешнюю политику Османской Империи и Турецкой Республики в XX веке // Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2011. -26 с.

¹⁷ Чоротегин Т. Об отдельных изъянах общего учебника по истории тюркских народов // Радио Азаттык, 2021. https://rus.azattyk.org/a/turkic_history_2021_longread_istoriya-tyurkskikh-narodov_tch_mnenie-ob-uchebnike/31076075.html (дата обращения: 11.08.2023).

проявления анализируются в работе А. Вамбери¹⁸, С.М. Червонной¹⁹, В. Зареванда²⁰, А. Мкртычана²¹. Современная интерпретация пантюркизма в контексте региональной политики Турции (в то числе, на Южном Кавказе) исследуется в публикациях Б.Д. Нуриева²², А.В. Белоглазова и Р.Н. Надырова²³.

Двусторонние отношения Турции со странами Южного Кавказа составляют обширный пласт исследований как в российской, так и в зарубежной литературе. Турецко-азербайджанские отношения, характеризующиеся стратегическим партнерством и тесным сотрудничеством, рассмотрены в работах Е.Ф. Парубочай²⁴, Э. Мехтиева²⁵, Я. Валчинкайи²⁶. Экономическое и военное сотрудничество между странами анализируется в исследованиях К. Саштовта. Турецко-грузинские отношения детально изучены в работах Л.М. Алексанян, Н. Гёксель²⁷, С. Хедлунда²⁸. Комплексный анализ турецко-армянских отношений представлен в трудах Р. Сафрастяна²⁹, Д. Шахназаряна³⁰, Б. Араса и Ф. Озбая³¹.

¹⁸ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Восточная литература, 2003. -319 с.

¹⁹ Червонная С.М. Гаспринский И. – выдающийся крымско-татарский просветитель и гуманист // Этнографическое обозрение. 1992. № 1.С. 158-156.

²⁰ Зареванд. Турция и пантуранизм / Зареванд; введ. А. Н. Мандельштама. М.: Ключ-С, 2015. – 176 с.

²¹ Мкртычан А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе как глобальная проблема в современных международных отношениях. Дисс. доктора полит. наук. М., 2003. – 451 с.

²² Нуриева К. А. Роль саммитов глав тюркоязычных государств в формировании концепции тюркского единения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №7. С. 1-3.

²³ Белоглазов А. В., Надыров Р. Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX-начале XXI в.: интеграционный потенциал // Манускрипт. 2021. Т.14. №.7. С. 1381-1385.

²⁴ Парубочая Е.Ф. Сотрудничество Турции и Азербайджана в военной сфере в XX-XXI вв // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 6 (36). С. 24-36.

²⁵ Мехтиев Э. Дружба и братство Турции с Азербайджаном имеют глубокие исторические корни / Trend news agency [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3284399.html> (дата обращения: 02.10.2023).

²⁶ Yalçınkaya H. Turkey's Overlooked Role in the Second Nagorno-Karabakh War // The German Marshall Fund of the United States, 2021. URL: <https://www.gmfus.org/news/turkeys-overlooked-role-second-nagorno-karabakh-war> (дата обращения: 14.08.2023).

²⁷ Göksel N. Turkey and Georgia: Zero Problems? // The German Marshall Fund of the United States, 2013.

²⁸ Hedlund S. Georgia is slowly moving into Turkey's orbit [Electriconic source]. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/turkey-influence-georgia/> (accessed: 30.09.2023).

²⁹ Сафрастян Р. Армяно-турецкие отношения: попытка теоретической интерпретации с позиций реалистической школы // Ориентиры внешней политики Армении. Ереван, 2002. – 46 с.; Сафрастян Р. Проблема признания геноцида во внешней политике Армении: разноуровневый анализ // 21-й Век. Информационно-аналитический журнал Фонда «Нора-вакн». Ереван, 2005. № 1. С. 86-101.

³⁰ Shahnazaryan D. Five Years After the Armenia-Turkey Protocols // Turkish Policy Quarterly. 2014. №3 (13). P. 352-368.

³¹ Aras B., Ozbay F. Turkish-Armenian relations: Will football diplomacy work? // Today's Zaman/SETA Foundation for Political, Economic and Social Research URL: <https://iz.ru/1453231/igor-karmazin/blizost-na-rasstoianii-kak-armeniia-i-turciia-nalazhivaiut-otnosheniia> (дата обращения: 27.09.2023).

Региональное измерение политики Турции на Южном Кавказе рассматривается в контексте конкуренции и сотрудничества с другими региональными и внeregиональными акторами. Комплексный анализ региональной политики Турции представлен в работах М. Челикпала³², З. Баран³³, Н.А. Гегелашвили³⁴, М.С. Сувановой³⁵. Исследования Дж. Манкоффа³⁶, Р. Каплана³⁷ посвящены геополитическим аспектам турецкой политики в регионе.

Конкуренция Турции с Россией и Ираном за влияние на Южном Кавказе анализируется в работах М.А. Озена³⁸, Д. Бдояна³⁹, Н. Услу⁴⁰, М.Х. Заде⁴¹. Взаимодействие России со странами региона и конкурентами анализируется в отдельных работах А.Б. Крылова⁴². Энергетическое измерение региональной политики Турции рассмотрено в исследованиях Г. Винроу⁴³ и И.Г. Алиева⁴⁴.

Политика «мягкой силы» Турции в странах Южного Кавказа становится важным направлением исследований в последнее десятилетие как в российской, так и в зарубежной литературе. Теоретические аспекты использования Турцией инструментов «мягкой силы» рассмотрены в работах

³² Челикпала, М. Турция и Южный Кавказ в 2009 г. // Кавказ-2010. Ежегодник Института Кавказа. Ереван, 2012. – 57 с.

³³ Baran Z. Turkey and the Caucasus. В kh.: Turkish Foreign Policy in Post Cold War Era. Boca Raton, 2004. – 136 p.

³⁴ Гегелашвили Н.А. Страны Закавказья в политике Турции и США//США и Канада: экономика, политика, культура 2020. №10. С. 35-49.

³⁵ Суванова М.С. Политика Турции на Южном Кавказе. Проблемы постсоветского пространства. 2018. №5 (3). С. 115-125.

³⁶ Mankoff J. The Big Caucasus: Between Fragmentation and Integration. Washington, DC: CSIS, March 2012. – 39 p.

³⁷ Kaplan R. The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate, Random House, 2012. – 103 p.

³⁸ Озен М.А. Стратегические интересы Запада, России, Турции, Ирана на Южном Кавказе в начале XXI в // Мировая политика. 2018. № 3. С. 33-42.

³⁹ Бдоян Д.Г. Трансформация российско-турецких отношений в условиях борьбы Турции за региональное лидерство (2002-2017 гг.). Дисс. кандидата истор. наук. М., 2017. – 264 с.

⁴⁰ Uslu N. The Russian, Caucasian and Central Asian Aspects of Turkish Foreign Policy of the Post Cold War Period // Turkish Journal of International Relations. Ankara, 2003. Vol. 2. № 3&4. P. 23-46.

⁴¹ Махир Халифа-Заде. Иран и борьба за влияние на Южном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Т. 14. №1. С. 59-71.

⁴² Крылов А.Б. Карабахский узел кавказской политики // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 1 (58). С. 140-151; Крылов А.Б. Южный Кавказ: этапы постсоветской истории // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 2 (51). С. 147-162.

⁴³ Winrow G. The Southern Gas Corridor and Turkey's Role as an Energy Transit State and Energy Hub // Insight Turkey. 2013. №1 (15). P. 313-322.

⁴⁴ Алиев И. Г. Каспийская нефть Азербайджана. М.: Известия, 2003. – 142 с.

М. Зейналова, М.А. Шпаковской и О.В. Барнашова⁴⁵. Практическое применение «мягкой силы» в странах региона проанализировано в исследованиях Л.М. Алексанян⁴⁶, А.В. Енокяна и Д.В. Станиса⁴⁷. Особое внимание уделяется культурным, образовательным и гуманитарным аспектам турецкой политики, что отражено в работах Е. Бахревского⁴⁸.

Отдельный блок исследований представляют работы, в которых анализируется Нагорно-Карабахский конфликт и роль Турции в его динамике. Так, в работе П. Кедди⁴⁹ анализируются позиция и участие Турции в конфликте. Особое внимание уделяется роли Турции во Второй карабахской войне в исследовании А.Г. Геворгяна, А.В. Енокяна и Л.А. Мелконяна⁵⁰. Также проблеме Нагорного Карабаха и армяно-азербайджанского конфликта посвящены отдельные работы С.М. Маркедонова⁵¹.

Несмотря на значительный объем научных исследований турецкой внешней политики, в существующей литературе остается ряд важных лакун. Во-первых, недостаточно изучены механизмы синхронизации различных идеологических течений (пантуранизма, пантюркизма и неоосманизма) в единой внешнеполитической стратегии Турции, особенно в контексте конкретного региона. Во-вторых, отсутствует комплексный анализ дифференцированного подхода Турции к различным странам одного региона в зависимости от их этноконфессиональной принадлежности,

⁴⁵ Шпаковская М.А., Барнашов О.В. Концепция неоосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции // Азия и Африка сегодня. 2018. № 2 (727). С. 30-36.

⁴⁶ Алексанян Л.М. Грузия во внешней политике Турции на современном этапе. Дисс. канд. полит. наук. М., 2019. – 224 с.; Алексанян Л.М. Политика «мягкой силы» Турции в отношении Грузии // Вестник МГИМО(Университета). 2016. № 2. Т.47. С. 72-79; Алексанян Л.М. Эволюция турецко-грузинских отношений: новые тенденции (экономические и военно-политические аспекты// Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4(2). С. 148-158.

⁴⁷ Енокян А.В., Станис Д.В. Фактор политики «мягкой силы» в продвижении турецких интересов в Грузии // Постсоветские исследования. Т.5. № 8 (2022). С. 787-798.

⁴⁸ Бахревский Е. Политика «нового османизма» Турции и постсоветское пространство / Регnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/article/1467970> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁹ Keddie P. What's Turkey's Role in Nagorno-Karabakh conflict? // AlJazeera, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2020/10/30/whats-turkeys-role-in-the-nagorno-karabakh-conflict> (дата обращения: 14.08.2023).

⁵⁰ Геворгян А.Г., Енокян А. В., Мелконян Л. А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3 (19). С. 72-84.

⁵¹ Маркедонов С.М. Армения и Нагорный Карабах: ценностный и поколенческий сдвиг // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 12. С. 93-103; Маркедонов С.М. Трансформация армяно-азербайджанского конфликта: исторический опыт и современное состояние // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 12. С. 120-130.

геополитического статуса и исторических связей с Османской империей. В-третьих, недостаточно исследованы процессы трансформации турецких внешнеполитических концепций от декларативного уровня к практической реализации, особенно эволюция от доктрины «ноль проблем с соседями» к концепции «Века Турции». Наконец, в научной литературе практически отсутствует системный анализ того, как идеологические предпочтения турецкого руководства проецируются на конкретные инструменты влияния – от «мягкой силы» до военно-политических методов – в отношении каждой отдельной страны региона. Настоящее исследование направлено на заполнение этих исследовательских пробелов.

Цель исследования – выявить содержание и специфику внешней политики Турции на Южном Кавказе.

Для достижения этой цели в работе поставлены следующие **задачи**:

- определить концептуальные основы внешнеполитической идеологии Турции, их реализацию во внешней политике страны и провести сравнительный анализ основных идей, целей, стратегий, механизмов реализации пантюркизма, пантуранизма и неоосманизма;
- оценить проявление идей пантюркизма и неоосманизма в концепции современной внешней политики Турции;
- определить геополитические интересы Турции на Южном Кавказе, а также место и роль стран Южного Кавказа в ее внешнеполитических приоритетах;
- выявить элементы пантюркизма и неоосманизма Турции в ее политике по отношению к Азербайджану;
- определить элементы пантюркизма и неоосманизма во внешней политике Турции по отношению к Грузии;
- раскрыть содержание политики пантюркизма и неоосманизма Турции по отношению к Армении;

- на основе сравнительного анализа выявить общее и особенное в целях, задачах и стратегии политики неооманизма и пантюркизма Турции по отношению к странам Южного Кавказа.

Объект исследования – внешняя политика Турецкой Республики на современном этапе.

Предмет исследования – особенности внешней политики Турции в регионе Южного Кавказа.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1991 г. по настоящее время. Нижняя граница обусловлена распадом СССР и обретением независимости странами Южного Кавказа, что открыло новые возможности для турецкой внешней политики в регионе. Верхняя граница определяется современным этапом развития отношений, включая последствия конфликта в Нагорном Карабахе и текущие попытки нормализации турецко-армянских отношений.

Гипотеза исследования: пантюркизм и неоосманизм являются важной частью внешней политики Турции на Южном Кавказе. По отношению к Азербайджану, Грузии и Армении данная политика характеризуется дифференцированным подходом, но имеет общую цель - укрепление региональных позиций Турции, обеспечение ее энергетической безопасности, ограничение влияния других региональных игроков (прежде всего России и Ирана) и создание интегрированного пространства с доминирующей ролью Анкары, что соответствует амбициям Турции как региональной державы с глобальными устремлениями.

Научная новизна исследования заключается в следующих аспектах:

1. На основе проведенного сравнительного анализа основных идей, целей, стратегий, механизмов реализации пантюркизма, пантуранизма и неоосманизма установлены сходства и различия, внутренние взаимосвязи между этими феноменами.
2. Выявлено проявление идей пантюркизма и неоосманизма в современной внешней политике Турции.

3. Определены геополитические интересы Турции на Южном Кавказе, а также место и роль стран Южного Кавказа в ее внешнеполитических приоритетах.
4. Обоснована роль политики интеграции тюркоязычных народов в единую социокультурную общность и создания «турецкого мира» в регионе Южного Кавказа как механизма реализации стратегии пантюркизма и неоосманизма Турции.
5. Раскрыто содержание общей стратегии политики пантюркизма и неоосманизма во внешней политике Турции по отношению к странам Южного Кавказа.
6. Доказано, что тактика реализации политики Турции характеризуется дифференцированным подходом по отношению к странам Южного Кавказа (Азербайджану, Грузии и Армении).

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации и развитии теоретических представлений о внешнеполитической стратегии Турции в отношении стран Южного Кавказа. Анализ эволюции концептуальных основ турецкой внешней политики от кемализма к неоосманизму позволил осуществить их проекцию на южнокавказский регион. Разработана методология сравнительного анализа проявлений пантюркизма и неоосманизма во внешнеполитических подходах Турции к странам региона Южного Кавказа (Азербайджана, Грузии, Армении). В работе также дополнены существующие научные представления о региональных стратегиях «восходящих держав» и механизмах реализации внешнеполитических доктрин в условиях трансформирующегося мирового порядка. Выявленные в исследовании закономерности формирования и реализации дифференцированных подходов Турции к странам Южного Кавказа уточняют теоретический инструментарий для анализа геополитических процессов в постсоветском пространстве.

Практическая значимость исследования состоит в том, что проведенный анализ внешней политики Турции в отношении стран Южного

Кавказа может быть использован в качестве отправной точки для дальнейших, более углубленных исследований частных аспектов международных отношений в регионе. Кроме того, материалы диссертации могут быть использованы при написании учебных пособий, а также служить материалом для лекционных занятий по дисциплинам «Политология», «Международные отношения», «Международная безопасность» и т.д. Выводы и положения, приводимые в диссертации, могут быть полезны работникам дипломатической службы Российской Федерации при выстраивании отношений с Турцией и странами Южного Кавказа, экспертному сообществу при разработке и реализации предложений в области укрепления региональной безопасности на Южном Кавказе.

Теоретико-методологическая основа исследования носит комплексный характер и основывается на сочетании различных подходов и методов исследования, что обусловлено сложностью и многоаспектностью изучаемого предмета.

Политический реализм (классический реализм) в интерпретации Ганса Моргентау позволил рассматривать внешнюю политику Турции через призму национальных интересов, определяемых в терминах силы и власти. Согласно фундаментальной работе Г. Моргентау «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир» (1948)⁵², государства в международной системе руководствуются прежде всего соображениями силы и стремлением к максимизации власти. Данный подход был особенно важен при анализе мотивов турецкой политики в отношении Азербайджана и оценке стремления Анкары к региональному доминированию на Южном Кавказе.

Неореализм (структурный реализм) Кеннета Уолтца дополнил классический реализм акцентом на структуре международной системы как определяющем факторе поведения государств. В своей основополагающей работе «Теория международной политики» (1979)⁵³ К. Уолтц показал, что

⁵² Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition, Alfred A. Knopf: New York, 1948. 516 p.

⁵³ Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. 251 p.

анаархичная структура международной системы принуждает государства к самопомощи и балансированию сил. Этот подход оказался крайне полезным при анализе конкурентного взаимодействия Турции с другими региональными державами (Россией, Ираном) и объяснении логики создания турецко-азербайджанского стратегического альянса как формы балансирования против российского влияния в регионе.

Системный подход дал возможность рассмотреть внешнюю политику Турции как целостный комплекс взаимосвязанных элементов, где действия в отношении одной страны региона неизбежно влияют на отношения с другими. На основе этого подхода были выявлены системные характеристики турецкой политики в регионе, включая механизмы принятия внешнеполитических решений и их имплементации.

Конструктивистский подход позволил проанализировать идеологические основы внешней политики Турции, в частности, при изучении трансформации пантюркистских идей и их влияния на современную турецкую внешнеполитическую стратегию в регионе. Этот подход был особенно полезен при анализе концепции «два государства – одна нация» в турецко-азербайджанских отношениях и исследовании роли идентичности в региональной политике Турции.

Институциональный подход применялся при изучении взаимодействия Турции со странами Южного Кавказа в рамках международных организаций, особенно в контексте деятельности Организации тюрksких государств. Данный подход помог выявить формальные и неформальные механизмы турецкого влияния в регионе.

Функциональный подход способствовал выявлению взаимосвязей между различными аспектами турецкой внешней политики в регионе – от экономического сотрудничества до военно-политического взаимодействия. Это позволило определить, как различные направления внешней политики Турции взаимно усиливают друг друга.

Сравнительный подход дал возможность сопоставить подходы Турции к выстраиванию отношений с различными странами Южного Кавказа, выявить общие и особенные черты в этих подходах. Также метод использовался для сравнения политики Турции с политикой других региональных акторов (России, Ирана).

Исторический подход способствовал исследованию эволюции турецкой внешней политики в регионе, определению преемственности и изменений во внешнеполитических концепциях от кемализма к неоосманизму.

В работе были использованы следующие **методы** исследования:

Метод ивент-анализа использовался для того, чтобы систематизировать и интерпретировать политические события и процессы в регионе Южного Кавказа, выявить причинно-следственные связи между действиями Турции и изменениями в региональной динамике.

Метод контент-анализа применялся при изучении официальных документов и материалов СМИ, что позволило выявить ключевые направления и приоритеты турецкой внешней политики в регионе. Особое внимание уделялось анализу предвыборных программ Партии справедливости и развития (ПСР) и стратегических документов МИД Турции.

Метод дискурс-анализа позволил изучить риторику турецких политических лидеров и официальных документов для выявления нюансов в позиционировании Турции по отношению к разным странам региона и эволюции этой риторики во времени.

Метод анализа статистических данных позволил оценить динамику экономического и военно-технического сотрудничества Турции со странами региона, выявить основные тренды в развитии двусторонних отношений.

Комплексное применение указанных подходов и методов позволило провести всестороннее исследование внешней политики Турции на Южном Кавказе, выявить её основные характеристики, проблемы и перспективы развития. Междисциплинарный характер исследования обусловил

необходимость привлечения методов смежных наук – экономики, истории, социологии, что способствовало более глубокому пониманию изучаемой проблематики.

Эмпирическую и нормативную основу исследования составило несколько групп источников.

Во-первых, это нормативно-правовые акты Турецкой Республики, а также акты государственных органов стран Южного Кавказа (Конституции, законы, подзаконные акты).

Во-вторых, это ключевые документы, определяющие стратегические направления и идеологические основы внешней политики Турецкой Республики – предвыборные программы Партии справедливости и развития (ПСР), отчеты, стратегические планы и иные материалы Министерства иностранных дел Турции.

В-третьих, это международные соглашения между Турцией и государствами Южного Кавказа (как друг с другом, так и между собой), а также прочие международные документы, регулирующие различные аспекты заявленной темы.

В-четвертых, это заявления и пресс-релизы турецких государственных органов, выступления должностных лиц Турции, а также представителей международных организаций и стран Южного Кавказа.

В-пятых, в работе были использованы материалы турецких, российских, грузинских, армянских, азербайджанских СМИ, англоязычные материалы мировой прессы, посвященные различным аспектам внешней политики Турции в странах Южного Кавказа.

В-шестых, использовались статистические данные государственных и неправительственных организаций, международных институтов, а также экспертные мнения и оценки.

Положения, выносимые на защиту:

1. Пантюркизм, пантуранизм и неоосманизм представляют собой взаимосвязанные, но отличающиеся идеологические течения,

формирующие внешнеполитическую стратегию Турции. *Пантюркизм*, возникший в XIX веке как националистическая идеология, направлен на культурное и политическое объединение тюркских народов под лидерством Турции. *Пантуранизм* расширяет эту концепцию до включения уральских и алтайских народов. *Неоосманизм* опирается на имперское наследие и стремится к возрождению влияния Турции на территориях бывшей Османской империи, сочетая этнический, религиозный и геополитический подходы. Эти идеологии *объединяют* стремление к региональному лидерству Турции, но они *различаются* объектом интеграции: *пантюркизм* фокусируется на этнолингвистической общности, *неоосманизм* – на историко-политическом наследии, а *пантуранизм* предлагает наиболее широкую, но наименее реалистичную концепцию интеграции (поскольку пантуранизм подразумевает объединение всех уральских и алтайских народов на основе предполагаемого общего происхождения от мифической прародины – Турана).

2. Современная внешняя политика Турции представляет собой синтез идей неоосманизма и пантюркизма, трансформированных в концепции «стратегической глубины» и «Век Турции». Развитие неоосманского мировоззрения как комплексной системы взглядов, включающей историческое наследие Османской империи, суннитско-мусульманскую идентичность и символическую географию османского пространства, достигло новой волны своего развития с приходом к власти Партии справедливости и развития в 2002 году. Концепция А. Давутоглу «Стратегическая глубина» заложила основу многовекторной внешней политики, опирающейся на историческое и географическое положение Турции. Первоначальный принцип «ноль проблем с соседями» эволюционировал в сторону более активной, экспансионистской политики. Нынешняя концепция «Век Турции» представляет собой амбициозный план превращения Турции в глобального актора и региональную державу, воплощающий проактивную внешнеполитическую доктрину неоосманизма с

элементами антизападничества и утверждения лидирующей роли Турции в исламском мире.

3. Геополитические интересы Турции на Южном Кавказе определяются комплексом политических, экономических и социокультурных факторов. С точки зрения *геополитики* данный регион рассматривается как стратегический транзитный коридор и буферная зона. Южный Кавказ имеет для Турции стратегическое значение как связующее звено с тюркоязычным миром Центральной Азии и важнейший транспортно-энергетический коридор в обход России. *Экономические интересы* Турции сосредоточены на контроле энергетических и транспортных маршрутов, особенно трубопроводов из Каспийского региона. *Социокультурные интересы* проявляются в продвижении турецкого влияния через культурные, образовательные и религиозные программы, способствующие интеграции региона в «турецкий мир». С точки зрения *безопасности* регион Южного Кавказа важен для Турции как фактор стабильности на собственных границах и как пространство конкуренции с Россией и Ираном.

4. Турция использует комплекс инструментов реализации политики создания «турецкого мира» на Южном Кавказе, среди которых особое значение имеют: 1) институционализация интеграционных процессов через создание и функционирование Организации тюрksких государств и иных многосторонних структур; 2) экономическая интеграция посредством преференциальных торговых режимов, инвестиционных программ и транспортно-логистических проектов; 3) культурно-лингвистическая экспансия через образовательные программы, культурные центры и медиа-проекты; 4) военно-техническое сотрудничество как механизм обеспечения региональной безопасности. Выявлена корреляция между интенсивностью применения данных инструментов и степенью культурно-исторической близости стран региона к Турции, достигающая максимума в отношениях с Азербайджаном и минимума в отношениях с Арменией.

5. Отношения Турции с Азербайджаном представляют собой наиболее успешную реализацию идеологий пантюркизма и неоосманизма, выраженную в формуле «одна нация – два государства». Азербайджан является для Турции приоритетным партнером в регионе благодаря этнической, культурной и религиозной близости. *Пантюркистская составляющая* этих отношений проявляется в активном развитии культурных связей, продвижении общей идентичности и образовательных обменов. Элементы неоосманизма выражаются в экономической и военно-политической поддержке Азербайджана, особенно в Карабахском конфликте. Стратегическое партнерство подкреплено масштабными энергетическими проектами (нефтепроводы Баку-Тбилиси-Джейхан, газопроводы Баку-Тбилиси-Эрзурум, ТАНАР), формированием единой оборонной политики и Шушинской декларацией 2021 года, фактически превращающей двусторонние отношения в полноценный военно-политический союз.

6. Внешняя политика Турции в отношении Грузии представляет собой pragmatichnuyu adaptaciyu neoosmанизma, где исторические и религиозные аспекты уступают место геоэкономическим интересам. Грузия рассматривается Турцией, прежде всего, как важнейший транзитный коридор для доступа к Азербайджану и Центральной Азии, что делает стабильность и прозападную ориентацию Грузии выгодной для Турции. Неоосманский компонент политики проявляется в стремлении Турции играть роль политического арбитра, поддерживать историческое влияние в Аджарии и развивать культурно-религиозные связи. При этом Турция учитывает сложную историю взаимоотношений и грузинские опасения относительно турецкой экспансии, предпочитая инструменты «мягкой силы» и экономического сотрудничества. В отличие от Азербайджана, где доминирует пантюркистская риторика, в отношениях с Грузией Турция делает акцент на взаимовыгодном региональном сотрудничестве и общих интересах в сфере энергетики и транспорта.

7. Армянский фактор представляет собой наиболее сложный аспект неоосманистской политики Турции в регионе, характеризующийся историческими противоречиями и геополитической конкуренцией. Отношения Турции с Арменией осложняются двумя фундаментальными проблемами: непризнанием Турцией геноцида армян 1915 года и поддержкой Азербайджана в карабахском конфликте. Несмотря на pragматические попытки нормализации отношений (Цюрихские протоколы 2009 года, переговоры 2022 года), исторические травмы и региональная конфигурация препятствуют существенному прогрессу. В контексте политики неоосманизма Армения рассматривается как потенциальное звено в построении региональной стабильности, однако реализация этой политики сталкивается с серьезными препятствиями. Турция стремится привлечь Армению к региональным проектам, в частности к Среднему транспортному коридору, но делает это с позиции давления и использования ослабленного положения Армении после поражения в Карабахском конфликте.

8. Политика Турции на Южном Кавказе демонстрирует дифференцированный подход к применению концепций неоосманизма и пантюркизма, адаптированный к специфике каждой страны региона. Общими элементами внешней политики Турции по отношению к странам Южного Кавказа являются: стремление к региональному лидерству, использование энергетической дипломатии, транспортно-логистических проектов и инструментов «мягкой силы». Различия проявляются в интенсивности применения военно-политических, экономических и культурных механизмов влияния, а также в риторике, которая варьируется от братских отношений с Азербайджаном до pragматичного партнерства с Грузией и сдержанной нормализации с Арменией. В отношениях с Азербайджаном доминирует комплексное применение обеих идеологических концепций с акцентом на этнокультурное и религиозное единство. В политике в отношении Грузии приоритет отдается экономическим аспектам неоосманизма при минимизации пантюркистской риторики. Армянское

направление характеризуется наиболее сложной конфигурацией, где Турция вынуждена балансировать между поддержкой Азербайджана и общерегиональными интересами.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были апробированы в ходе выступлений и докладов автора в рамках международных и российских научно-практических конференций и круглых столов.⁵⁴

Содержание и основные положения диссертационного исследования отражены в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, необходимых для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук, а также в 2 статьях, опубликованных в журналах Перечня ВАК.⁵⁵

⁵⁴ Налбандян К.С. Организация тюркских государств как инструмент усиления международного влияния Турции. (Гибридный формат) // VI Чемполовские Чтения Международная научная конференция «Проблемы, вызовы и перспективы глобального и регионального развития», Екатеринбург, 26-28 октября 2023 г.; Налбандян К.С. Эволюция и особенности взаимодействия Турции и стран Южного Кавказа на современном этапе в контексте geopolитики // Международный научный конгресс «Глобалистика-2023; устойчивое развитие в контексте глобальных процессов»: Сборник тезисов докладов, Москва, 23-27 октября 2023; Налбандян К.С. Позиции Исламской Республики Иран в отношениях с Арменией и Азербайджаном, «Зангезурский коридор» как краеугольный камень // Отдел Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН научная конференция «Исламская Республика Иран в эпоху глобальных трансформаций», Москва, 19 марта 2024.

⁵⁵ Налбандян К.С. Особенности политики мягкой силы Турции в Тюркском мире // Информационные войны. 2023. №1(65). С. 28-31; Налбандян К.С. Политическое влияние Турции на Южном Кавказе// Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 6 (94). С. 3107-3119; Налбандян К.С. Организация Тюркских Государств как инструмент усиления международного влияния Турции // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13. № 6 (99). – С. 2676-2688; Налбандян К.С. Турецко-азербайджанские отношения в грядущий «Век Турции» // Вопросы политологии. – 2024. – Т.14. №3 (103). – С. 1100-1007; Налбандян К.С. Турция в регионе Южного Кавказа: диверсификация энергоресурсов и укрепление экономических связей // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – №11. – С. 463-469; Налбандян К.С. Отношения России и Турции на Южном Кавказе: управляемое соперничество как новая модель взаимодействия // Конфликтология / Nota Bene. – 2025. – № 4. – С. 267-279. (00,00 п.л.) Импакт-фактор (РИНЦ) – 0,439.

**Глава 1. Концептуальные и идеологические основы внешней политики
Турции на современном этапе: теоретико-методологические аспекты
исследования**

**1.1. Идеология пантюркизма и отражение ее основных целей и положений
во внешней политике страны**

В основе внешней политики любого из современных государств лежит тот или иной комплекс идей, обосновывающих цели и задачи такой политики, ее ценностные основания. В отдельных случаях внешняя политика четко укладывается в русле той или иной оформленной идеологии, являющейся продуктом конкретно-исторических, социально-политических, культурных и иных условий. Как полагают современные политологи, идеологии в современном смысле этого слова стали продуктом модерна, т.е. зародились в XIX веке; они служили своего рода ориентиром для проведения как внутренней, так и внешней политики государств на евразийском континенте⁵⁶.

В этот период (имеется в виду XIX век) в Османской империи широкое распространение приобрели идеи пантюркизма, на характеристике которых представляется необходимым остановиться более подробно ввиду того, что именно пантюркизм (в симбиозе с рядом других внешнеполитических концепций) играет важную роль во внешней политике современной Турции⁵⁷.

Предпосылки появления пантюркизма можно подразделить на внутренние и внешние. Первые касаются развития турецкой государственности и общественной мысли, вторые же лежат во внешнеполитической плоскости.

Политической причиной возникновения пантюркизма стало распространение националистических идей среди «нетитульного» населения

⁵⁶ Beattie P. Ideology, Values, and Foreign Policy // International Relations. 2019. №1. Р. 313.

⁵⁷ Гузаев Р.И., Ахметкаримов Б.Г. Проявление идеологического фактора во внешней политике Турции // Казанский вестник молодых ученых. 2020. №3. С. 46.

Османской империи (балканских народов, мусульман-нетюрок). На этом фоне идентичность самих османов стала казаться размытой. Пантюркизм стал своего рода ответом в поисках идентичности, стремлением определить вектор развития как самих турок, так и проживающих на территории Империи тюркоязычных народов. Несмотря на известную веротерпимость османских правителей, к началу XIX века сепаратистские тенденции стали слишком заметными, в силу чего имперская идеология переживала серьезный кризис.

Культурной предпосылкой пантюркизма стало знакомство турецких интеллектуалов с развивающимися в XIX веке идеями европейского национализма, в том числе панславизмом и пангерманизмом. Стремление рецепции этих идей с поправкой на национальные особенности, тесное взаимодействие с европейской культурой и наукой также приводило к политико-философским поискам, обоснованию национальной идентичности⁵⁸. Этому предшествовало формирование с XVIII века прозападной ориентации среди турецких элит, когда Османская империя утратила свое былое военное и экономическое превосходство и ее правители стали воспринимать европейских монархов как равных себе, а население их государств – как носителей прогрессивных идей и практик⁵⁹.

Внешняя причина состояла в том, что распространение пантюркистских идей во многом инспирировалось извне, правящими кругами Австрии, Пруссии, Англии и Франции⁶⁰. Им представлялось возможным перенаправить турецкую экспансию с Европы на Российскую империю, где проживали тюркоязычные народы. Европейские страны стремились достичь двух главных целей путем реализации операции по распространению идеологии пантюркизма на российской территории⁶¹. Во-первых, Турция намеревалась вернуть ранее принадлежащие ей земли в Европе. Однако возможность получения земель в Российской империи была более привлекательной за счет

⁵⁸ Ишанова Д.М. Зарождение идеологии тюркизма // Молодой ученый. 2020. №14 (304). С. 203.

⁵⁹ Demirağ Y. Pan-ideologies in the Ottoman empire against the west : from pan-ottomanism to pan-turkism

⁶⁰ Kılıç S. Nazi Hükümetinin Türk Basını Hakkındaki Değerlendirmeleri (1935—1944) // Galatasaray Üniversitesi İletişim Dergisi. 2016. № 16. S. 61.

⁶¹ Турция и пантуранизм. М.: Ключ-С, 2015. С. 51.

этнокультурной и религиозной близости с населяющими ее народами. В результате этого Турция отводила фокус внимания от Европы. Во-вторых, результатом любых военных действий выступало ослабление всех участников столкновений. Поскольку Турция переключила свое внимание на Российскую империю, то в результате столкновения страны Европы предполагали, что обе империи ослабнут. Время, необходимое для восстановления сил участниками конфликта рассматривалось как шанс для европейских стран увеличить территории, которые попадут под сферу их влияния.

С данной предпосылкой тесно связана и вторая внешняя причина распространения пантюркистских взглядов: российские татары (в том числе, проживающие в Крыму) активно стремились к объединению, пытаясь противопоставить свою тюркскую идентичность общеимперскому подданству. Основные надежды на обретение тюркскими народами России независимости связывались, разумеется, с Турцией – «исторической родиной», самой влиятельной тюркской державой.

Под влиянием указанных выше внешних и внутренних предпосылок, идеи пантюркизма стали разрабатываться в трудах турецких и европейских интеллектуалов, а впоследствии – и перениматься для идеологического обоснования тех или иных внешнеполитических шагов.

Таким образом, появление пантюркизма было обусловлено рядом объективных факторов, определивших вектор развития Османской империи в XIX веке. Ослабление имперских институтов, территориальные потери и рост национального самосознания нетурецких народов требовали новой идеологической основы для сохранения государства. Формирующиеся национальные интересы Турции диктовали необходимость поиска такой концепции, которая могла бы обеспечить лидирующую роль турок в регионе даже после возможного распада империи. Пантюркизм предлагал решение этой задачи через идею этнического и культурного единства тюркских народов под главенством Турции.

В этом контексте цели пантюркизма напрямую отвечали стратегическим интересам турецкого государства того времени: сохранение влияния в регионах с тюркским населением, противодействие экспансии других держав и формирование основы для будущего политического объединения тюркских народов. Особое значение имело стремление установить контроль над территориями с богатыми природными ресурсами, населенными тюркскими народами, что отвечало экономическим интересам формирующегося национального государства.

Поскольку идея пантюркизма в первую очередь затрагивала тюрков, они приложили немало усилий для ее распространения. Среди них: Ахмед Агаев, Али Гуссейн Задэ, Исмаил Гаспринский, Юсуф Акчура и другие. С 1883 года в Бахчисарае и Крыму начинает издаваться газета «Переводчик» (с тур. Тарджуман). Ее редактора – Исмаила Гаспринского – можно признать первым идеологом, популяризовавшим идею политического объединения тюркских народов.

В публикациях газеты «Терджиман» он сформулировал принцип «единства в языке, мысли и действии» (*Dilde, fikirde, işte birlik*), подчеркивая необходимость создания единого литературного языка для всех тюркских народов как основы их культурного и политического объединения⁶².

Юсуф Акчура в своем программном эссе «Три вида политики» подверг критике османизм как неэффективную политику объединения народов и обосновал преимущества тюркского национализма перед исламизмом. По его мнению, только объединение всех тюрок под главенством Османской империи могло обеспечить ее выживание в современном мире⁶³.

Еще один видный представитель пантюркизма - турецкий социолог Зия Гекалп. Он в своей работе «Основы тюркизма» («Türkçülüğün esasları») призывал тюрков вернуть свои обычаи и отказаться от ассимиляции с другими народами. По мнению Зия Гекалпа, необходимо познать самих себя путем

⁶² Цит. по: Червонная С.М. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. №5. С. 35.

⁶³ Akçura Y. Üç Tarz-ı Siyaset. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1976. S. 19

детального изучения исторического наследия тюрок. Более того, из турецкого языка должны быть изъяты все заимствованные арабские, европейские и персидские слова⁶⁴. В то же время, он настаивал не только на необходимости очищения турецкого языка, но и на создании современной тюркской цивилизации через синтез национальной культуры с западной технологической модернизацией⁶⁵.

Пантюркизм – идея, которой симпатизировали и европейцы. Так, отец-основатель младотурецкого движения Вилфред Блант активно участвовал в популяризации пантюркистских взглядов, будучи при этом агентом британской разведки. При его участии стали создаваться младотурецкие общества в Салониках, младотурецкие партии в Османской империи и газеты «Младотурки». Примечательно, что редактором отмеченной газеты тоже был европеец – Владимир Жаботинский. В российской литературе высказывается мнение, что тем самым европейские страны стремились провоцировать Турцию на враждебные действия в отношении Российской Империи⁶⁶.

В Османской империи традиционно влиятельным слоем населения были военные, турецкая армия. Именно с военных училищ начинается распространение идей пантюркизма. Первым крупным идеологом пантюркизма среди чиновников был министр военных училищ – Сулейман-паша. Он написал книгу «История мира», в которой выражал ключевые идеи турецкого национализма, предлагая шаги, усиливающие тюркскую идентичность. В частности, он предлагал заменить термин «османский язык» на «турецкий язык», потому что османский язык включает в себя не только турецкий, но и арабский, и персидский⁶⁷.

Следует отметить, что в XIX веке параллельно с размышлениями о пантюркизме развивались и другие идеи со схожими целями. Одной из таких идей стал пантуранизм. Между этими идеологиями многое как общего, так и

⁶⁴ Червонная С.М. Гаспринский И. – выдающийся крымско-татарский просветитель и гуманист // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 159–169.

⁶⁵ Gökarp Z. Türkçülüğün Esasları. İstanbul: Varlık Yayınları, 1968. S. 29.

⁶⁶ Бабаян Д. Арцахская проблема и идеология пантюркизма // 21-й век. 2011. №4 (20). С. 15.

⁶⁷ Мухамметдинов Р. Зарождение и эволюция тюркизма / Казань, 1995. С. 32.

различного. Пантюркизм был направлен на объединение исключительно тюркских народов под эгидой Турции для обеспечения защиты их интересов и формирования общего культурного и политического пространства. В то же время пантуранизм, разработанный венгерским исследователем А. Вамбери, предполагал создание единого государственного образования, соединяющего всех тюркских государств на основе культурных, этнических и языковых общностей⁶⁸. Укрепление сотрудничества будет возможно в первую очередь посредством культурно-языковых связей. В рамках пантуранизма большая роль отводилась урало-алтайской теории, согласно которой родственной турецкому стали уральская и алтайская языковые семьи. Указанных выше носителей языков уральской и алтайской семей предлагалось объединить в единое государство – Великий Туран, территории которого должны быть расположены от Балкан до Сибири. Тем не менее, приведенные народы заметно отличались по религиозному и этническому составу, что делало задачу формирования Турана утопической и не самой популярной. Тем не менее, в современной литературе до сих пор можно встретить путаницу в понимании разницы указанных идеологий.

Пантюркизм как идеология во многом развивался в качестве оппозиции османизму – другому популярному идеологическому течению конца XIX века, которое с практической точки зрения являлось политическим мейнстримом того периода. В рамках османализма лояльность султану заменялась верностью Османскому государству, отечеству («ватану»). Единое османское гражданство было призвано заменить религиозные, этнические и языковые различия между различными подданными Империи. В административном отношении политика османализма ориентировалась на сильное централизованное государство, с которым были связаны все подданные⁶⁹.

Как пишет А. Топал, османизм возник в период Танзимата (1839-1876) как ответ на растущие сепаратистские настроения среди нетурецких народов

⁶⁸ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – М.: Восточная литература, 2003. – 319 с.

⁶⁹ Vezenkov A. Formulating and Reformulating Ottomanism // Balkan Studies Library. 2012. №9. P. 35.

империи. Его ключевой идеей было формирование «османской нации», объединяющей все народы империи независимо от их этнической и религиозной принадлежности⁷⁰. Идеологи османизма (Намык Кемаль, Ибрагим Шинаси, Зия-паша) стремились заменить традиционную исламскую легитимность власти султана концепцией гражданского патриотизма. Предполагалось, что все подданные империи, вне зависимости от этноса и веры, будут объединены лояльностью отечеству («ватан») и централизованному государству. Эти идеи получили юридическое оформление в Конституции 1876 года, провозгласившей равенство всех османских подданных.

Однако османизм не смог предотвратить распад империи. Христианские народы видели в нем попытку исламизации под видом гражданского равенства. В свою очередь, для многих мусульман идея равенства с «неверными» была неприемлема. Кроме того, османизм, парадоксальным образом, способствовал росту этнического самосознания народов империи, поскольку впервые признал их существование как отдельных общин⁷¹. Поэтому, парадоксальным образом, османизм как проект, призванный «сшивать» империю, лишь усиливал центробежные тенденции. Он невольно политизировал объективно существующие этнерелигиозные различия, повысил осведомленность меньшинств об этих различиях и создал условия для протонационалистических восстаний, которые в конечном итоге способствовали разрушению Империи. Пантюркизм в этом плане лишь представлял собой реакцию тюркского большинства на объективные сепаратистские тенденции, постулируя лояльность не османам, а национальному государству турок.

Что касается *целей* пантюркизма, то их определение – довольно сложная задача ввиду того, что, во-первых, содержательное наполнение данной идеологии отличалось в зависимости от обосновывавшего ее автора, а во-

⁷⁰ Topal A.E. Ottomanism in History and Historiography: Fortunes of a Concept. Narrated Empires, 2021. P. 113.

⁷¹ Смирнова П. Е. Исторические корни неоосманизма во внешней политике Турецкой Республики // Вестник ННГУ. 2023. №1. С. 17.

вторых, пантюркизм одновременно может рассматриваться и как политико-философская теория (в этом плане он служил целям формирования наднациональной идентичности у тюркских народов), и как внешнеполитическая практика. Более того, даже в практической своей части пантюркизм мог выражаться как в стремлении *политически объединить* тюркские народы под властью турецкого (или иного тюркского!) государства, так и в менее амбициозной задаче – сделать развитие отношений с тюркскими странами и народами приоритетной задачей внешней политики Турции.

Если на ранних этапах зарождения пантюркизма основной целью его идеологи называли создание единого тюркского государства (что, впрочем, было изначально утопической идеей), то в настоящее время пантюркизм – это лишь идеологическое обоснование тесных связей Турции с тюркоязычными государствами⁷².

Важно отметить, что, если сегодня пантюркизм воспринимается во многом как обоснование для экспансии Турции в отношении различных тюркоязычных государств и обществ, то в XIX веке ключевую роль играл турецкий национализм (*türkçülük*), который был антиимперским, сугубо националистическим движением, направленным на формирование турецкого национального государства. Неслучайно в литературе указывается, что распространение пантюркистских идей внесло важный вклад в распад Османской империи, которая по своей природе была поликультурным, многонациональным государством⁷³. Националисты, в свою очередь, считали подобную практику противоречащей интересам турок как титульной нации в Империи, предпочитая этому образование единого государства именно по национальному признаку. Соответственно, одной из ключевых тактических целей пантюркизма являлась смена политического строя в сторону формирования национального государства. Это исторически *первая цель*

⁷² Луговой Г.А. Интеграционный потенциал пантюркизма: на примере внешней и внутренней политики Турции // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. №1 (82). С. 63.

⁷³ Demirhan A. Halide Edib: Turkish Nationalism and the Formation of the Republic. USF Tampa Graduate Theses and Dissertations, 2012.

данной идеологии и основанного на нем интеллектуального и политического движения.

Учитывая, что единое государство («Великий Туран») не могло образоваться без подавления воли других государств, на территории которых проживали тюрки, *второй целью* пантюркизма следует считать разжигание сепаратистских настроений в других государствах (в первую очередь – в Российской империи) для того, чтобы способствовать распаду империй, спровоцировать центробежные тенденции в них. Как уже отмечалось выше, постановке таких целей среди политической элиты Турции в немалой степени способствовали страны Западной Европы.

Наконец, *третья группа целей* пантюркизма возникла уже в настоящее время, когда геополитическая реальность приобрела современный вид. Здесь пантюркизм уже преследует цели объединения тюрksких народов на социальном, культурном и экономическом уровнях, установления прочных связей между населением Турции и такими народами, вне зависимости от места их проживания. В этом плане современный пантюркизм не является открыто направленным против суверенитета других государств – в отличие от его первоначальной версии.

Анализ попыток воплощения пантюркизма в политическую практику дает возможность понять *содержание* данной идеологии. Как уже отмечалось, в XIX веке ключевой идеей пантюркизма стало объединение всего тюркского мира, народов в одном государстве, в котором лидирующая роль отводилась бы Турции⁷⁴. Изначально предполагалось стереть этническую границу между Османской империей, Закавказьем и Ираном. Однако основной преградой реализации такого плана был армянский народ, который стоял между указанными ранее территориями.

Идеология пантюркизма получила поддержку и на территории Российской империи, поскольку именно там находилась большая часть тюркских народов, не считая территорию Османской империи. Однако

⁷⁴ Еремеев Д. Е. История турецкой общественной мысли XI-XXI веков. М.: Квадрига, 2016. С. 132.

массовых национальных восстаний нехристианских народов не было. Российская империя стремилась превентивными мерами исключать такие восстания. Например, консолидации национально-освободительных движений препятствовали административно-территориальными мерами, в том числе путем установления границ губерний Российской империи не по этническому ареалу расположения проживающих народов и изъятия из названий губерний национального элемента. Даже если после присоединения к империи Закавказья и были сформированы губернии по национальному признаку (Армянская, Грузино-Имеретинская и так далее), то впоследствии они получили названия их административных центров.

Первая мировая война и Октябрьская революция сделали фактически возможным реализацию пантюркистской идеи. Турецкая армия могла объединить тюркские народы Закавказья, Ирана, Кавказа и Средней Азии путем захвата этих территорий. Младотурки активно распространяли свои программные документы, в которых стремились поднять моральных дух народа и настроить его на создание единого государства тюрков⁷⁵.

На территории Синьцзяна в это же время Ахмед Камал организовал изучение общетюркского наследия в светских школах. Он совместно с духовенством преподавал идеи пантюркизма: создание единого федеративного тюркского государства, общность культуры, языка и религии, необходимость совместной борьбы за освобождение.

Поскольку Кавказ был первым регионом, который войдет в состав единого государства, для распространения идеологии пантюркизма была создана страна «Азербайджан», не имеющая ничего общего с иранским Азербайджаном (Атрпatakan). Считалось, что иранский и вновь созданный кавказский Азербайджан должны объединиться. Предполагалось, что впоследствии Турция присоединит новое образование к себе так, что откроется путь в Среднюю Азию для продолжения распространения идеи единого пантюркистского государства. Однако соседние с Турцией

⁷⁵ Landau Jakob M. Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation. // Hurst & Company. 1995. № 2. P. 22–29.

государства были против реализации такого плана. Более того, иранский Азербайджан был духовно-политическим центром Ирана, поэтому, получив контроль над иранским Азербайджаном, Турция смогла бы установить политический и историко-психологический контроль над самим Ираном. Как следствие, Иран также вошел бы в состав единого государства.

Первая мировая война не позволила осуществить план по установлению контроля над иранским Азербайджаном и вытекающих из этого плана дальнейших намерений. Турция была побеждена в войне и лишилась обширных территорий. С этого момента пантюркизм уже не имел серьезного влияния для внешнеполитической практики, однако по-прежнему мог использоваться в прагматичных целях для решения отдельных политических задач (так, именно пантюркизм противопоставлялся коммунизму, который СССР активно насаждал на территории Азербайджана и других республик, населенных тюркскими народами).

Интересно, что кавказский Азербайджан рассматривался Турцией как средство для распространения в Иране идеологии пантюркизма, а Советским союзом – средство для распространения на Ближнем Востоке большевизма. В этом плане большевики Азербайджана помогли своей стране вступить в СССР. После советизации была образована Азербайджанская ССР. В первое время советское правительство поддерживало единство тюркских народов, которое проявлялось в культурном и языковом плане. Наряду с этим появились отдельные наименования тюркских языков (туркменский, азербайджанский, узбекский). Двойственность политики СССР по отношению к тюркам заключалась в системе сдержек и противовесов идеологии пантюркизма, своего рода «заигрывании» с ним.

Так, советское государство в 1920-1930-е годы было проводником т.н. «коммунистического пантюркизма», который отличался от классического своей коммунистической, марксистской основой. Большая часть тюркских народов тогда входила в состав СССР. Учитывая планы Советского союза по распространению мировой революции, СССР мог включить в свой состав все

тюркские народы и, тем самым, воплотить идею пантюркизма по созданию единой республики (разумеется, с коммунистическим правительством во главе). Однако впоследствии от этой идеи отошли и начали делить тюркские народы на разные административно-территориальные единицы и разные народы.

Противники СССР в идеологии пантюркизма видели эффективный механизм борьбы с Советским союзом, поэтому вновь начали распространять ее основные положения. В 1930-е годы в Синьцзяне была создана Тюркская Исламская Республика Восточный Туркестан (иначе Восточно-Туркестанская Исламская Республика). Новое образование распространяло идеи пантюркизма и ожидало от Турции военно-экономической поддержки и защиты от внешней агрессии на международной арене. Однако СССР и Китай негативно отнеслись к созданию нового государства, распространяющего идеи пантюркизма и панисламизма, поэтому повлияли на его упразднение – да и сама Турция в период правления М.К. Ататюрка, как будет показано ниже, не слишком была погружена в дела Центральной Азии.

Идеология пантюркизма в XX веке также оказалась выгодна Третьему Рейху, поскольку она могла нанести удар по единству СССР и ослабить его силы⁷⁶. Для борьбы с подобного рода влиянием советское правительство начало дробление «турецкой массы» на различные административные единицы и смешение их с другими народами. Так, было создано пять тюркских союзных республик (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Туркмения, Узбекистан), четыре автономных образования в РСФСР (Башкирия, Татарстан, Чувашия и Якутия), три административных образования на Кавказе (Дагестан, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесия). Советская власть стремилась объединить тюркские народы с другими и предоставить новым образованиям импульс для совместного национально-государственного строительства. СССР смог раздробить единство тюрков и ослабить их

⁷⁶ Документы министерства иностранных дел Германии // Германская политика в Турции (1941-1943 гг.). М.: Госполитиздат, 1946. С. 98.

религиозную солидарность, так как в рамках одной административной единицы были объединены разные народы, исповедующие разную религию.

В настоящее же время пантюркизм – крайне размытая концепция, однако в литературе по международным отношениям его используют довольно часто. Изначальный смысл данной идеологии несколько изменился: теперь «пантюркизм» – это идеологическое обоснование для сближения Турции с близкими ей в культурном, языковом, этническом и религиозном плане государствами и обществами. Пантюркизм наиболее ярко проявляется в стремлении реализовывать инструменты «мягкой силы» и «народной дипломатии» при контактах по линии «общество-общество», где турецкие НКО активно взаимодействуют с тюркоязычным населением других государств (в том числе и в России).

В качестве обобщения сходств и различий отмеченных выше идеологических течений сформулируем ключевые признаки каждого из них в наглядной форме (Таблица 1).

Таблица 1.
Сравнительный анализ идеологий пантюркизма, пантуранизма,
(нео)османизма

Признаки	Пантюркизм	Пантуранизм	Османизм/неоосманизм
Основатели, идеологи	З. Гёкальп, А. Тюркеш, Энвер-паша	М.А. Кастрен, З. Гёкальп, А. Вамбери	Абдулхамид II, Намык Кемаль (османизм); А. Давутоглу, Р.Т. Эрдоган (неоосманизм)
Годы появления	1880-е гг.	Середина XIX века	1870-1880 гг.
Масштаб распространения	Турция, Азербайджан, Иран, некоторые страны Центральной Азии	Финляндия, Венгрия, Турция — страны, населенные представителями «урало-алтайской расы»	Территории Османской Империи

Признаки	Пантюркизм	Пантуранизм	Османизм/неоосманизм
Причины, породившие течения	Рост турецкого национализма, стремление расширить влияние Турции	Псевдонаучные расово-идеологические и философские изыскания	«Имперский» извод турецкого национализма, стремление объединить различные народы Османской империи и сопредельных регионов на основе лояльности государству-империи
Основная идея (основной концепт) идеологии	Единство всех тюркских народов на основе этнолингвистической общности и культурной идентичности	Объединение всех урало-алтайских народов на основе предполагаемого расового и лингвистического родства	Восстановление политического и культурного влияния Турции на территориях бывшей Османской империи при сохранении культурного многообразия
Цели/задачи идеологии	Культурное и политическое объединение всех тюркских народов (возможно, в рамках единого государства)	Формирование политического образования, простирающегося от Горного Алтая в Восточной Азии до Босфора, объединение «турок-осман» с другими турками и более далекими народами	Все племена, общины и нации внутри Империи должны существовать на основе справедливости, свободы и равенства, независимо от религиозных и этнических различий. В настоящее время - попытки возрождения отдельных элементов культурной и политической жизни времен Османской империи, экспансиянизм
Стратегия достижения цели	Продвижение тюркской культуры, языка и образования; развитие экономических и политических связей между тюркскими государствами; формирование сети организаций по сотрудничеству	Научное обоснование родства урало-алтайских народов; культурная и политическая интеграция	Усиление политического, экономического и культурного влияния Турции в регионе; использование общего исторического и культурного наследия; позиционирование Турции как регионального лидера и защитника мусульманских интересов
Механизмы реализации	«Мягкая сила», государственное строительство	«Мирная пропаганда», государственное строительство	Централизация власти, имперские устремления, «мягкая сила»
Проявление во внешней политике Турции	1. Создание и поддержка организаций сотрудничества	1. Менее выраженное проявление в современной	1. «Стратегическая глубина» А. Давутоглу как доктрина внешней политики

Признаки	Пантюркизм	Пантуранизм	Османизм/неоосманизм
	тюркских государств (ТЮРКСОЙ, Организация тюркских государств) 2. Активная культурная дипломатия в тюркоязычных регионах 3. Образовательные программы для студентов из тюркских стран 4. Поддержка тюркских общин в других странах 5. Экономические проекты, направленные на интеграцию тюркского мира 6. Активная риторика о «турецком братстве» в международных отношениях	политике из-за широкого географического охвата и научной несостоятельности 2. Отдельные элементы используются в культурной политике 3. Научные и археологические исследования в области урало-алтайских связей	2. Активное вмешательство в дела бывших османских территорий (Сирия, Ирак, Балканы) 3. Защита мусульманских меньшинств в разных странах 4. Экспорт «турецкой модели» управления 5. Масштабные инфраструктурные проекты в странах региона 6. Культурная экспансия через медиа, образование и религию 7. Усиление военного присутствия в стратегически важных регионах 8. Использование исторических нарративов в дипломатической риторике

Выводы. Пантюркизм представляет собой националистическую идеологию, возникшую в XIX веке как ответ на кризис Османской империи и рост этнического самосознания тюркских народов. Его сущность заключается в идее культурного, языкового и политического единства всех тюркских народов под лидерством Турции.

В содержательном плане пантюркизм включал следующие ключевые положения: необходимость создания единого литературного языка, модернизация тюркских обществ при сохранении их культурной самобытности, противопоставление тюркской идентичности другим этнокультурным общностям.

Цели пантюркизма эволюционировали от радикальных (создание единого тюркского государства) до более pragматичных (смена государственного строя Османской империи в пользу национального государства, разжигание сепаратистских настроений в регионах компактного проживания тюркских народов). Эти цели были тесно связаны с формирующими национальными интересами Турции и отражали ее стремление к региональному лидерству.

1.2. Кемалистская внешнеполитическая доктрина и причины ее трансформации

Турецкая республика появилась на политической карте Ближнего Востока сравнительно недавно. После поражения Османской империи в Первой мировой войне, произошло радикальное изменение границ в регионе Юго-Западной Азии. На месте Блистательной Порты было создано турецкое национальное государство в его современных границах. Внутри Турции и в ее внешней политике начались коренные перемены, что, в первую очередь, было связано с реформами М.К. Ататюрка – лидера турецкой нации, положившего начало независимой, светской турецкой государственности. Идеи М.К. Ататюрка были столь радикальны и прогрессивны для своего времени, что они были концептуализированы в литературе как целостная идеология «кемализма». В рамках данного параграфа будут рассмотрены отдельные аспекты данной идеологии, имеющие значение для анализа внешнеполитической стратегии турецкого государства в XX и XXI веках.

В первую очередь, следует рассмотреть объективные предпосылки возникновения кемализма как самостоятельной внутри- и внешнеполитической идеологии, которые кроются в особенностях конкретно-исторического момента. Дело в том, что распад Османской империи поставил турецкое общество перед серьезными вызовами. Навязанные со стороны держав-победительниц условия были довольно унизительными, экономическое положение страны резко ослабло, равно как и ее военные возможности. Параллельно внутриполитическая нестабильность и внешние угрозы, характерные для территории бывшей империи в 1918-1923 гг. создавали угрозу для будущего турецкой государственности как таковой.

В этих условиях националистически ориентированные политические силы (во главе с основателем турецкого государства М.К. Ататюрком) постулировали необходимость принципиальной смены внешнеполитического вектора страны, поскольку весь период Османской экспансии на Ближнем

Востоке и Балканах рассматривался ими «как катастрофическая политика, которая и привела к почти полному краху турецкого государства»⁷⁷. В таких условиях, разумеется, пантюркизм, пантуранизм, или османизм и прочие течения «старого периода» не могли стать идеологической опорой новой государственности.

Среди субъективных предпосылок важна личность основателя турецкого государства М.К. Ататюрка, который выступал за светскую, демократическую республику турецкого народа, отказавшуюся от экспансии и реваншизма. В проведении разумной и уравновешенной внутренней и внешней политики турецкий лидер и видел залог успешности государства.

Кемализм – классическая модернистская идеология. Модернизм как политическая парадигма приобрел серьезное влияние на рубеже XIX и XX веков, когда и формировались взгляды турецкого реформатора. Так, как и в других модернистских идеологиях, в рамках кемализма огромное значение отдавалось рационализму и сциентизму (научности, в некотором роде противопоставляемой религиозности). Исследователи указывают, что огромное влияние на М. Ататюрка и его идеи оказал французский идеолог Просвещения Жан-Жак Руссо.

Демократизация и модернизация Турции началась еще в период Османской империи уже в начале девятнадцатого века. Однако именно после образования национального государства появился шанс построить общество, основанное на философии просвещения, где ключевыми ценностями станут национализм (в конструктивистском понимании этого термина) и секуляризм.

По своей сути кемализм воплотил в себе тенденции антиимпериализма, характерные для 1920-х гг., а также стремление к построению прогрессивного светского общества. Прямо декларируемой целью кемализма была модернизация, создание современного общества на территории Турции. Позднее эти идеи были институционализированы в виде шести принципов – т.н. «шести стрел Ататюрка». Они были включены в программу Народно-

⁷⁷ Йанлик Л. Кемализм: возникновение и типология // Свободная мысль. 2019. №2 (1674). С. 12.

республиканской партии (НРП) в 1931 г. и официально обозначены термином «кемализм» в 1935 г.

Содержание идеологии кемализма может быть рассмотрено через эти шесть принципов, на которых в 1923-м г. началось строительство турецкой государственности:

1. Республианизм – конституционная демократическая республика как альтернатива османской абсолютной монархии. Принцип избираемой верховной власти и ее подотчетность народу.
2. Национализм – принцип национального государства, воспитывающего граждан в духе преданности к титульной нации.
3. Народность – единство турецкого общества и межклассовая солидарность.
4. Лайцизм или секулярность – отделение религии от государства, светское образование.
5. Этатизм – вмешательство государства в экономику.
6. Революционность – курс на вестернизацию, борьба с пережитками прошлого.

Первым принципом является *республиканизм*. Именно республика виделась М. Ататюрку идеальным вариантом государственного устройства, поскольку наследие Османской империи и ее закат демонстрировал несостоятельность единоличной власти самодержца. Отметим, что критики М.К. Ататюрка указывали, что среди «шести стрел» отсутствовала демократия, тогда как республиканский строй не гарантирует установления авторитарного или даже тоталитарного режима. Однако М.К. Ататюрк по своим убеждениям был демократом. Он отмечал, что для турецкого общества наиболее адекватным является именно демократический режим, при котором органы публичной власти формируются на основе волеизъявления большинства граждан. Он полагал, что демократия лучше монархии, даже если та и ограничена конституционными рамками.

Принцип *национализма* в кемалистской интерпретации опять-таки укладывается в общую европейскую парадигму модернизма. Речь не идет о расовой или этнической нетерпимости: нация рассматривалась М.К. Ататюрком как гражданский конструкт: «турком является тот, кто себя таковым считает» - полагал он. Национализм в равной степени противопоставлялся как имперскому государственному мышлению, так и узкому этнонациональному подходу пантюркизма. Неслучайно М.К. Ататюрк определял турецкую нацию как «совокупность граждан Турции, образовавших государство Турецкая республика»⁷⁸. В таких условиях каждый гражданин Турции мог идентифицировать себя как турок, будь то этнический грек, черкес, курд, еврей или армянин. Предполагалось, что именно национальное государство позволит сделать Турцию конкурентоспособной среди самых передовых стран мира, причем во всех областях. По мысли М.К. Ататюрка, Турция должна была быть в авангарде не только в экономической или военной областях, но и в искусстве, литературе, науке, вопросах защиты прав человека и т.п.

Принцип *революционности* опять-таки проистекал из модернистских идеологических установок: он означал стремление новообразованного государства к прогрессу во всех сферах, своего рода «догоняющее развитие» передовых государств, которое должно быть обеспечено для процветания турецкого общества. Революционность в данном понимании означала прогресс и противопоставлялась консерватизму.

Принцип популизма (или, точнее, *народности*) способствовал объединению народных масс, вне зависимости от их социального слоя или класса. В кемалистских интерпретациях он означал некий «средний путь» между либерализмом и социализмом. В новообразованной Турецкой республике не должно быть места классовым противоречиям, поскольку каждый член общества должен быть равноправным с другими гражданами.

⁷⁸ Сулейманов А.В. Политическая идеология Ататюрка // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2015. №2 (30). С. 57.

Государство, в свою очередь, брало на себя функцию заботы о малоимущих и других социально уязвимых категориях граждан.

Этатизм – еще один из столпов кемализма. Он подразумевает необходимость построения «сильного государства», активно вмешивающегося в экономику. Нахождение этого принципа в числе «шести стрел» объясняется историческим контекстом: на рубеже 1920-1930 гг. под влиянием мирового экономического кризиса (начало которому было положено Великой депрессией в США) либеральные идеологии, основанные на идее чистого рынка, подвергались критике. Как следствие, М.К. Ататюрк полагал, что в Турции правительство должно обладать необходимыми рычагами для воздействия на экономическую ситуацию – в том числе, для обеспечения граждан надлежащим жильем, школами, учреждениями здравоохранения, а также социальной и культурной сферы. В сочетании с принципом народности, принцип этатизма позволял на практике реализовать концепцию «социального государства» на территории Турции.

Наконец, следующий принцип — *секуляризм*. Кемалистский секуляризм означал не только отделение государства от церкви, но и обособление религиозных учреждений от сферы образования, культуры, а также правовой системы. М.К. Ататюрк считал, что ни одна из религий или конфессий не может вмешиваться в государственные дела и не может требовать привилегий. Религия или конфессия не могут влиять на законы и политический курс правительства. Иными словами, государство должно быть равноудалено от любых религиозных движений и организаций, которые, в свою очередь, являются равноправными между собой. Неслучайно многие исследователи считают, что кемалистская революция в первую очередь являлась светской революцией, построенной на противодействии антимодернистским устремлениям значительной части политических исламских организаций.

Все указанные «шесть стрел» стали довольно быстро воплощаться в политической практике правительства М.К. Ататюрка. Основная часть реформ произошла в период между 1923 и 1928 годами. Эти реформы были

направлены на создание светского, прогрессивного общества. Среди них: упразднение султаната (1922 г.), упразднение халифата (1924 г.), создание единой системы светского образования (1924 г.), замена семейного права, основанного на шариате, светскими гражданскими законами (1926 г.). Культурная политика была направлена на европеизацию часов, календаря, алфавита и одежды.

Что же касается непосредственно внешнеполитической ориентации, заложенной правительством М.К. Ататюрка на несколько десятилетий вперед, то ее базовые принципы во многом вытекали из указанных «шести стрел». По сути, каждая из них обладала своим влиянием на курс, который проводился правительством как на межгосударственном уровне, так и в рамках деятельности Турции в международных организациях.

Поскольку кемализм формировался параллельно с построением турецкого национального государства, проходящим в условиях вооруженного противостояния, главной его внешнеполитической целью на ранних этапах стало обретение независимости путем военной и дипломатической борьбы с враждующими государствами того времени. Впоследствии основополагающий принцип внешней политики Турции был определен как «мир»: неслучайно М.К. Ататюрк провозгласил лозунг: «Мир дома, мир на Земле». Впоследствии основатель турецкого государства стремился обеспечить именно такое положение, стремясь дать своей стране как можно больше времени для мирного развития – несмотря на то, что в конце 1930-х гг. выстроить баланс во взаимодействии с ключевыми державами было непросто.

Первая особенность кемалистской внешней политики – выстраивание отношений со странами, разделяющими те принципы и ценности, на которых строилась сама Турецкая Республика как светское, демократическое, социально-ориентированное государство. Восприятие этих идей во внутренней политике обусловило и внешнеполитический «поворот к Западу». Странам, ранее враждовавшим с Османской империей, были выражены предложения о дружбе и сотрудничестве. Тем самым М.К. Ататюрк стремился

порвать с прошлой внешнеполитической доктриной, в рамках которой страны Запада рассматривались, скорее, как естественные противники⁷⁹. Отсюда в принципе вытекает и такая черта, как антиимпериализм, который основатель турецкого государства не приветствовал ни в отношении собственной страны, ни в отношении других государств.

Вторая особенность – отказ от экспансиионизма. Приняв «новую геополитическую реальность», сложившуюся после Первой мировой войны, М.К. Ататюрк сконцентрировался на развитии страны в тех границах, которые были определены международными договорами. Это логически вытекало из принципа национализма: реваншистские настроения рассматривались как возвращение в прошлое, где Турция бесконечно была вынуждена воевать в целях экспансии. Как следствие, кемализм не предполагал реваншизма и отказывался от территориальных приращений. С идеологической точки зрения позитивизм и рационализм кемалистской внешнеполитической мысли потребовали отказа от пантюркизма, пантуранизма и идей «исламского единства», которые были распространены в «антиреспубликанской» среде сторонников халифата и султаната⁸⁰.

Третья особенность состояла в укреплении суверенитета за счет снижения роли военной силы и более активного применения дипломатического инструментария. За счет деятельности турецких дипломатов радикально улучшились отношения с Грецией и странами Балкан. Реализуя отказ от «жесткой силы», Турция в 1929 г. присоединилась к Пакту Бриана-Келлога, в котором договаривающиеся стороны не признают войну в качестве эффективного средства решения международных споров и реализации национальных интересов, а также считают, что любой спор или конфликт должен решаться «исключительно мирными средствами»⁸¹.

⁷⁹ Turkish Foreign Policy During Ataturk's Era [Electronic source]. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkish-foreign-policy-during-ataturks-era.en.mfa> (accessed: 5.02.2024)

⁸⁰ Cizre-Sakallioğlu U. Kemalism, hyper-nationalism and Islam in Turkey // History of European Ideas. 1994. №2 (18). P. 621.

⁸¹ Kellogg-Briand Pact 1928 [Electronic source]. URL: <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/imt/kbpact.htm> (accessed: 5.02.2024)

Четвертая особенность – опора на взаимодействие с международным сообществом. Молодая Турецкая Республика позиционировала себя как государство, активно участвующее в международных делах на основе равноправия и уважения суверенитета всех стран, а не диктующее свою волю в одностороннем порядке. Правительство М.К. Ататюрка участвовало в деятельности арбитража Лиги Наций по вопросу о принадлежности нефтеносного района Мосул (по итогам он был закреплен за Ираком, подмандатной территорией Великобритании)⁸². Также именно дипломатические усилия позволили решить одну из важнейших послевоенных проблем Турции – восстановить суверенитет над проливами Босфор и Дарданеллы: уже в 1936 г. была подписана Конвенция Монтрё, важную роль в подписании которой сыграли СССР и Великобритания – страны, с которыми М.К. Ататюрк выстроил конструктивные дипломатические отношения⁸³.

Помимо решения собственных проблем, доставшихся в наследство от предыдущего режима, Турция активно участвовала в международных инициативах, имеющих как глобальное, так и региональное значение. Страна стала членом Лиги Наций, неоднократно использовала предложенные в ее рамках инструменты арбитража как ключевого способа мирного разрешения споров. Турция присоединилась к международным санкциям против Италии после вторжения режима Муссолини в Эфиопию, а после Второй мировой войны содействовала становлению ключевых институтов ООН⁸⁴.

Наконец, пятая особенность – это рационализм, из которого вытекает стремление выстраивать баланс во взаимоотношении с разными государствами на основе многовекторного подхода. Несмотря на то, что в отечественной литературе кемализм часто ассоциируется именно с вестернизацией Турции, на практике М.К. Ататюрк стремился выстраивать

⁸² Boldyrev A. The Ottoman Near East in The Republican History of Turkey: The Problem of Mosul and Hatay in The 1920s-1930s [Electronic source]. URL: <https://www.ttk.gov.tr/wp-content/uploads/2022/03/01-AndreyBoldyrev.pdf> (accessed: 5.02.2024)

⁸³ Конвенция о режиме проливов от 20 июля 1936 //

⁸⁴ Olson R.W., N. Ince. Turkish Foreign Policy from 1923 - 1960: Kemalism and its Legacy, a Review and a Critique // Oriente Moderno. 1977. №5. P. 233.

отношения и с другими странами, если это позволяло обеспечить мир в Турецкой республике. Так, опасаясь экспансии Великобритании в начале 1920-х гг. на Ближнем Востоке, М.К. Ататюрк заключил договор с Советским союзом о дружбе (1921), а также пакты о ненападении и сотрудничестве (1925). Однако, когда в 1930-е гг. угроза экспансии стала исходить от фашистской Италии, Турция укрепила свои отношения с Великобританией и Францией⁸⁵.

В результате, на протяжении всего XX века Турция стремилась обеспечить «кольцо безопасности», реагируя на изменяющиеся внешние условия. До начала «холодной войны» Турции удавалось не втягиваться в военно-политические блоки, поскольку идеологические факторы, определявшие внешнюю политику западных государств («красная угроза») не имели для Анкары решающего значения.

Таким образом, в исторической перспективе кемализм как внешнеполитическая идеология полностью доказал свою самостоятельность: как отмечают эксперты, за счет рациональной дипломатии и опоры на мирные способы решения споров и конфликтов, Турция смогла достичь сложных целей во внешней политике, находясь при этом «возможно, в самом слабом с экономической и военной точки зрения положении за всю свою историю»⁸⁶. Отметим, что внутри- и внешнеполитические аспекты кемализма были тесно переплетены: «шесть стрел» во внутренней политике предполагали разумный и конструктивный подход во внешнеполитических сношениях; в свою очередь, проводимая в соответствии с этими принципами внешняя политика способствовала устойчивому миру, что позволило обеспечить стабильность внутри Турции, мобилизовать энергию на внутренние реформы и всеобъемлющую модернизацию общества.

Длительное время кемализм был господствующей идеологией в Турции, практически не сталкиваясь с серьезными вызовами для своего

⁸⁵ Çalış Ş., Bağci H. Atatürk's Foreign Policy: Understanding and Application // SÜ İİBF Sosyal ve Ekonomik Araştırmalar Dergisi. 2000. №4 (63). P. 195.

⁸⁶ Olson R.W., N. Ince. Op. cit. P. 235.

доминирования. Однако к концу XX века появились первые критически настроенные политические силы – во многом в связи с расцветом «политического ислама», требующего определенной ревизии наследия турецкой государственности.

Так, в 1990-е гг. стали набирать силу турецкие исламисты, которые становились все менее «управляемыми» светской властью, и всеми мерами стремились расширить и укрепить своё влияние. В 1995 г. происламская Партия благоденствия (Рефах) победила на парламентских выборах, и с июня 1996 г. по июнь 1997 г. ее лидер Н. Эрбакан занимал пост премьер-министра, став первым происламским политиком на этом посту⁸⁷. В период его правления была предпринята попытка отойти от светских принципов во внешней политики Турции и положить в основу внешнеполитического курса идею возврата к исламскому миру. По сути, это была наиболее яркая за весь XX век попытка отойти от идеологии кемализма, что напрямую проявилось и во внешней политике Анкары.

Так, в рамках ориентации на развитие сотрудничества с мусульманскими странами Н. Эрбаканом был разработан проект межгосударственного объединения исламистских стран. На саммите 15 июня 1997 г. в Стамбуле была учреждена организация под названием «Исламская восьмерка» (D-8 - Developing-8), в состав которой вошли Турция, Египет, Иран, Пакистан, Нигерия, Бангладеш, Индонезия и Малайзия⁸⁸. Основные направления деятельности, заключавшиеся в формировании совместного правового мирного происламского объединения, являлись в основном декларативными. Главной задачей, которая ставилась перед D-8, являлось формирование альтернативной сильной межрегиональной организации, основанной на принципах защиты и распространения ислама.

⁸⁷ Соглашение между Партией верного пути и Партией благоденствия предусматривало периодическую смену на посту премьера лидера одной партии (Н. Эрбакан) лидером другой (Т. Чиллер)

⁸⁸ Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира. <http://i-r-p.ru/page/stream-library/index-3065.html> (дата обращения: 1.07.2023)

После ухода Н. Эрбакана с поста премьер-министра «Исламская восьмерка» продолжила свое существование (в 2017 г. в Стамбуле прошел ее 9-й саммит), однако несмотря на это, стоит отметить, что данный интеграционный проект нельзя считать успешным, поскольку D-8 так и не получила весомого политического влияния на мировой арене. Главной причиной отмеченной политической несостоятельности «Исламской восьмерки» явилось то, что сотрудничество, основанное исключительно на конфессиональной солидарности, оказалось не способно преодолеть разногласия по иным вопросам государственного строительства, которых придерживаются столь разные и удаленные друг от друга государства.

Отметим, что идеи объединения исключительно на религиозных основах отвергались еще в начале XX века⁸⁹. Более предпочтительным вариантом укрепления могущества государства исследователи считали пантюркизм, который турецкий социолог М. Зекальп подразделял на туркизм и тюрокизм (или туранизм) как основную идею объединения всех тюркоязычных народов в единое государство – Туран⁹⁰. Туранизм как своего рода националистический проект противопоставляется как исламизму (религиозному проекту), так и османизму (проекту имперскому).

Таким образом, Н. Эрбаканом была предпринята не вполне успешная попытка переориентации внешнеполитического курса Турции от светской интеграции с западными странами к панисламскому международному сотрудничеству. Однако это не означало, что светская ориентированность кемализма осталась неизменной домinantой внешней политики.

Конец 1990-х годов ознаменовался острым противостоянием между исламистским движением и светским истеблишментом. Приход к власти коалиции во главе с лидером партии Рефах Неджметтином Эрбаканом встревожил военную верхушку. В феврале 1997 года Совет национальной безопасности фактически предъявил правительству ультиматум, вошедший в

⁸⁹ Акчуря Ю. Три вида политики / пер. Р. Ф. Мухаметдинова // Татарстан. Казань, 1994. № 3–6

⁹⁰ Пантюркистский проект (Туран) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.geopolitics.ru/2012/09/pantyurkistskij-proekt-turan/> (дата обращения: 1.07.2023)

историю как «меры 28 февраля». Спустя несколько месяцев кабинет Эрбакана был вынужден уйти в отставку, а в начале 1998 года Конституционный суд запретил партию Рефах.

Однако исламистское движение продемонстрировало способность к быстрой регенерации. На смену Рефах пришла партия Фазилет, формально возглавленная Реджай Кутаном, но сохранившая духовную связь с Эрбаканом. Власти ответили точечными репрессиями против активистов новой структуры. Осенью 1998 года был осуждён бывший мэр Стамбула Реджеп Тайип Эрдоган, в тот момент один из заметных, но далеко не первых фигур движения⁹¹.

Парламентские выборы 1999 года отразили последствия кризиса: Фазилет откатилась на третье место. Общество было расколото, репутация исламистских кругов подорвана скандальными разоблачениями. В 2001 году Конституционный суд закрыл и эту партию, казалось бы поставив точку в истории легального политического ислама в Турции. Дальнейшие события показали, что это было лишь затишье.

Сторонники партии «Фазилет» разделились на две партийные группы - «традиционистов» и «прогрессистов». Первые учредили партию Саадет («Счастье») во главе с Р. Кутаном, активно поддержанную Н. Эрбаканом⁹². Вторые, «обновители», заявили о себе как о сторонниках «умеренного ислама»: они создали Партию справедливости и развития (далее - ПСР), избрав своим лидером частого критика Эрбакана, Р. Т. Эрдогана.

Таким образом, кризис кемализма начал полноценно проявлять себя уже в 1980-е гг. Несмотря на то, что приведенная выше хронология демонстрирует противоречие между религиозностью турецкого общества и светским характером кемализма (из которого, в свою очередь, вытекало «невнимание» к традиционным сферам влияния в странах, населенных мусульманами и чрезмерная ориентация на Запад), эта причина не является единственной. Как

⁹¹ Киреев Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. С. 57.

⁹² С того времени Эрбакану и оставшимся в меньшинстве его приверженцам, включая Р. Кутана, так и не удалось попасть в исполнительную власть.

вытекает из положений диалектического материализма, основой политических и культурных изменений выступает экономический базис. Поэтому нельзя не принимать во внимание объективные процессы, которые становились все более заметными по мере укрепления турецкого государства. В 1980-е гг. в экспертной среде стал все чаще обсуждаться феномен «анатолийских тигров» - представителей крупного национального капитала, которые *en masse* придерживались религиозных или консервативных взглядов⁹³. Их естественным запросом было укрепление связей с внешнеполитическими партнерами из числа мусульманских стран, обращение к опыту Османской империи с ее активной экономической (и даже военной) экспансии в соседние страны. Сильный национальный капитал, в свою очередь, постепенно нашел опору в лице политических сил, агрегировавших его интересы на общегосударственном уровне и способных создать условия для экспансии турецкой промышленности на развивающиеся рынки Ближнего Востока и Центральной Азии.

Вторая немаловажная причина кризиса кемализма – это все более заметная к концу XX века «прозападная» ориентация правительства, которая вызывала тем больше недовольства, чем активнее страны Запада вмешивались в дела на Ближнем Востоке, в том числе, используя тактику «двойной игры», где Турции традиционно отводились «вторые роли». Вторжение США в Ирак в 2003 г. стало серьезным импульсом к охлаждению турецко-американских отношений – в том числе потому, что Вашингтон поддерживал иракских курдов, имеющих тесные связи с курдской оппозицией в самой Турции. На этом фоне Турция сблизилась с Ираном, антизападная позиция которого базировалась на ценностях «Исламской революции»⁹⁴. Евросоюз, в свою очередь, не стремился принимать Турцию в свой состав, что тоже

⁹³ Ермекбаев А.А. Изменение внешней политики Турции: от кемализма до неосманизма (основные внутренние и внешние факторы) // Вестник Карагандинского университета. 2018. №2 (90). С. 103.

⁹⁴ Сулейманов А.В. Турция, Иран, США и иракский кризис 2003 г // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2013. №4. С. 52.

приводило общественный скепсис в отношении прозападной ориентации кемалистских политиков.

Наконец, третья причина отхода от кемализма носит, скорее, культурный характер. Антиимпериализм и стремление решать вопросы мирными средствами, характерные для первой половины XX века, становились все менее популярными, тогда как реваншистские идеи захватывали турецкое общество – о чем свидетельствовали и социологические исследования⁹⁵. Турки все чаще стремились к расширению культурных и экономических связей с территориями, когда-то входившими в состав Османской империи, что, разумеется, добавляло политического веса сторонникам пантюркизма и (нео)османизма.

Выводы. Кемализм стал своего рода выходом из кризиса, сложившегося в турецком обществе на фоне поражения в Первой мировой войне и распада Османской империи. Ориентация на внутреннее развитие, которое могло быть обеспечено только в условиях устойчивого мира (отсутствия внешних военных вызовов) и всестороннего развития конструктивных отношений с другими странами, стала главной идейной основой кемализма, объединяющей в себе как внутри-, так и внешнеполитические компоненты. Воспринятые внутри страны «шесть стрел» (республиканизм, национализм, народность, секулярность, этатизм, революционность) требовали аналогичного изменения и внешней политики.

В числе основных элементов внешнеполитической идеологии кемализма были выделены: выстраивание конструктивных отношений с бывшими противниками (ориентация на светские, демократические, республиканские режимы); отказ от экспансиионизма и реваншизма; снижение роли военной силы и более активное использование дипломатии для достижения внешнеполитических целей; опора на взаимодействие с международными институтами (Лига Наций, ООН); стремление выстраивать

⁹⁵ См: Hale W. Nationalism, Democracy, and Islam in Turkey: The Unfinished Story // Middle East Journal. 2010. №1; Balci T. From Nationalization of Islam to Privatization of Nationalism: Islam and Turkish National Identity History Studies. 2009. №1.

баланс во взаимоотношении с разными государствами на основе многовекторного подхода. Эти принципы позволили Турции устойчиво развиваться даже в ситуации, когда страна находилась в откровенно слабой с военной и экономической точки зрения позиции.

Однако к концу 1980-х гг. по объективным причинам кемализм уже не отвечал запросам турецкого общества. Главными причинами, лежавшими в основе трансформации внешнеполитической идеологии, стал рост политического влияния национального капитала, ориентированного на экспансию внешних рынков в лице мусульманских стран Ближнего Востока и Центральной Азии; кризис в отношениях с Западом, который был основным направлением внешнеполитических усилий кемалистского правительства; рост реваншистских настроений в турецком обществе, стремление сближаться со странами, близкими Турции в этническом, религиозном и культурном плане. Эти предпосылки в совокупности привели к росту популярности политических сил, чья внешнеполитическая идеология опиралась на рассмотренные в п. 1.1 настоящей работы конструкты XIX века – пантюркизм и (нео)османизм – и в итоге, к победе этих политических сил на выборах.

1.3. Основные идеологемы внешней политики Турции в XXI веке

В рамках всестороннего анализа произошедших в XXI веке изменений во внешнеполитическом курсе Турции, следует проанализировать факторы, оказывающие влияние на его формирование, выделить основные внешнеполитические ресурсы Турции в XXI в.

Среди постоянных **факторов**, влияющих на внешнеполитический процесс, в Турции следует, в первую очередь, назвать географическое положение. Внешняя политика Турции во многом предопределена её местом на карте мира. Находясь на перекрёстке цивилизаций и регионов, страна исторически не может замкнуться в рамках одного геополитического пространства, и это накладывает отпечаток на то, как турецкое общество и власть воспринимают своё место в международных отношениях.

Следующим фактором, оказывающим воздействие на внешнюю политику Турции, является ее *принадлежность к исламскому миру*. Турецкая Республика представляет собой светское государство с преимущественно мусульманским населением и позиционирует себя в качестве неотъемлемой структурной части исламского мира. Влияние ислама как на внутреннюю, так и на внешнюю политику Турции значительно превосходят воздействие иных религий, с которыми у страны есть существенный опыт сосуществования и диалога (христианство, иудаизм).

Огромную роль в формировании внешнеполитического курса играет **этнический фактор**. Большое количество турок расселено за пределами Турции, с которыми у них есть связи. Так, на территории современной Сирии проживают около 100 тысяч сирийских турок⁹⁶, иракские туркоманы являются третьим по численности народом Ирака после арабов и курдов⁹⁷, турки-киприоты проживают в Северном Кипре (179 тысяч человек)⁹⁸, часть в

⁹⁶ Phillips David J. Peoples on the Move: Introducing the Nomads of the World. William Carey Library. P. 301.

⁹⁷ Менгес К. Тюркские языки и тюркские народы, Висбаден, 1968. С. 12-13.

⁹⁸ BBC Your Voice; Turkish today by Viv Edwards [Electronic source] // URL: <http://www.bbc.co.uk/voices/multilingual/turkish.shtml> (accessed: 22.07.2023)

Великобритании (150 тысяч)⁹⁹, Австралии (25 тысяч)¹⁰⁰, Германии (10 тысяч), Канаде (5 тысяч), США (5 тысяч)¹⁰¹ и т.д.¹⁰²

Однако на первом месте, несомненно, стоит курдский вопрос. Так, 18-миллионная курдская община, проживающая на территории Турции, в течение многих лет ведет борьбу за признание их прав. При этом отмеченная борьба ведется различным образом. Так, в настоящий момент существует Рабочая партия Курдистана, признанная террористической организацией в ЕС¹⁰³, которая ведет борьбу за права курдов в т.ч. путем вооруженного противостояния. Также существует Демократическая партия регионов, отстаивающая интересы курдского населения при помощи мирных политических инструментов, включающих в себя взаимодействие с Демократической партией народов, входящей в состав Великого национального собрания Турции.

Многонациональный состав населения заставляет Анкару жестко придерживаться принципа государственного единства. Любые проекты децентрализации воспринимаются как угроза, а перспектива появления независимого Курдистана категорически отвергается.

Определенное значение имеет также такой фактор как *догоняющее развитие или политика модернизации по западному образцу (вестернизация)*, главной целью которого является достижение как геополитического, так и экономического соответствия наиболее развитым западным странам, к которым можно отнести страны ЕС и США.

Имперское наследие Османской эпохи продолжает жить в политическом сознании современной Турции, т.е. важным фактором является особый тип

⁹⁹ Embassy of the Republic of Turkey in London [Electronic source] // URL: <http://turkishembassylondon.org/canon/turks.htm> (accessed: 22.07.2023)

¹⁰⁰ Yesterday & Today — Turkish Cypriots Of Australia [Electronic source] // URL: <http://www.turkishcypriots.com.au/> (accessed: 22.07.2023)

¹⁰¹ Cypriot Americans [Electronic source] // URL: <http://www.everyculture.com/multi/Bu-Dr/Cypriot-Americans.html> (accessed: 22.07.2023)

¹⁰² Turkish Cypriots seek recognition By Brendan Nicholson April 27, 2004 [Electronic source] // URL: <https://www.theage.com.au/articles/2004/04/26/1082831497716.html?from=storyrhs> (accessed: 22.07.2023)

¹⁰³ EUROPEAN UNION: LISTS OF TERRORIST PERSONS OR ORGANIZATIONS [Electronic source] // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1406812173963&uri=CELEX:32014R0125> (accessed: 02.08.2023.)

политического мышления турецких элит. Это выражается в стремлении вернуть утраченные позиции в регионе, выстраивая отношения с соседями через культурную дипломатию и поддержку лояльных политических сил (в рамках т.н. концепции *неоосманизма*, о которой будет более подробно сказано ниже).

Турецкая внешняя политика выстраивается на нескольких фундаментальных *ресурсах*, каждый из которых усиливает присутствие страны на международной арене.

Важнейшим из них выступает особая государственно-религиозная модель. Турция демонстрирует, что исламская идентичность способна сосуществовать с институтами современного светского государства. Для многих мусульманских стран, балансирующих между традицией и модернизацией, подобный опыт представляется привлекательной альтернативой как радикальному секуляризму западного образца, так и теократическим режимам.

Не менее существенную роль играет апелляция к истории. Османский период переосмысливается в выгодном свете: империя изображается не завоевателем, а мудрым арбитром, обеспечивавшим мирное сосуществование множества этносов и конфессий. Параллельно формируется нарратив о культурном и научном величии (порой с приписыванием османам достижений, имеющих спорную атрибуцию). Такая историческая политика работает на укрепление национальной гордости внутри страны и создание привлекательного образа за рубежом.

Этнический фактор открывает перед Анкарой уникальные возможности. Тюркоязычные народы проживают на обширном пространстве, от Якутии до Балканского полуострова. Апеллируя к общим корням, языковой близости и культурному родству, Турция продвигает идею консолидации этого пространства. Создание Организации тюрksких государств можно назвать практическим воплощением этих устремлений, направленных на формирование собственной региональной подсистемы с Анкарой в центре.

Религиозное измерение дополняет этническое. Историческая роль османских султанов как халифов — духовных лидеров мусульман — не забыта. Правящая партия умело использует этот символический капитал, позиционируя Турцию как защитницу интересов исламского мира. Это проявляется в риторике по палестинскому вопросу, в строительстве мечетей за рубежом, в гуманитарных инициативах, адресованных мусульманским общинам разных стран.

Огромную роль в формировании внешней политики играют также *демографические ресурсы* Турецкой Республики (население Турции на конец 2023 г. составляет около 85,3 млн человек, Турция занимает 19-е место в мире по численности населения)¹⁰⁴, экономический потенциал Турции (многоотраслевая экономика, выгодное географическое положение, молодая и дешевая рабочая сила и приток зарубежных инвестиций сделали экономику страны одной из сильнейших в регионе)¹⁰⁵. Значительным ресурсом внешней политики Турции является ее военно-промышленный комплекс. Турецкая армия является одной из самых многочисленных в рамках стран-членов НАТО, а оборонно-промышленный комплекс Турции работает в т.ч. на экспорт продукции в соседние государства.

Именно вышеописанные факторы и ресурсы, характерные для Турецкой Республики, и выступили в качестве основы формирования **внешнеполитического курса Партии справедливости и развития (далее – ПСР)**. Рассмотрим его содержание более подробно.

Резкий курс на разрыв с имперским и религиозным прошлым, выбранный М. Ататюрком, равно как и сама идеология кемализма вызвали противодействие у значительной части общества, и уже после введения многопартийности в 1946 году к власти периодически приходили происламские партии, стремившиеся хотя бы частично вернуть прежние

¹⁰⁴ Счетчик населения Турции [Электронный ресурс]. URL: <https://countryometers.info/ru/Turkey> (дата обращения: 15.05.2025)

¹⁰⁵ SABAH: 2015 bütçesi komisyondan geçti. Giriş Tarihi, 26.11.2014 [Electronic source] // Access: <https://www.sabah.com.tr/ekonomi/2014/11/26/2015-butcesi-komisyondan-gecti> (last access 22.02.18)

порядки, но армия устраивала перевороты и возвращала страну к идеалам Ататюрка. На рубеже XX-XXI века эти процессы лишь усилились – во многом под влиянием расцвета исламских государств Ближнего Востока и ростом экономического и военного могущества стран с преобладающим мусульманским населением.

Так, в 1997 году в Турции случился очередной военный переворот: под давлением президента и армии коалиционное правительство подало в отставку, а один из лидеров партии «Рефах» («Благоденствие») Реджеп Эрдоган, занимавший в то время пост мэра Стамбула, провел в тюрьме четыре месяца за исламистские высказывания.

Таким образом, в новое тысячелетие Турция вступала в затяжном политическом кризисе. В обществе накопилась усталость от кемалистского пути развития, перспективы вступления в сформированный в 1992 году Европейский Союз оставались туманными, а запрос на перемены и альтернативу был крайне высок. На этой волне из осколков разгромленных проилюмских партий была сформирована на более умеренной платформе Партия справедливости и развития (ПСР), одержавшая сокрушительную победу на парламентских выборах 2002 года. ПСР получила абсолютное большинство мест в Великом национальном собрании Турции (меджлисе) и сформировала свое правительство. Отметим, что в парламентских выборах приняли участие 18 политических партий, однако только две из них сумели пройти в Меджлис: сформированная чуть более чем за год до выборов Партия справедливости и развития (ПСР) и Народно-республиканская партия (НРП). Эти цифры демонстрируют недовольство избирателей прежде всего экономической и социальной политикой руководства страны. В соответствии с результатами выборов ПСР получила в меджлисе 366 мест из 550-ти и право на формирование однопартийного правительства. Избиратели выбрали ПСР как альтернативу действующим партиям, успевшим дискредитировать себя¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Авактов В.А. Внешнеполитическая идеология Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития дисс. канд. полит. наук. М.: 2013 С. 67

В дальнейшем в течение 13 лет ПСР получала большинство мест в парламенте, но потеряла его в июне 2015 года. В ноябре того же года она, впрочем, снова получила большинство мест в парламенте.

Р.Т. Эрдоган, один из основателей и лидер новой партии, не мог сразу стать премьер-министром из-за судимости, и правительство на несколько месяцев возглавил его соратник А. Гюль. Именно приход к власти Партии справедливости и развития (ПСР) определил кардинальную трансформацию идеологических основ внешнеполитического курса Турции в XXI веке – вплоть до настоящего времени. Поскольку ПСР является правящей партией почти на всем протяжении XXI века, то идеологемы внешней политики Турции сформировались на основе именно ее идеологии, постулаты которой изложены в программе партии и работах ее лидеров. Рассмотрим эти постулаты более подробно.

Практически сразу новое правительство столкнулось с внешнеполитическими сложностями. В марте 2003 года началась война в Ираке. От Турции как члена НАТО (хотя альянс формально и не принимал участие в антииракской коалиции) и ключевого союзника США в регионе ожидалось, как минимум, предоставление плацдарма для вторжения американских войск с севера. В обмен на это решение американцами было предложено безвозмездно 6 млрд долларов и еще 24 млрд кредита. Однако идея участия в войне на стороне американцев была крайне непопулярна в турецком обществе, поэтому, несмотря на сложную экономическую ситуацию, Меджлис с минимальным перевесом голосов отклонил американское предложение¹⁰⁷.

Идеологически ПСР противопоставила себя старым кемалистским партиям. Во внешней политике это проявилось в определенном смещении приоритетов. Хотя турецкие политики продолжали декларировать стремление вступить в Европейский Союз и укреплять сотрудничество с Соединенными

¹⁰⁷ Салум Х.Е. Позиция Турции по конфликту вокруг иракского кризиса 2003 г. и активизация различных направлений турецко-иракских отношений после войны в Ираке// Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Международные Отношения – 2013. – С. 98-106

Штатами как ключевым военным союзником, на практике произошла переориентация Анкары на соседей по региону. Большинство стран региона в тот или иной период входили в состав Османской империи, а современная Турция, согласно рассмотренным выше доктрина пантюркизма и неоосманизма логично рассматривалась идеологами ПСР как преемник и продолжатель дела османов. Отсюда вытекало, что Турция должна стремиться стать региональным лидером и ориентиром для тюркоязычных обществ в сопредельных государствах. При этом примечательно, что долгое время лидеры ПСР негативно относились к обозначению их внешней политики термином «неоосманизм»¹⁰⁸.

Как уже отмечалось выше, к неоосманизму близко примыкают пантюркизм (объединение тюркского мира) и умеренный исламизм, которые фактически являются его составными элементами¹⁰⁹. Несмотря на то, что в прошлом эти концепции были скорее антагонистичны (так, пантюркизм предполагал консолидацию на основе этнической, культурной и языковой общности, а неоосманизм – на основе политico-религиозного единства народов бывшей Османской империи), со временем противоречия сгладились – тем более, что большинство тюркских народов исповедует ислам в той или иной форме.

Идеология политического ислама и пантюркизма тесно связана с фигурой **Ф. Гюлена** – турецкого интеллектуала, бывшего имама, создателя движения «Хизмет». Эта организация выбрала своей миссией создание разветвленной, протурецки ориентированной системы образования во многих странах мира, а также укрепление культурных связей. Ключевыми методами достижения этой цели стали международные олимпиады по турецкому языку, а также иные культурные и образовательные программы¹¹⁰.

¹⁰⁸ I am not a neo-Ottoman, Davutoglu says [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://web.archive.org/web/20131025025036/> <http://www.todayszaman.com/tz-web/news-193944-i-am-not-a-neo-ottoman-davutoglu-says.html> (дата обращения: 28.02.2021)

¹⁰⁹ Аватков В. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль – 2014, 3 (1645) – С. 71-78

¹¹⁰ Емельянова Н.М. Эрдоган VS Гюлен: новейшие тенденции в политическом развитии Турции // Вестник РГГУ – 2017, 2(8). – С. 39-50

Первое десятилетие власти ПСР и «Хизмет», если и не были союзниками, то активно взаимодействовали, чему способствовала схожесть взглядов. Однако с 2013 года отношения вошли в кризисную фазу: прокуроры, связанные с движением Ф. Гюлена, начали антикоррупционное расследование в отношении ряда высших функционеров ПСР и ближнего окружения Р.Т. Эрдогана. Правительство отреагировало довольно жестко: были закрыты «гюленовские» новостные издания, сокращено финансирование и даже началась ликвидация сети зарубежных образовательных учреждений¹¹¹. Пик противостояния между Р.Т. Эрдоганом и Ф. Гюленом пришелся на июль 2016 г., когда военные-гюленисты попытались осуществить государственный переворот. После этого турецкие власти стали официально называть движение «Хизмет» «террористической организацией Фетхуллы Гюлена», а его сторонники подверглись судебным преследованиям¹¹². Были закрыты все спонсируемые «Хизметом» школы и университеты внутри Турции, а также большая часть зарубежных учреждений. Таким образом, в настоящий момент пантюркистский вектор турецкой политики в идеологическом плане несколько изменился ввиду «очистки» от влияния Ф. Гюлена. В большей степени этнорелигиозные интересы, которые ставились во главу угла Ф. Гюленом, уступили место интересам турецкого государства. Идеология неоосманизма в этой части оказалась как никогда востребованной.

Так, архитектором неоосманизма считается Ахмет Давутоглу, стамбульский профессор политологии, написавший в 2001 году фундаментальный трактат «Стратегическая глубина», в котором обосновал необходимость трансформации внешней политики Турции¹¹³. Данная работа представляет собой базовую теоретическую концепцию, определяющую общие принципы турецкой внешнеполитической философии: опору на историческое наследие Османской империи, уникальное географическое

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Шпаковская М.А., Барнашов О.В. Концепция неоосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции // Азия и Африка сегодня. 2018. № 2 (727). С. 30-36

положение, многовекторность и активную региональную политику. Впоследствии, в 2008 г., на основе принципов «Стратегической глубины» Давутоглу разработал конкретную внешнеполитическую доктрину «Ноль проблем с соседями», которая стала практическим инструментом реализации неоосманистской стратегии. Таким образом, если «Стратегическая глубина» определяет стратегические основы турецкой внешней политики, то «Ноль проблем с соседями» является одним из тактических принципов ее осуществления.

Подобные взгляды, вполне укладывающиеся в логику мысли и действий ПСР, не остались незамеченными, и в 2002 г. профессор был приглашен в качестве главного советника главы правительства по вопросам внешней политики. В дальнейшем влияние Давутоглу продолжило расти, и в 2009 г. он занял кресло министра иностранных дел.

При анализе идеологических основ внешнеполитического курса Турции работы А. Давутоглу являются крайне важными. Именно с его именем аналитики связывают новую внешнюю политику турецкого государства, начатую в XXI веке и в значительной степени актуальную для сегодняшнего дня. На рубеже столетий турецкое руководство в лице пришедшей к власти ПСР трансформировало внешнеполитические механизмы на основе концепций, разработанных Давутоглу.

Концептуальное оформление новый внешнеполитический курс получил в трудах Ахмета Давутоглу. Его основная работа представляла собой попытку переосмыслить место страны в меняющейся системе международных отношений. Отправной точкой послужил исторический анализ: автор обратился к многовековому опыту Османской империи, чтобы показать, какими ресурсами располагает современная Турция как преемница этого наследия. Прошлое в его интерпретации превращалось из музейного экспоната в действующий политический капитал.

Центральный тезис состоял в том, что потенциал страны остаётся недоиспользованным. Положение на стыке континентов, цивилизаций и

регионов традиционно описывалось через метафору моста, однако Давутоглу отверг эту пассивную роль как навязанную извне. Вместо транзитной функции он предложил видение Турции как самостоятельного центра силы, способного одновременно проецировать влияние в нескольких направлениях: на Балканы и Кавказ, в Центральную Азию и на Ближний Восток, в черноморский и средиземноморский бассейны.

Практическая программа включала несколько принципов. Прежде всего, ставка на активную и многовекторную дипломатию вместо следования в фарватере западных союзников. Далее, стремление к бесконфликтным отношениям с соседями как условие региональной экспансии. Наконец, сочетание долгосрочного стратегического планирования с готовностью к тактической гибкости. Конечной целью виделось превращение Турции из регионального игрока в державу глобального масштаба.

Также Давутоглу предложил значительно диверсифицировать внешнюю политику Турции, расширив сотрудничество с самыми разными странами. Иными словами, он выступил против односторонней политики, которая ранее была направлена, преимущественно, на Запад. При этом он указал на необходимость расширять собственные сферы влияния на самых разных направлениях: например, открывать для себя новые рынки в странах Азии, Африки и Латинской Америки¹¹⁴.

В 2008 г. Давутоглу предложил новую внешнеполитическую концепцию **«Ноль проблем с соседями»**. Формально она позиционировалась как продолжение кемалистского завета о мире внутри страны и за её пределами. Однако по существу речь шла о серьёзном переосмыслении внешнеполитической философии: акцент сместился в сторону исторической преемственности с османским и тюркским наследием.

Замысел строился на простой логике. Государство, вовлечённое в хронические конфликты с соседями, лишено возможности проводить амбициозную политику. Напротив, пояс стабильности по периметру границ

¹¹⁴ Davutoglu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. Istanbul, 2001. S. 182

высвобождает ресурсы для более масштабных инициатив. При этом учитывалась и внутренняя специфика: этническая мозаика турецкого общества делает любой региональный конфликт потенциальным источником внутриполитической напряжённости.

Методом достижения этих целей избиралось постепенное сближение через неконфликтные сферы. Торговля, культурные обмены, гуманитарные контакты должны были создать ткань взаимозависимости, способную со временем смягчить застарелые противоречия. Там, где немедленное решение споров невозможно, предлагалось не форсировать события, а терпеливо выстраивать условия для будущего урегулирования. Принципиальным было и понимание природы межгосударственных отношений. Давутоглу настаивал на том, что подлинные связи выстраиваются не между правительствами, а между обществами. Отсюда ставка на публичную дипломатию и инструменты мягкой силы как главные средства укрепления турецких позиций в регионе¹¹⁵.

Между тем, с течением времени практическая реализация рассматриваемой доктрины претерпела существенные изменения: идеалистическая цель отсутствия проблем с соседями, оставаясь формальной основой внешней политики, приобрела абсолютно иное значение. Так, в соответствии с измененным принципом «ноль проблем с соседями» во внешнеполитическом курсе Турции стали возникать претензии на роль надрегионального лидера при решении различных вопросов как регионального, так и мирового масштаба¹¹⁶.

Иными словами, Турецкая Республика окончательно отказалась от принципов мирного урегулирования региональных проблем, невмешательства в геополитическую повестку региона и перешла к политике активного воздействия как на геополитическую ситуацию в целом (решение наиболее

¹¹⁵ Сулайманов А.В. Идеология А. Давутоглу и внешняя политика Турции // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. №3.

¹¹⁶ Там же.

острых политических вопросов, возникающих как регионе и в мире), так и на внутриполитические процессы в различных государствах.

К основным причинам отказа от реализации первоначальных принципов доктрины «Ноль проблем с соседями» можно отнести следующие

1. Наличие внутриполитического противодействия со стороны сторонников кемализма, отказ от которого предполагала доктрина «Ноль проблем с соседями» в части геополитики неоосманизма.

2. Противодействие турецким интересам со стороны «соседей», рассматривающих усиление Турции как определенную угрозу (в частности, со стороны арабских государств, не заинтересованных в усилении геополитического влияния Турции).

3. Наличие политических противоречий между интересами соседних государств (например, противоречий между интересами Израиля и интересами исламского мира на Ближнем Востоке).

4. Недовольство «соседей» действиями Турции, направленными на укрепление своего политического влияния (например, союз с организацией «Братья-мусульмане» во время конфликтов в Египте и Тунисе, непоследовательные действия относительно создания бесполетной зоны в Ливии и т.д.);

5. Неспособность доктрины подстраиваться под современные политические тенденции на Ближнем Востоке. Доктрина была разработана еще до процессов «арабской весны», вследствие чего она не учитывала ни череду этих конфликтов, ни все последствия этих конфликтов. Сам факт «арабской весны» заставил Турцию делать скоропалительные шаги, ведя не дипломатически продуманную, а эмоциональную политику¹¹⁷.

Таким образом, произошел практически полный пересмотр принципа «ноль проблем с соседями». В настоящее время он выступает в качестве декларативного постулата, основным предназначением которого является

¹¹⁷ Кочоян Д. Причины краха доктрины Ахмета Давутоглу «Ноль проблем с соседями». NewsFront, 2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://news-front.info/2016/02/08/prichiny-kraха-doktriny-axmet-davutoglu-nol-problem-s-sosedyami-dzhamilya-kochoyan/> (дата обращения 11.07.2023)

оправдание активного внешнеполитического курса Турции¹¹⁸. Иными словами, в период правления ПСР произошел отказ от такого приоритетного направления внешней политики, как бесконфликтное распространение влияния Турецкой Республики, выступавшего в качестве базиса принципа «ноль проблем с соседями»¹¹⁹.

Предвыборная программа ПСР 2011 г., с которой и следует отсчитывать современный этап внешнеполитической стратегии Турции, в свою очередь, в качестве основной цели внешней политики рассматривала уже не укрепление позиций Турции в качестве регионального лидера, а превращение Турецкой Республики в трансрегионального лидера. Данная Программа предусматривала проведение проактивного внешнеполитического курса с целью формирования нового баланса между национальными и общемировыми интересами. Кроме того, в Программе был задекларирован якобы свершившийся факт перехода Турции от статуса ведомого государства к ведущему, в то время как предыдущий документ (Программа 2007 г.) рассматривала данный переход в качестве одной из целей внешней политики. Согласно положениям программы 2011 г. данный факт подтверждается тем, что Турция превратилась в трансрегиональный центр мягкой силы за счет достижений в сфере экономики, науки, образования и дипломатии.

Таким образом, на основании анализа Программы ПСР 2011 г. можно сделать вывод о том, что в 2011 г. принцип «ноль проблем с соседями» все еще сохранял свое влияние на внешнюю политику Турции, а в качестве одной из основных целей выступало поддержание дружеских отношений с соседями. Вместе с тем, основным лозунгом Программы 2011 г. стало провозглашение Турции в качестве страны-лидера.

Отмеченная тенденция к отказу от классического понимания доктрины «ноль проблем с соседями» нашла свое отражение, прежде всего, в

¹¹⁸Акопян В. Турция использует американскую стратегию «контролируемого хаоса» [Электронный ресурс] // Режим доступа:<http://www.regnum.ru/news/1289484.html> (дата обращения 11.07.2023)

¹¹⁹Аватков В.А. Внешнеполитическая идеология Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития дисс. канд. полит. наук. М.: 2013 С. 84

программных документах ПСР. В первую очередь, стоит обратиться к анализу внешнеполитических целей, заложенных в программе «Цели 2023»¹²⁰. Данная программа предусматривает, в частности, необходимость расширения турецкого влияния на Балканах, активное сотрудничество с Азербайджаном, активную внешнюю политику по устранению противоречий со странами Ближнего Востока, развитие отношений с США, тесную интеграцию с тюркскими республиками, укрепление сотрудничества с государствами Азии и Африки, повышение международного престижа Турции, активное использование механизмов мягкой силы для расширения турецкого влияния в других странах (например, посредством учреждения турецких университетов в зарубежных странах, культурной экспансии, организации культурных мероприятий «Год Турции» в различных странах и т.д.)¹²¹.

К целям, обозначенным ПСР в программе «Цели 2023», также стоит добавить внешнеполитические ориентиры, сформулированные Давутоглу, который подчеркивает необходимость углубления сотрудничества с США в сфере обеспечения мира и стабильности в зонах различных международных конфликтов. Давутоглу в качестве основных целей внешней политики Турции до 2023 г. рассматривает также углубление взаимодействия с Европой вплоть до вступления в ЕС, форсирование региональных интеграционных процессов под эгидой Турции, деятельность по разрешению конфликтов, а также расширение турецкого влияния на мировой арене и в ведущих международных организациях¹²².

Как можно заметить, основные цели внешнеполитического курса Турции, сформулированные как в программе ПСР, так и в книгах Давутоглу, во многом ориентированы на проведение активной внешней политики в

¹²⁰ Hedefler [Электронный ресурс] // Adalet ve Kalkınma Partisi. Режим доступа: <http://www.akparti.org.tr/site/hedefler/P18> (дата обращения: 20.08.2023)

¹²¹ Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М.: Аспект Пресс, 2017. С. 46.

¹²² Davutoğlu A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy [Электронный ресурс] // Foreign Policy. May 20, 2010. Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_foreign_policy?page=0,2 (accessed: 25.07.2023)

отношении стран Центральной Азии и Ближнего Востока. Согласно позиции ПСР, несмотря на историческую и культурную близость Турции к тюркским народам Центральной Азии, предыдущая политика турецкого руководства не в полной мере соответствовала ожиданиям центральноазиатских стран, в связи с чем основным направлением внешней политики в данной сфере является расширение сотрудничества и углубление региональной интеграции в отношении тюркских республик, что говорит о стремлении ПСР проводить активную неоосманскую внешнюю политику¹²³.

Таким образом, главной идеей внешней политики ПСР является декларируемое стремление Турции добиться статуса одного из «центров силы» в формирующемся миропорядке, который способен оказывать определяющее влияние не только в рамках региона, но и в мировом масштабе. Более того, программы ПСР заложили основополагающие принципы для долгосрочной политики формирования нового протурецкого баланса сил на мировой арене. Данная позиция оформлялась на протяжении более чем двадцати лет и в определенной степени стала результатом развития идей пантюркизма, панисламизма и неоосманизма.

Вскоре после публикации «Стратегической глубины» реальность предоставила возможность проверить подходы А. Давутоглу на практике. В конце 2010 года началась арабская весна – волна протестов и восстаний в разных арабских странах против светских авторитарных режимов. Главный настрой протестов был демократический и происламский. А Турция как раз являлась моделью успешного совмещения ислама и демократии. Поначалу для Турции всё складывалось крайне успешно: победившая на выборах в Тунисе исламистская партия Возрождения открыто ориентировалась на турецкую ПСР¹²⁴, а в Египте к власти пришли «братья-мусульмане». Однако в других странах протесты либо не привели к смене режима (Алжир, монархии

¹²³ AK Parti Programı [Электронный ресурс] // Adalet ve Kalkınma Partisi. Режим доступа:<http://www.akparti.org.tr/site/akparti/parti-programi#bolum6> (accessed: 25.08.2023)

¹²⁴ Революция победила, но до триумфа далеко [Электронный ресурс] // Режим доступа https://www.ng.ru/world/2011-10-24/8_livia.html (дата обращения: 28.07.2023)

Персидского залива), либо там начались многолетние кровопролитные гражданские войны (Ливия, Сирия, Йемен).

Летом 2013 года в Египте произошел военный переворот, в результате которого был свергнут исламистский президент Мухаммед Мурси. Международная реакция на переворот была довольно сдержанной¹²⁵, и только Турция выступила с резким осуждением переворота, обличила лицемерие западных стран и поддержала уже свергнутого президента¹²⁶.

Таким образом, политика «мягкой силы» принесла довольно противоречивые результаты. Единственным успехом оказался Тунис, но он расположен достаточно далеко от Турции и является небольшой страной, тогда как в ключевой арабской стране региона – Египте – проект политического ислама провалился и турецко-египетские отношения оказались серьезно испорчены.

А. Давутоглу оставался в должности министра иностранных дел до 2014 года, а в 2014-2016 годах возглавлял правительство Турции и был лидером ПСР, в то время как Эрдоган был избран президентом страны. В мае 2016 года он подал в отставку с поста премьер-министра и лидера партии. Это объясняется нарастающими противоречиями между ним и Р.Т. Эрдоганом. В частности, А. Давутоглу был не согласен с курсом на превращение Турции в президентскую республику¹²⁷. После неудавшегося переворота был иницирован референдум по поправкам в Конституцию, которые в том числе предусматривали отмену должности премьер-министра и передачу полномочий по формированию правительства президенту, избираемому всеобщим голосованием. С небольшим перевесом голосов поправки были приняты, а в 2018 году состоялись досрочные президентские и парламентские выборы, на которых одержали победу Р.Т. Эрдоган и его партия. В результате,

¹²⁵ Смена власти в Египте: реакция мирового сообщества [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://tass.ru/archivethemes/629217> (дата обращения: 28.07.2023)

¹²⁶ Эрдоган поддержал Мурси и осудил Запад за лицемерие [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://archive.9tv.co.il/news/2013/07/05/153805.html> (дата обращения: 28.07.2023)

¹²⁷ Давутоглу подал в отставку с поста премьер-министра Турции [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://lenta.ru/news/2016/05/22/ahmet/> (дата обращения: 28.07.2023)

в конце 2019 года А. Давутоглу покинул ряды ПСР и создал собственную партию Будущего, главной декларируемой задачей которой стало возвращение к парламентской форме правления.

Говоря о текущих направлениях внешней политики Турции и ее перспективах, эксперт Совета по международным отношениям (США) К. Робинсон указывает, что успех Эрдогана и ПСР на выборах 2023 года, скорее всего, означает продолжение сформулированной выше политической траектории в течение следующих пяти лет. В конечном итоге правительство и далее будет стремиться повысить международный статус Турции, сделав ее «рупором мусульманского мира», а также продвигая концепцию «больше, чем пять», в основе которой лежит идея расширения лидерства в международных отношениях за пределы пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН¹²⁸.

Действительно, Р.Т. Эрдоган и стоящие за ним политические элиты довольно давно полагают, что Турция должна «перерasti» то положение, которое она занимала в XX веке. Вместе со странами «Глобального Юга» Турция должна принять активное участие в реформе международных институтов безопасности, и СБ ООН здесь давно является главной дискуссионной точкой. Выступая на Генеральной Ассамблее ООН в октябре 2023 г., турецкий лидер заявлял, что сегодняшние пять постоянных членов СБ ООН – Россия, США, Франция, Великобритания и Китай – не могут эффективно выполнять функции по поддержанию международного мира и безопасности, поскольку сам СБ ООН превратился из площадки по поиску компромиссов в «поле для конфронтации», «пустую институциональную структуру, которая не обеспечивает ни справедливости, ни доверия»¹²⁹.

Его предложения, продвигаемые под девизом «Мир больше, чем пять», состоят во введении системы ротационного членства, в рамках которой все

¹²⁸ Robinson K. Turkey's Growing Foreign Policy Ambitions [Electronic source]. URL: https://www.cfr.org/backgrounder/turkeys-growing-foreign-policy-ambitions?utm_source=twtw&utm_medium=email&utm_campaign=TWTW%202023June2&utm_term=TWTW%20and%20All%20Staff%20as%20of%207-9-20 (accessed: 18.09.2023)

¹²⁹ Turkish President Erdogan: UN Security Council became 'battleground' for 5 permanent members' political strategies [Electronic source]. URL: <https://www.aa.com.tr/en/world/turkish-president-erdogan-un-security-council-became-battleground-for-5-permanent-members-political-strategies/2996221> (accessed: 13.03.2024)

крупные страны (включая, разумеется, и Турцию), в какой-то момент получат шанс стать членом СБ ООН на определенный срок. Турецкие власти критикуют и сложившуюся практику использования права вето в СБ ООН (рекордсменом здесь является Россия, на втором месте – США). По мнению экс-постпреда Турции в ООН Ф. Синирлиоглу, право вето служит только национальным интересам государств, которые им обладают, т.е. сам этот механизм делает СБ ООН «нефункциональным, неподотчетным и недемократичным»¹³⁰.

Очевидно, что, выступая за реформу СБ ООН, Турция, наряду с другими странами, которые также заинтересованы в реформе, стремится зафиксировать на международном уровне возросший масштаб своего геополитического влияния. Обладая статусом постоянного члена СБ ООН, предполагается, что Турция смогла бы решить, в частности, проблему Северного Кипра, а также в целом повысить свой международный авторитет, принимая участие в качестве арбитра в различных глобальных спорах и конфликтах, которые выносятся на рассмотрение Совета Безопасности.

По мнению американского исследователя С. Кука, стремление исправить негативный экономический фон, сложившийся после пандемии COVID-19, также может подтолкнуть Турцию к продолжению многовекторной политики с определенными компромиссами в адрес Запада (например, по вопросу членства Швеции в НАТО) и укреплением сотрудничества с Россией, Китаем и другими формирующими «центрами силы». Практика показала, что действительно, Турция в январе 2024 г. одобрила членство Швеции в НАТО, добившись предварительных уступок в свою пользу (в частности, Швеция выдала Турции давно запрашиваемых лидеров курдских сепаратистов, которых турецкое государство считает террористами. Экстрадиция называлась Р.Т. Эрдоганом ключевым условием

¹³⁰ Member States Call for Removing Veto Power, Expanding Security Council to Include New Permanent Seats, as General Assembly Debates Reform Plans for 15-Member Organ [Electronic source]. URL: <https://press.un.org/en/2018/ga12091.doc.htm> (accessed: 12.03.2024)

для одобрения заявки Швеции на членство в НАТО со стороны Турции¹³¹). В результате, Швеция официально вступила в Альянс 7 марта 2024 г.

Также С. Кук в своей публикации для журнала *Foreign Policy* указывает, что падение притока инвестиций в страну и валютный кризис подталкивают турецкое правительство к пониманию того, что конфликты с крупными странами Ближнего Востока экономически неэффективны, и что сближение с Саудовской Аравией, ОАЭ, Израилем и Египтом может как способствовать притоку иностранного капитала из стран Персидского залива, так и улучшить отношения с Вашингтоном и ЕС (сохраняя при этом эксклюзивные для стран-членов НАТО отношения с Россией и Китаем)¹³². Трудно не заметить, что именно этого курса и продолжает придерживаться турецкое правительство во главе с Р.Т. Эрдоганом.

Выводы. Таким образом, основными факторами формирования турецкой внешней политики в XXI веке стал приход на смену кемализму концепции неоосманизма, которая, тем не менее, является довольно мозаичной и состоит из плохо совместимых элементов. Так, за время правления ПСР произошло практически полное преобразование политических принципов («стрел») М.К. Ататюрка: светскость как основа государственности сменилась умеренным исламистским поворотом; этатизм ушел в прошлое; был осуществлен переход от парламентской к парламентско-президентской форме правления; принцип неделимости больше не находит широкой поддержки населения; открыто высказываются суждения о возможности перехода к федеративному территориальному устройству¹³³. Что касается внешнеполитической сферы, то здесь также можно выявить отход от политики мирного курса внешней политики, установленного М.К. Ататюрком. Внешняя политика Турции в период правления ПСР в большей степени стала ориентироваться на экспансионизм. Турция с приходом к власти ПСР стала

¹³¹ Швеция начала выдавать Турции курдских активистов ради вступления в НАТО [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/12/04/nato-dorozhe-kurdov.html> (дата обращения: 12.03.2024)

¹³² Cook S.A. What Does Turkey Actually Want? [Electronic source]. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/07/26/turkey-erdogan-nato-eu-sweden-future-goals-europe/> (accessed: 19.09.2023)

¹³³ Там же.

активно выдвигать свои претензии на активное глобальное политическое влияние¹³⁴.

В настоящее время основным постулатом ПСР в сфере внешней политики является необходимость проведения активного самостоятельного внешнеполитического курса, направленного, прежде всего, на разрешение вопросов регионального значения, а также формирование собственной геополитической повестки в масштабе всего мира посредством реализации независимой экономической политики и активного политического взаимодействия по нетипичным для Турции направлениям – а именно со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Развитие этих отношений, по мысли турецкого правительства, должно содействовать построению многополярного мира¹³⁵.

Идеологические предпочтения турецкого правительства и внешнеполитическая доктрина Давутоглу по-прежнему являются важным факторами, определяющими содержание внешней политики – поскольку, поскольку неоосманизм остается идеологическим базисом, своего рода стратегическим императивом внешнеполитической деятельности Анкары.

¹³⁴ Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. №2. С. 84-92.

¹³⁵ Аватков В.А., М. Кочкин Парламентские выборы в Турции: стремление Партии справедливости и развития ко всеобъемлющей внешней политике // Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики в отношении России (2010–2015 гг.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/272653/> (дата обращения 15.08.2023)

1.4. Концептуальные и практические аспекты внешнеполитического курса Турции на современном этапе

Внешнеполитическая деятельность любого государства носит системный характер, и, будучи деятельностью конкретных государственных органов и должностных лиц, она должна опираться на конкретные положения и концепции, декларируемые на уровне базовых основ внешнеполитического курса (уровень риторики) или на уровне специально принимаемых документов концептуального характера. Такие документы могут называться «концепциями», «доктринаами», «стратегиями», «основами политики» и т.п. В таких документах, в силу высокого уровня абстракции их положений, находят свое отражение не только практические аспекты (перечень рисков и угроз, приоритеты регионального и двустороннего сотрудничества, основные инструменты и ресурсы внешней политики и т.п.), но и идеологические факторы, определяющие выбранный внешнеполитический курс.

Впрочем, далеко не в каждой стране и не на каждом историческом этапе подобные документы действительно принимаются или открыто публикуются. Турция представляет собой пример страны с довольно закрытыми внешнеполитическими документами, поэтому выявление концептуальных основ ее внешнеполитического курса может быть осуществлено, скорее, за счет анализа политических заявлений и деклараций.

Любопытно, что стратегические ориентиры турецкой внешней политики долгое время фиксировались в засекреченном документе, известном как «Красная книга»¹³⁶. В экспертных кругах её называют неофициальной конституцией государства в сфере безопасности. Считается, что документ определяет круг потенциальных противников и партнёров, очерчивает ключевые риски и приоритеты на международной арене. По неподтверждённым данным, текст пересматривается Советом национальной

¹³⁶ Аватков В.А. Указ. соч.

безопасности раз в пятилетку, однако закрытый характер документа не позволяет верифицировать эти сведения.

Последняя, хотя бы частично открытая для стороннего анализа Красная книга была принята в 2015 г. В качестве основных направлений внешнеполитического курса Турции этот документ концептуального характера предусматривал необходимость активизировать усилия по противодействию «параллельному государству», идеологом которого является уже упомянутый турецкий богослов и общественно-политический деятель Ф. Гюлен. «Параллельное государство» было добавлено в список угроз национальной безопасности Турции. Кроме того, в качестве угрозы традиционно рассматривается деятельность Рабочей партии Курдистана (далее – РПК)¹³⁷. Если противодействие «параллельному государству» представляет собой исключительно задачу внутриполитической борьбы, то противодействие РПК уже выходит на уровень внешней политики и подразумевает недопущение усиления позиций курдского населения не только на территории Турции, но и на территории Ирака, Ирана и Сирии.

Вместе с тем, стоит отметить, что составить мнение о содержании Красной книги представляется возможным только исходя из опубликованных стенограмм совещаний послов, на которых определяются основные направления внешней политики Турции; исходя из совершенных турецким руководством непосредственных политических шагов, а также на основании анализа книг, статей, мемуаров, интервью различных официальных лиц.

Таким образом, несмотря на некоторый отход от позиционирования Турции в качестве страны-регионального лидера, внешнеполитический курс ПСР по-прежнему носит глобальный характер и ориентирован на выполнение такой исторической миссии, возложенной на Турецкую Республику, как помочь «угнетенным, несправедливо обманутым и нуждающимся в поддержке». Иными словами, вслед за бывшим руководителем ПСР в

¹³⁷ Al-Monitor: Turkey adds entry to book of enemies [Electronic source] // URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/11/turkey-national-security-red-book.html> (accessed: 15.08.2023)

соответствии с предвыборными программами последних трех эlectorальных циклов декларирует приоритетную ориентацию турецкой внешней политики на защиту общечеловеческих ценностей. Вместе с тем, стоит отметить, что для турецкого политического дискурса свойственно специфическое понимание общечеловеческих ценностей, в соответствии с которым во главу угла помимо традиционной защиты прав человека ставится борьба с исламофобией и иными предубеждениями, касающихся тюркских народов.

Сегодня же концептуальные основы внешней политики Турции представляются довольно размытыми, однако в экспертной среде их все чаще обозначают зонтичным термином «Век Турции». Сама эта формулировка – это в некотором роде политическое клише, лозунг, которым президент Турции Р.Т. Эрдоган обозначил свое видение второго столетия существования Турецкой Республики в своей речи 29 октября 2023 года по случаю соответствующей годовщины. Президент заявил: «в то время, когда мир сталкивается с экзистенциальными проблемами, мы хотим сделать нашу страну одним из 10 крупнейших государств мира во всех областях политики, экономики, технологий, армии и дипломатии. Пусть следующее столетие станет веком Турции»¹³⁸.

Однако «Век Турции» - не эфемерный теоретический конструкт, а конкретный набор политических целей, закрепленных на нормативном уровне. Часть этих целей напрямую касается внешней политики. Когда Р.Т. Эрдоган был переизбран президентом Турции в мае 2023 г., правительство Партии справедливости и развития (далее – ПСР) подготовило амбициозный план развития страны. Были поставлены цели на 2023, 2053 и 2071 годы: они касались экономики, политики, социальной сферы, международных отношений, культуры и т.п.¹³⁹ Все это в совокупности должно позволить Турции стать одним из мировых лидеров.

¹³⁸ Эрдоган объявил начало «века Турции» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/05/28/20544866.shtml> (дата обращения: 14.01.2024)

¹³⁹ Turkey's 2023, 2053 and 2071 objectives [Electronic source]. URL: <https://www.dailysabah.com/columns/ozan-ceyhun/2018/05/24/turkeys-2023-2053-and-2071-objectives> (дата обращения: 14.01.2024)

Уже во время первого после переизбрания заседания кабинета министров Р.Т. Эрдоган обозначил три основные цели, которые предполагается достигать уже на ранних этапах «Века Турции»: это снижение инфляции до однозначных цифр, содействие добровольному возвращению беженцев в страны их исхода, а также «содействие глобальному миру посредством предприимчивой и активной внешней политики». Комментируя внешнеполитическую компоненту «Века Турции», Эрдоган подчеркнул ее глобальную значимость: Анкара должна способствовать «настоящей революции», которая принесет демократию, развитие, мир, и благосостояние «для всех частей мира, начиная с нашей страны и нашего региона»¹⁴⁰.

Как указывает турецкий исследователь Н. Атешоглу, «Век Турции» сегодня является «полноценной концепцией, которая направлена на установление руководящих принципов и общих направлений внешней политики»¹⁴¹. В самом деле, оценивая предложенное стратегическое видение, президент Эрдоган заявил, что цель «Века Турции» - не только повышение благосостояния турецкой нации, но и превращение Турции в региональную и глобальную державу. Таким образом, в рамках «Века Турции» официальная Анкара объясняет, как и для чего она будет использовать имеющиеся у нее военные, дипломатические и экономические возможности, а также накопленный опыт выстраивания отношений с другими странами. Иными словами, в соответствии со своим стремлением к стратегической автономии и автономной внешней политике, о которой заявляют турецкие власти, Турция хочет трансформировать свою силу и влияние в *статус*, то есть власть над системой и (или) ее подсистемами – будь то системы глобального или регионального масштаба¹⁴².

В рамках рассуждений о «Веке Турции» турецкие политики и эксперты часто подчеркивают внешний контекст, которым и определяются основные

¹⁴⁰ Erdoğan's road map in Turkish foreign policy [Electronic source]. URL: <https://www.setav.org/en/erdogans-road-map-in-turkish-foreign-policy/> (accessed: 14.01.2024)

¹⁴¹ Ateşoğlu N.G. Türkiye'nin Yeni Yüzyıl Vizyonu, Batı Ve Liberal Dünya Düzeni Tartışmaları / Türk Dış Politikası Yıllığı, 2022. P. 27.

¹⁴² Ibid.

преимущества многовекторности. По их мнению, мир находится все ближе к состоянию «нового момента глобального беспорядка», что означает снижение уровня сплоченности между великими державами, радикализацию баланса сил и ограниченность средств ведения войны. Турецкие власти справедливо полагают, что сегодня крайне высок риск подрыва международных институтов, норм международного права, а также миропорядка, основанного на правилах. В подобных условиях идеальное место Турции во внешнеполитических отношениях рассматривается «снаружи» как активный игрок в интересах всего мира, а «внутри» - как своего рода «тихая гавань»¹⁴³.

Действительно, поскольку международная система, основанная на либеральном миропорядке, сегодня испытывает самый серьезный за всю ее историю кризис, а «коллективный Запад» не может оправиться от последствий этого кризиса. В таких условиях международная конъюнктура объективно благоприятствует тому, чтобы Анкара в рамках концепции «Века Турции» продолжила настаивать на стратегической автономии и суверенном внешнеполитическом курсе.

Таким образом, в настоящее время основным постулатом ПСР в сфере внешней политики является необходимость проведения активного самостоятельного внешнеполитического курса, направленного, прежде всего, на разрешение вопросов регионального значения, а также формирование собственной геополитической повестки в масштабе всего мира посредством реализации независимой экономической политики и активного политического взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, что может открыть двери для построения многополярного мира¹⁴⁴.

¹⁴³ Унал Х. Турецкий век на фоне многополярности? Турции стоит воздерживаться от поощряемого США пантюркизма [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tureckij-vek/> (дата обращения: 12.03.2024)

¹⁴⁴ Аватков В.А., М. Кочкин Парламентские выборы в Турции: стремление Партии справедливости и развития ко всеобъемлющей внешней политике // Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики в отношении России (2010–2015 гг.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/272653/> (дата обращения 15.08.2023)

В целом, стоит отметить, что с 2008 г. внешнеполитическая идеология Турции претерпела значительные изменения. Доктрина «ноль проблем с соседями» трансформировалась сначала в политическую идеологию, согласно которой главной целью Турции является занять лидерские позиции не только в регионе, но и в мире в целом. При этом первоначально основным инструментом достижения данной цели являлось экономическое развитие¹⁴⁵. Впоследствии в связи с замедлением роста экономики Турции внешнеполитический курс стал в большей степени ориентироваться на защиту общечеловеческих ценностей в качестве основы для глобального политического влияния, а также на применение инструментов мягкой силы.

Далее рассмотрим практические аспекты выработки и реализации внешней политики Турции на современном этапе. Основную роль в этих вопросах играют премьер-министр и президент, ключевые министерства и ведомства¹⁴⁶. Реальная власть сосредоточена в руках президента страны — Р.Т. Эрдогана. После выборов 2023 г. и признания поражения со стороны основного оппозиционного конкурента режим Р.Т. Эрдогана, по мнению аналитиков, только укрепился¹⁴⁷.

Определенное значение в процессе принятия внешнеполитических решений имеет дипломатическая служба Турецкой Республики, которая занимается обеспечением международной безопасности Турции, а также непосредственной защитой национальных интересов на внешнеполитической арене, обеспечивает представительство Турции в рамках различных международных форумов и организаций. Кроме того, к ведению дипломатической службы относится защита прав турецких граждан и прав турок, проживающих на территории иностранных государств.

¹⁴⁵ Аватков В.А. «Арабская весна» по-турецки [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. Режим доступа: http://russiangouncil.ru/?id_4=122 (дата обращения: 15.08.2023)

¹⁴⁶ Ст. 8, п. «в» ст. 104, ст. 117, ст. 118 Конституции Турецкой Республики [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://legalportal.am/download/constitutions/227_ru.pdf (дата обращения 22.07.2023)

¹⁴⁷ Гаджиев А. Турция после майских выборов 2023 г.: победа Эрдогана и распад оппозиции [Электронный ресурс] // РСМД. Режим доступа: <https://russiangouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turtsiya-posle-mayskikh-vyborov-2023-g-pobeda-erdogana-i-raspad-oppozitsii/> (дата обращения 22.07.2023)

Таким образом, внешняя политика реализуется, в том числе, через систему дипломатической службы.

Также важно заметить, что в Турции существует и публичная дипломатия, субъекты которой осуществляют «мягкую силу» турецкого государства на международной арене. Так, сюда можно отнести ТИКА (Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию), которое ведет свою деятельность более чем в 140 странах и ставит своей целью интеграцию всех тюркоязычных народов в единое социокультурное пространство (в том числе, посредством образовательных программ). Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) также выступает инструментом расширения турецкого влияния на основе идей пантюркизма. Организация активно ведет свою деятельность на территории Центральной Азии: так, в феврале 2022 в рамках круглого стола «ТЮРКСОЙ и тюркский мир» прошла встреча представителей Кыргызстана, Казахстана, Азербайджана и других тюркоязычных стран. Встреча проходила в г. Бурса (Турция).

Политическая система современной Турции представляет собой парадоксальное явление. С одной стороны, налицо концентрация власти в руках президента и очевидные признаки авторитарной трансформации. С другой, партийное пространство страны сохраняет относительную живость и многообразие, а сами партии продолжают играть заметную роль, в том числе в определении внешнеполитических приоритетов.

Характерная черта турецкой партийной культуры состоит в выраженном персонализме. Политические организации в значительной мере выстраиваются вокруг конкретных лидеров, чья личность затмевает программные установки и институциональную идентичность партии. Избиратель голосует не столько за идеологию или платформу, сколько за человека, за его харизму, публичный образ, способность артикулировать настроения определённых социальных групп. Это создаёт как преимущества в виде мобилизационного потенциала и эмоциональной связи с избирателем, так

и серьёзные уязвимости: уход лидера нередко оборачивается кризисом или распадом всей структуры.

Примечательна и эволюция идеологических размежеваний. На протяжении большей части республиканской истории главной осью противостояния оставалось деление на секуляристов-кемалистов и сторонников большей роли ислама в публичной жизни. Сегодня эта бинарная схема размывается. Партийное поле дробится под воздействием иных факторов: этнических, связанных с курдским вопросом; региональных, отражающих противостояние периферии и столичных элит; экономических, касающихся отношения к рыночным реформам и социальной политике. Возникающая конфигурация оказывается сложнее и менее предсказуемой, чем прежняя.

При этом внешнеполитическое измерение остаётся значимым для большинства партий независимо от их идеологической окраски. Они активно выстраивают международные связи, участвуют в транснациональных партийных объединениях, поддерживают диалог с единомышленниками в соседних странах и за пределами региона. Такая деятельность создаёт дополнительные каналы влияния и позволяет партиям позиционировать себя как самостоятельных участников международного процесса, а не просто исполнителей воли исполнительной власти. В конечном счёте это способствует формированию более многослойного, хотя и не всегда последовательного, внешнеполитического курса страны.

В настоящее время в качестве основной оппозиции ПСР выступают социал-демократическая Народно-республиканская Партия (формальный лидер - Озгюр Озель), националистическая Партия националистического движения (Девлет Бахчели) и Демократическая партия народов (Селахаттин Демирташ, Серпиль Кемальбай). При этом число мест в Великом Национальном Собрании Турции между партиями распределено следующим образом: Партия справедливости и развития – 317 мандатов, оппозиционный партии – 233 мандата, среди которых Республиканская народная партия

занимает 133 места, Демократическая партия народов – 58, Партия националистического движения – 36. Кроме того, в составе турецкого меджлиса заседают 5 независимых депутатов и есть одно вакантное место.

Вместе с тем, стоит отметить, что несмотря на наличие у ПСР парламентского большинства, разрабатываемые Партией политические решения в процессе их практического применения зачастую подвергаются значительной трансформации. Иными словами, ПСР представляет собой политического актора, формирующего внутриполитический контекст внешней политики.

Основная внешнеполитическая повестка ПСР, как было отмечено ранее, представляет собой генеральную линию внешнеполитического курса Турецкой Республики. Что касается вопросов взаимоотношений с Израилем, то ПСР занимает нейтральную примиренческую позицию в израильско-палестинском конфликте, рассматривая при этом Турцию в качестве важного участника разрешения данной ситуации. Ставясь не выступать активно против Израиля, представители ПСР, тем не менее, подчеркивают, что ситуация, сложившаяся вокруг Палестины и Израиля носит «характер бедствия и требует скорейшего разрешения»¹⁴⁸. При этом общая направленность внешней политики ПСР на защиту общечеловеческих ценностей, а также на нормализацию отношений с Израилем не позволяет ей открыто выступать в защиту интересов палестинцев по религиозному принципу (как это делают, например, многие арабские государства). Важно также отметить, что ПСР, формируя внешнюю политику, выступает за участие Турции в решении любых возникающих в регионе конфликтов, к которым в т.ч. может быть отнесено противодействие деятельности ливанской террористической группировке «Хезболла».

Заметную роль в выработке внешнеполитического курса играет экспертное сообщество. В стране функционирует разветвлённая сеть

¹⁴⁸ Нуриев Б.Д., Колтыгин А.С. Турецко-израильские отношения в "эпоху Эрдогана": фактор углеводородов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. №6-2. С. 52.

аналитических центров, часть которых работает при государственных ведомствах, часть сохраняет формальную независимость. Эти структуры готовят аналитические материалы, прогнозы и рекомендации как для правительства, так и для отдельных политических сил, обеспечивая интеллектуальное сопровождение внешнеполитических решений.

Экспертным сообществом круг негосударственных участников внешнеполитического процесса не исчерпывается. Существенное воздействие на формирование международного курса оказывают структуры гражданского общества, влиятельные бизнес-группы, а также религиозные братства («тарикаты»), традиционно сохраняющие значительный вес в турецком социуме. Всё это свидетельствует о том, что внешняя политика страны не является исключительной прерогативой государственного аппарата, а испытывает влияние со стороны разнообразных общественных сил.

НКО/НПО (некоммерческие (неправительственные) организации)¹⁴⁹, ведущие свою деятельность в Турции, можно условно подразделить на независимые НКО, реализующие социально-значимые проекты в соответствии с реально существующими общественными запросами и, соответственно, претендующие на представление политических интересов различных слоев населения Турецкой Республики. Например TUSIAD, одна из турецких НПО, помогла Турции получить статус члена путем лоббирования во время Хельсинкского саммита 1999 года¹⁵⁰, еще одна неправительственная организация, которая работает для общественной дипломатии ЕС, - это Фонд экономического развития, который был создан в 1965 году и с тех пор осуществляет укрепления отношений между Турцией и странами ЕС¹⁵¹. Также

¹⁴⁹ Всего в настоящее время в Турции насчитывается 45 479 различных фондов. Большая часть вновь созданных фондов занимается вопросами образования (Фонд современного образования, Фонд любителей образования Турции, Национальный образовательный фонд, Турецкий образовательный фонд, Фонд образования и защиты детей, страдающих лейкемией), культуры и искусства (Фонд музееведения и культуры имени Рахми М. Коча, Стамбульский фонд культуры и искусства, Фонд исследований журналистики имени Угара Мумджу, музыкальный фонд Севда Джепап Анд), здравоохранения (Фонд имени Нежата Ф. Эджзаджибаши), защиты окружающей среды (ТЕМА).

¹⁵⁰ Official website of Turkish NGO «Tusiad» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://tusiad.org/tr/> (дата обращения 25.07.2023)

¹⁵¹ Tülay Yıldırım «The role of Non-Governmental Organizations in Turkey in the accession process to the European Union» [Электронный ресурс] // Режим доступа:

следует отметить ряд НКО (Организация по защите прав человека (*İnsan Hakları Derneği*)¹⁵², Организация социокультурного развития Турции (*Sosyal Kültürel Yaşamı Geliştirme Derneği*)¹⁵³ Фонд женской солидарности (*Kadın Dayanışma Vakfı*)¹⁵⁴ и т.п.) которые ориентируются в основном на получение грантов от Европейского Союза или США за выполнение определенных социальных проектов, выгодных отмеченным международным акторам¹⁵⁵.

Второй тип НКО, вряд ли может претендовать на серьезное участие в формировании внешнеполитической повестки в связи с тем, что позиции ЕС и США относительно тех или иных геополитических аспектов доводятся до сведения руководства Республики не через деятельность НКО, а по иным каналам. Первый же тип НКО, вполне способен определенным образом повлиять на внешнюю политику Турции в тех случаях, когда реализуемый ими общественный запрос получает широкий общественный резонанс.

Представители экономической элиты (крупного капитала) также оказывают значительное влияние на формирование внешней политики Турции. Здесь важно отметить, что приоритеты крупного бизнеса Турции связаны, прежде всего, с инвестициями в страны Европейского Союза (в 2021 г. суммарный объем турецких частных инвестиций в экономику ФРГ составил около 8 млрд. евро¹⁵⁶), а также в страны Персидского залива и постсоветские государства Центральной Азии и Кавказа. При этом нужно особо выделить тот факт, что экономические реформы партии власти усилили арабский капитал в Турции и укрепили позиции партийных субъектов в стране.

http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-c099e86d-faf3-4f79-9174-f0b0ee90b309/c/The_role_of_Non-Governmental_Organizations.pdf
(дата обращения 15.08.2023)

¹⁵² *İnsan Hakları Derneği* İHD, [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ihd.org.tr>
(дата обращения 15.08.2023)

46 *Sosyal Kültürel Yaşamı Geliştirme Derneği* [Электронный ресурс] // Режим доступа:<http://www.sosyalkulturelyasam.org> (дата обращения 15.08.2023)

¹⁵⁴ *Kadın Dayanışma Vakfı*, KADAV [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kadav-ist.org> (дата обращения 13.08.2023)

¹⁵⁵ Шлыков П.В. Общество социальных инициатив: трансформация гражданской активности в Турции в 1990-х и 2000-х гг. // Турция в период правления Партии справедливости и развития: сборник статей. М.: Институт Ближнего Востока РАН, 2012. С. 19-47

¹⁵⁶ Уразова Е.И. Инвестиционная политика Турции после прихода к власти Партии справедливости и развития // Эпоха правления в Турции Партии справедливости и развития: промежуточные итоги и прогнозы (2002 – 2015) // Отв. ред. Н.Ю. Ульченко, И.И. Иванова. М.: ИВ РАН. 2017. С. 56-64

Последняя группа влияния, тарикаты¹⁵⁷, особенно активно проявила себя, когда к власти пришла ПСР, во многом отошедшая от идеи абсолютной светскости Турецкой Республики, в связи с чем тарикаты получили возможность действовать открыто и легально. Стоит отметить, что идеологическое единство среди тарикатов отсутствует: идеи рознятся от суфистско-философских до явно экстремистских. В связи с отсутствием единства среди исламистских политических сил влияние ислама на внешнюю политическую повестку Турции носит конъюнктурный характер: в зависимости от успехов или неудач тех или иных исламистских политических сил набирают популярность определенные взгляды на внешнеполитический курс. Тем не менее, несмотря на то что религиозный избирательный блок благодарен тарикатам за представление интересов мусульман в политической жизни, влияние данных политических акторов на реальную внешнюю политику крайне мало¹⁵⁸.

Что касается влияния на формирование внешнеполитической доктрины Турции со стороны этнических меньшинств, то здесь наиболее значимым является курдский вопрос. Курды, являясь наиболее многочисленным этническим меньшинством в Турции, на протяжении всего существования Турецкой Республики подвергались притеснениям, что вылилось в противостояние турецкого правительства и Рабочей Партии Курдистана (РПК) – военно-политического объединения курдского меньшинства. Соответственно, если рассматривать внешнеполитические мероприятия турецкого государства, в том числе силовые, то можно сделать вывод о том, что одна из главных целей внешней политики Турции на Ближнем Востоке – противодействие усилию курдов. Симпатии соседних государств к курдам

¹⁵⁷ В настоящий момент в Турции действуют, например, следующие тарикаты: Джамаат Исмаилага (İSMAİLÂĞA CEMAATİ), Нурсисты (NUR CEMAATİ), Джамаат Адийаман Мензиль (ADİYAMAN MENZİL CEMAATİ), Джамаат Эренкёй (ERENKÖY CEMAATİ), Сулейманджилар (SÜLEYMANÇILAR), Аджеменди (ACZMENDİLER), Тарикат Галиби (GALİBİ TARİKATI), Джамаат Гюлена (GÜLEN CEMAATİ) и другие

¹⁵⁸ Орешкова С.Ф. Внутриполитические особенности развития Турции как фактор, препятствующий установлению безраздельной власти Партии справедливости и развития // Эпоха правления в Турции Партии справедливости и развития: промежуточные итоги и прогнозы (2002 – 2015) // Отв. ред. Н.Ю. Ульченко, И.И. Иванова. М.: ИВ РАН. 2017. С. 10

традиционно вызывают негативную реакцию у официальной Анкары. Так, Р.Т. Эрдоган в 2016 г. выступил с официальной речью, в которой отметил, что процесс нормализации отношений с Израилем может быть прерван в случае, если Израиль продолжит поддерживать независимость Курдистана¹⁵⁹.

Следует отметить, что курдский вопрос в Турции вступил в новую фазу в конце 2024 - начале 2025 г. В октябре 2024 г. лидер Партии националистического движения (МНР) и ключевой союзник президента Эрдогана Д. Бахчели неожиданно предложил досрочно освободить лидера РПК А. Оджалана из тюрьмы, если его организация откажется от насилия и сложит оружие.

27 февраля 2025 года состоялось историческое заявление: после встречи с делегацией прокурдской Народной партии равенства и демократии (DEM) А. Оджалан призвал своих сторонников сложить оружие, а Рабочую партию Курдистана — самораспуститься. В своем обращении Оджалан подчеркнул, что «события в Газе и Сирии показали, что решение курдского вопроса нельзя больше откладывать». Также Оджалан отверг радикальные националистические требования, заявив, что «требования отдельного национального государства, федерации, административной автономии или культуралистских решений не соответствуют исторической социологии общества», настаивая на том, что курдский вопрос может быть решен путем «демократизации» турецкого государства.

Эта инициатива представляет собой потенциально переломный момент в 40-летнем конфликте между турецким государством и РПК, который унес жизни более 40 тысяч человек. Представляется, что этот шаг может означать окончательное урегулирование курдского вопроса, что делает любую силу, продолжающую сотрудничать с внешними акторами под флагом РПК, нерепрезентативной по отношению к курдскому населению.

¹⁵⁹ Детали: Готов ли Израиль вновь поссориться с Турцией из-за курдов. октябрь 2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://detaly.co.il/kurdy-nuzhdayutsya-v-podderzhke-izrailya-i-ssha/> (дата обращения 13.08.2023)

Отдельного внимания заслуживает роль вооружённых сил. На протяжении десятилетий армия выступала хранительницей республиканских устоев и прежде всего принципа светскости государства. Когда, по мнению военного руководства, этот принцип оказывался под угрозой, генералитет считал себя вправе вмешаться в политический процесс, вплоть до отстранения действующей власти.

Однако в последние годы ситуация кардинально изменилась. Правящая партия последовательно ограничивала политическое влияние армии, выводя её из числа самостоятельных центров принятия решений. Из актора, определявшего границы допустимого в политике, военные постепенно превратились в инструмент гражданской власти. Так, ПСР в соответствии с требованиями Европейского Союза в период своего правления провела ряд реформ, направленных на демократизацию политической жизни, которые предусматривали отказ от наделения армии конституционными полномочиями по защите принципов М.К. Ататюрка, в связи с чем генералитет утратил возможность напрямую вмешиваться в формирование генеральной политической повестки Турции¹⁶⁰.

Тем не менее, армия хоть и утратила значительную часть своих полномочий по формированию внешнеполитического курса Турецкой Республики, остается относительно весомым актором политической жизни.

Выводы. Концептуальные основы внешней политики Турции на современном этапе характеризуются переходом от доктрины «ноль проблем с соседями» к более амбициозной концепции «Века Турции». Если первая предполагала выстраивание конструктивных отношений с соседними государствами, то вторая нацелена на превращение Турции в одного из ключевых глобальных игроков. Эта трансформация отражает общую тенденцию к усилиению экспансионистских элементов во

¹⁶⁰ Надеин-Раевский В.А. Поиск новой идентичности и внешняя политика Турции. М.: Российский Совет по международным делам, 2016. С. 63.

внешнеполитическом курсе страны, который сохраняет свою активность даже в условиях экономических трудностей и кризиса европейской безопасности.

Отличительной особенностью современного этапа является отсутствие единого открытого концептуального документа, определяющего внешнеполитический курс страны. «Красная книга», традиционно выполнявшая эту роль, остается закрытой, а основные направления внешней политики формулируются преимущественно через политические декларации руководства страны и программные документы правящей Партии справедливости и развития. При этом наблюдается тенденция к усилению личного влияния президента Р.Т. Эрдогана на формирование внешнеполитической стратегии государства.

Глава 2. Реализация внешнеполитической идеологии Турции в отношении стран Южного Кавказа

2.1. Геополитические интересы Турции на Южном Кавказе

Современная ситуация в регионе Южного Кавказа, его роль и место в сложившейся системе международных отношений исторически предопределяется распадом СССР – «крупнейшей геополитической катастрофой XX века», как выразился президент Российской Федерации В.В. Путин¹⁶¹.

Действительно, масштаб изменений в политической, экономической, социальной, культурной и иных сферах на территории бывшего СССР был настолько радикален, что конфигурация сил в различных регионах мира кардинально трансформировалась.

Непосредственно для Южного Кавказа как для географического региона основным следствием стало появление на его территории (впервые за несколько столетий!) трех независимых государств – Армении, Грузии и Азербайджана. Впоследствии, в силу двух крупных конфликтов, имеющих национальное, этническое и религиозное измерение, на территории региона образовались и три непризнанные республики – Нагорный Карабах, Южная Осетия и Абхазия. Кроме того, как отмечает Т. де Ваал, у стран региона имеются и три крупных соседа, являющиеся бывшими империями – Персия, Османская империя и Россия¹⁶².

Однако, прежде чем охарактеризовать интересы Турции и других государств, влияющих на региональные процессы на Южном Кавказе, следует рассмотреть географическое, геополитическое и геоэкономическое положение данного региона.

¹⁶¹ Владимир Путин: Распад СССР - крупнейшая геополитическая катастрофа века [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/444083> (дата обращения: 12.09.2023)

¹⁶² de Waal T. The Caucasus: An Introduction. Oxford University Press, 2010. P. 18.

В историко-географическом и экономическом отношении в границах Кавказа выделяются Северный и Южный Кавказ (Закавказье). С точки зрения современной политической географии, территория Кавказа разделена между Россией, Азербайджаном, Арменией и Грузией. Турция также имеет отношение к Южному Кавказу, хотя и не является его частью, но исторически считает свои восточные регионы относящимися к данному региону.

С географической точки зрения параметры региона могут быть описаны следующим образом. Армения, Грузия и Азербайджан имеют площадь около 186 100 км². Регион граничит на севере с Россией, на востоке - с Каспийским морем, на юге - с Ираном и Турцией, а на западе - с Черным морем. Естественный барьер Кавказских гор возвышается над широким перешейком, разделяющим Черное и Каспийское моря, где сходятся Европа и Азия.

Географические границы и структура региона представлены на Рис. 1.1.

Рисунок 1.1. Государства и непризнанные территориальные образования на территории Южного Кавказа, 2023

Сегодня Южный Кавказ (в советской и российской историографии – Закавказье) – один из динамично развивающихся регионов мира, играющих важную роль в сложившейся конфигурации международных отношений. Роль Южного Кавказа в современных международных отношениях действительно трудно переоценить – в особенности, для российского исследователя, поскольку для России безопасность Южного Кавказа является одним из важных компонентов, влияющих на состояние национальной безопасности.

Одна из важных геополитических дилеммий – «Север-Юг», довольно интересно преломляется в исследуемом регионе. Так, с севера Южный Кавказ граничит с другими странами бывшего СССР, которые с 1990 гг. находятся в зоне политической турбулентности и постоянного поиска собственного места в формирующемся миропорядке. Так или иначе, это относительно устойчивые, светские государства с хорошо развитой экономикой, высоким уровнем человеческого капитала, развитой системой политических и правовых институтов¹⁶³.

С юга же Южный Кавказ примыкает к, пожалуй, самому беспокойному с точки зрения безопасности и политико-экономической стабильности региону – Большому Ближнему Востоку. Со времен «арабской весны» (2011–2012 годы), как и в предыдущие годы, страны Запада неоднократно предпринимали попытки модернизировать сложившиеся в этом регионе системы управления, политические режимы социальные уклады, однако «демократический транзит» здесь не удался. Сегодня именно Большой Ближний Восток не просто испытывает внутренние проблемы политического, экономического, социального, гуманитарного и иного свойства; данный регион активно оказывает негативное влияние на сопредельные с ним территории – от миграционного кризиса в Европе до радикализации светских государств Средней Азии. Нестабильность Большого Ближнего Востока,

¹⁶³ Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы). Отв. ред. и рук. авт. кол. В.А. Гусейнов. М.: Красная звезда, 2008. С. 25.

исходящие из него угрозы, разумеется, сказываются и на состоянии глобальных процессов на Южном Кавказе.

Нахождение между светским, «цивилизованным» Севером и проблемным Югом предопределяет специфику самого Южного Кавказа, который получает от своего географического положения как выгоды, так и проблемы. Так, он населен народами, ментально близкими ближневосточным этносам. Кроме того, значительная часть населения Южного Кавказа (в частности, большинство граждан Азербайджана) исповедует ислам – самую распространенную в ближневосточном регионе религию. С цивилизационной точки зрения страны Закавказья, безусловно, являются собой «южный пояс европейской цивилизации», поскольку как с точки зрения ценностей (политико-правовые системы, отношение к странам Запада), так и с точки зрения социального уклада они радикально отличаются от стран Большого Ближнего Востока. Это дает региону особые политические возможности: с одной стороны, входящие в него страны способны к конструктивному и партнерскому диалогу с государствами Большой Европы; с другой – они обладают серьезным потенциалом по модернизации Большого Ближнего Востока¹⁶⁴.

Светский характер государственности стран Закавказья служит своего рода защитой от исламского радикализма и экстремистских учений, распространяющихся в менее благополучных с социально-экономической точки зрения государствах Ближнего Востока. Население Грузии, Армении, Азербайджана, а также непризнанных республик Южная Осетия и Абхазия в значительной степени разделяет европейские ценности в широком смысле этого слова. Неслучайно, по факту на начало 2025-го года, Грузия после смены государственного руководства в декабре 2024 года (новый президент – Михаил Кавлашвили) рассчитывает на перезагрузку отношений с Россией, США и ЕС, выстраивая при этом суверенную политику; Армения стремится в

¹⁶⁴ Гаджинская Н., Гаджинский Э. Геополитика в регионе Южного Кавказа на современном этапе и новая конфигурация политических сил // Современная научная мысль. 2021. №4. С. 65.

ЕС и НАТО (9 января 2025 года Правительство Армении одобрило законопроект о начале процесса вступления страны в ЕС, при этом страна пока официально входит в ОДКБ во главе с Россией, хотя с февраля 2024 года ее членство в организации приостановлено по инициативе армянской стороны); Азербайджан плотно сотрудничает как с Россией, так и с Турцией, светский характер государственности которой также способствует равноправному диалогу с европейскими и мусульманскими странами ближневосточного региона.

Однако такое положение влечет за собой не только возможности, но и риски. Так, еще З. Бжезинский в своей «Великой шахматной доске» отмечал, что страны Закавказья в силу своего географического положения постоянно будут испытывать «вакуум силы», что повлечет превращение региона в пространство конкуренции великих держав¹⁶⁵.

Что касается другой геополитической дилеммы «Запад-Восток», то здесь Южный Кавказ встроен в широкий «южный пояс Большой Европы», находясь в самом центре: на Западе он граничит с балканскими странами, а на Востоке – с Центральной Азией. Исторически эти регионы всегда имели важное значение для европейской, а, следовательно, и для мировой политики.

Характеризуя современную геополитическую роль Южного Кавказа, нельзя проигнорировать и постоянно растущее напряжение в интересах России и коллективного Запада. В этом плане исследуемый регион постоянно выступает как пространство конкуренции между указанными глобальными игроками. Со времен распада СССР Запад активно и относительно успешно стремился втянуть страны Закавказья в орбиту своего влияния, ограничивая возможности России на постсоветском пространстве¹⁶⁶.

Однако с подобными планами Москва не могла согласиться не только по причине своих геополитических амбиций, но и по причине крайне тесных связей Закавказья с входящими в состав Российской Федерации регионами

¹⁶⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998. С. 117.

¹⁶⁶ Бабаян Д. Роль и место Южного Кавказа в геополитической повестке Китайской Народной Республики // 21-й век. 2011. №2 (18). С. 64.

Северного Кавказа. Активизация гибридных или сетевых войн как одного из основных инструментов внешнеполитической доктрины коллективного Запада в Армении, Грузии, Азербайджане негативно сказывается на стабильности Северного Кавказа, что чревато рисками сепаратизма, исламского радикализма и т.п. Разумеется, что Россия заинтересована в сохранении лояльных ей правительств в странах Южного Кавказа, в поддержании стабильности и конструктивного взаимодействия с режимами в этой «буферной зоне» на своих южных рубежах. В силу объективной заинтересованности Турции в проведении собственной политики в Закавказье (как будет подробно показано ниже), существуют высокие риски противоречия национальных интересов Турции и России. Управление этими рисками представляет собой одну из важнейших задач российско-турецких отношений, в которых Южный Кавказ занимает одно из ключевых мест.

В этой связи на протяжении всех тридцати лет существования независимых постсоветских республик Южный Кавказ всегда выступал ареной неформального, а иногда и открытого противостояния коллективного Запада и России. Именно при масштабной поддержке Москвы в начале XX века страны Закавказья обрели полноценную систему политических институтов, совместно с другими странами СССР прошли период индустриализации, урбанизации, научно-технического прогресса. Как следствие, Россия по естественным причинам не хочет допустить роста антироссийских настроений в данном регионе, продолжая собственные инвестиции здесь как в экономическом, так и в политико-культурном смысле.

Однако на эффективность этих усилий во многом влияют ошибки, допущенные на рубеже 1980-1990-х гг., когда, как указывают российские исследователи А. Денисов, Н. Савкин и П. Холоден, Москва довольно пренебрежительно относилась к острой необходимости арбитражных функций в нарастающих межэтнических конфликтах в Закавказье, не проявляя

энтузиазма и лидерской роли, которой от нее ждали¹⁶⁷. Как следствие, после распада СССР многие из этих государств взяли курс на постепенную интеграцию в сохранившие свой авторитет объединения и блоки западного мира – в первую очередь, в ЕС и НАТО. Например, Грузия является активным участником программы ЕС «Восточное партнёрство» и программы НАТО «Партнерство ради мира». Схожая картина наблюдается и в отношении Армении и Азербайджана. Кроме того, Азербайджан открыто тяготеет к максимально тесному сотрудничеству с Турцией – даже в тех сферах, когда это сотрудничество может вредить российско-азербайджанским отношениям.

Также важно отметить, что в последние десятилетия роль Южного Кавказа резко изменилась благодаря повышенному интересу к углеводородным ресурсам Каспийского региона не только со стороны региональных игроков и их соседей, но и со стороны внерегиональных держав – в том числе, США и Китая. Президент Азербайджана И. Алиев в этой связи отмечал, что страны Закавказья стали «самой горячей линией в долгосрочном противостоянии России и Запада», поскольку в данном регионе «свершилась геополитическая революция»¹⁶⁸.

Отсюда проистрастиает колossalное геоэкономическое значение региона, которое делает его объектом пристального внимания со стороны практически всех крупных держав, участвующих в мировой политике и вовлеченных в энергетические связи. По расчетам аналитических центров США, запасы нефти в Каспийском море способны обеспечить рост мировой добычи на 25%. Страна или группа стран, которые смогут контролировать данные энергоресурсы, а также транспортные и логистические потоки в Южном Кавказе, сможет, по мнению российских экспертов, «занять одно из лидирующих мест в глобальных транспортных перевозках», а также решать необходимые для себя политические задачи¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы). Отв. ред. и рук. авт. кол. В.А. Гусейнов. М.: Красная звезда, 2008. С. 32 (Авторы главы - А. Денисов, Н. Савкин и П. Холоден).

¹⁶⁸ Алиев И. Г. Каспийская нефть Азербайджана. М.: Известия, 2003. С. 53.

¹⁶⁹ Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком. // Под ред. Шмелева Н. П., Гусейнова В. А., Языковой А. А. М.: Издательский дом «Граница», 2006. С. 12.

Действительно, связующая роль Южного Кавказа по двум осям (Север-Юг, Запад-Восток) позволяет данному региону играть одну из ключевых ролей в международной системе распределения экономических благ. Беспрецедентный экономический рост развивающихся экономик Азиатско-Тихоокеанского региона диктует необходимость более надежных транспортных путей из Азии в Европу, и Южный Кавказ здесь является важной транзитной территорией. Неслучайно Китай в рамках своей масштабной инициативы «Один пояс – Один путь» (далее – ОПОП) заключил меморандумы о взаимопонимании со всеми тремя государствами Закавказья, понимая их значимость для безопасных и выгодных поставок китайских товаров на рынки Большой Европы.

Еще одна важная с геоэкономической точки зрения особенность Южного Кавказа – это его расположение между двух морей, Каспийским и Черным. На каждом из них имеется достаточно развитая соответствующая портовая и береговая инфраструктура, позволяющая осуществлять перевалку наливных и сухих грузов, а также контейнерную перевозку.

Наконец, нельзя не упомянуть и о высоком человеческом потенциале, кадровых возможностях региона, в развитие которого было инвестировано немало средств еще в советский период. Промышленность и научно-техническая база в Армении, Грузии и особенно Азербайджане крайне активно развивались во второй половине XX века. Распад СССР привел к деградации ряда показателей человеческого развития, а интеллектуальный потенциал заметно снизился за счет оттока высококвалифицированных специалистов за рубеж и вследствие понижения качества образовательных систем независимых республик¹⁷⁰. Однако в отдельных секторах (в частности, в нефтяной отрасли) регион по-прежнему обладает конкурентным преимуществом в виде многочисленных специалистов.

¹⁷⁰ Мачавариани Г.Г. Внешняя политика Грузии на Южном Кавказе (1991–2016 гг.). Дисс. кандидата историч. наук. М., 2017. С. 17.

Выводы. Таким образом, Южный Кавказ сегодня имеет важное геополитическое и геоэкономическое значение, которое предопределяется его географическим расположением, особенностями государственного устройства, природно-климатическими факторами, этнорелигиозным составом. Государственность на данной территории возникла после распада СССР, что предопределяет «вакуум силы» в регионе. Он становится пространством для конкуренции как ближайших соседей (Россия, Турция, Иран), так и глобальных игроков (США, Китай, ЕС). Балансируя между Востоком и Западом, Севером и Югом, Закавказье остается пространством нестабильности, где уже более тридцати лет продолжаются конфликты, имеющие этнический и религиозный характер. Эти конфликты являются вполне естественными угрозами безопасности, сказывающимися на транспортных и логистических путях – т.е. являются рисками для реализации геоэкономического потенциала региона.

Аналогичным образом геополитические амбиции держав, традиционно имеющих серьезное влияние на регион (Россия, Турция, Иран) также повышают риски возможных противоречий и столкновений интересов, чреватых конфликтами. Южный Кавказ в этом плане традиционно остается нестабильным пространством.

2.2. Место и роль стран Южного Кавказа во внешнеполитических приоритетах Турции. Идеология «Кавказского вектора» в турецкой дипломатии

Как было показано выше, регион Южного Кавказа – это территория, где тесно переплетены интересы ряда государств, причем некоторые из них находятся за пределами региона и не являются его соседями. Наиболее часто в литературе подчеркивается роль трех ключевых игроков – Турции, России, Ирана¹⁷¹. Это связано с тем, что исторически Южный Кавказ являлся ареной борьбы между Российской империей, Османской империей и Персией. Разумеется, и сейчас регион граничит только с государствами-преемниками: на западе с Турцией, на юге с Ираном и на севере с Россией. Три державы постоянно воевали друг с другом (русско-турецких войн насчитывается 12, турецко-персидских войн – 9 и русско-персидских – 5), и значительная часть военных действий проходила именно на Южном Кавказе.

Для настоящего исследования следует подробно остановиться на роли Турции, которая играет важную роль на Южном Кавказе – во многом из-за своих тесных исторических и политических связей с Азербайджаном.

После распада СССР Армения, Грузия и Азербайджан обрели независимость, что открыло новые возможности в регионе для Турции. Именно дезинтеграция социалистического лагеря, как указывает А. Арешев, открыла простор для реализации региональной внешней политики Анкары¹⁷². Однако окончание «холодной войны» повлекло и перемены в международном статусе Турции. Если раньше страна рассматривалась, как ближневосточный форпост на пути советского блока, после 1991 года ее роль в рамках НАТО оказалась пересмотрена: Турция лишилась военных и экономических преференций, которые извлекала из ранее существовавшего статуса¹⁷³. Было

¹⁷¹ Наджафов Э.Н. Южный Кавказ: тернистый путь к безопасности. М.: Научная книга, 2005. С. 16.

¹⁷² Areshev A. Turkey's policies in the Southern Caucasus and regional security mechanisms // Turkish-Russian academics: A historical study on the Caucasus. AVIM. April 2016. P. 8.

¹⁷³ Айдын М. Турция и государства Кавказа // Кавказ и глобализация. 2006. №1(1). С. 52-61.

необходимо искать новые источники дохода и обеспечивать собственную безопасность, поэтому турецкое проникновение на Южный Кавказ соответствовало национальным интересам и целям внешней политики Турции.

Тем не менее, как пишет Д. Гоксел, в 1990-е годы успехи оказались довольно скромными: Анкаре не удалось потеснить Москву, которая осталась ведущей силой в Закавказье. Внешнеполитические неудачи обуславливались также внутриполитическом кризисом и тяжелой экономической ситуацией¹⁷⁴.

После прихода к власти «Партии справедливости и развития» (ПСР), как было показано в первой главе настоящего исследования, внешнеполитическая доктрина Турции претерпела существенные изменения. Идеологически ПСР противопоставила себя старым кемалистским партиям. Во внешней политике это проявилось в определенном смещении приоритетов в сторону неоосманизма и пантюркизма – что логичным образом означало переход к многовекторной внешней политике, снижении роли «западного» направления. Хотя турецкие политики продолжали декларировать стремление вступить в Евросоюз и укреплять сотрудничество с США, на деле произошла переориентация на соседей по региону. Большинство стран региона в тот или иной период входили в состав Османской империи, а современная Турция рассматривается идеологами ПСР как преемник и продолжатель дела османов, и она должна стать региональным лидером и ориентиром.

К неоосманизму близко примыкают пантюркизм (объединение тюркского мира) и умеренный исламизм, которые фактически являются его составными элементами¹⁷⁵. Несмотря на то, что в прошлом эти концепции были скорее антагонистичны (так, пантюркизм предполагал консолидацию на основе этнической, культурной и языковой общности), со временем

¹⁷⁴ Гоксел Д. Кавказская политика Турции // Кавказское соседство: Турция и Южный Кавказ. Ереван: Институт Кавказа, 2008. С. 15-30

¹⁷⁵ Аватков В. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль 2014. №3 (1645). С. 72.

противоречия сгладились, тем более, что большинство тюркских народов исповедует ислам в той или иной форме.

В условиях подобной идеологической перестройки, Турция не могла не обратить внимание на свое «историческое наследие» - в частности, Азербайджан, населенный тюркоязычным народом. С приходом к власти ПСР была пересмотрена и политика в отношении стран Южного Кавказа: официально декларировалось не соперничество, а сотрудничество с Россией в регионе, развивались экономические и культурные связи, в общем, Анкара решила идти по пути «мягкой силы» и обойтись без громких деклараций¹⁷⁶.

Сегодня «кавказский вектор» является важным направлением для реализации дипломатических усилий Турции. Это определяется рядом соображений, обусловленных объективно существующими национальными интересами данного государства при выстраивании своей политики в регионе. В наглядном виде это можно продемонстрировать, применив PEST-анализ (Рисунок 2.1).

Политические факторы (P)	Экономические факторы (E)
Противодействие российскому влиянию Укрепление позиций в тюркском мире Роль регионального медиатора Военно-политическое сотрудничество Поддержка евроатлантической интеграции	Доступ к каспийским энергоресурсам Развитие Среднего коридора Расширение рынков сбыта Инфраструктурные проекты Диверсификация энергопоставок
Социальные факторы (S)	Технологические факторы (T)
Поддержка тюркской идентичности Продвижение турецкой культуры Образовательные программы Работа с диаспорами Религиозное влияние	Модернизация инфраструктуры Энергетические технологии Военно-техническое сотрудничество Цифровизация связей Технологический трансфер

Рисунок 2.1. PEST-анализ интересов Турции в регионе Южного Кавказа¹⁷⁷

Представленная крест-матрица PEST-анализа демонстрирует комплексный характер интересов Турции в регионе Южного Кавказа. В политической сфере очевиден акцент на усиление регионального влияния и противодействие России. Экономические факторы сконцентрированы вокруг

¹⁷⁶ Аватков В.А. Внешнеполитическая линия Турецкой Республики в отношении стран Закавказья в контексте внешнеполитической идеологии Турции // Ежегодник ИМИ. 2014. №2. С. 13

¹⁷⁷ Составлено автором.

энергетики и транспортных коридоров. Социальные аспекты отражают стремление к культурной экспансии через тюркскую идентичность. Технологический сектор подчеркивает важность инфраструктурной и военно-технической модернизации.

Также отметим, что данная матрица отражает влияние неоосманизма и пантюркизма на региональные интересы Турции.

Так, политический сектор показывает стремление к региональному лидерству в духе неоосманизма, где Турция позиционирует себя как наследница Османской империи и естественный лидер региона. Через пантюркистскую призму особое значение приобретает связь с Азербайджаном как «мостом» в тюркский мир.

Экономические факторы подчинены неоосманистской логике создания зоны турецкого влияния через инфраструктурные проекты и энергетические коридоры. Это продолжение османской традиции контроля над торговыми путями.

Социальные аспекты наиболее явно демонстрируют синтез идеологий: продвижение турецкой культуры (неоосманизм) тесно переплетается с идеей тюркского единства (пантюркизм). Образовательные программы и работа с диаспорами служат обеим целям.

Технологический сектор обеспечивает инструментарий для реализации обеих идеологических концепций: модернизация инфраструктуры создает физическую основу для неоосманистской интеграции, а военно-техническое сотрудничество укрепляет связи с тюркскими партнерами.

Таким образом, неоосманизм во внешней политике Турции на Южном Кавказе сегодня задает общую рамку регионального доминирования, а пантюркизм обеспечивает конкретные механизмы влияния через этнокультурные связи.

Как следует из официальной информации, размещенной на сайте Министерства иностранных дел Турции, между Анкарой и странами Южного Кавказа устанавливаются тесные добрососедские отношения – несмотря на

имеющиеся проблемы. Так, здесь указано, что основными аспектами политики Турции на Южном Кавказе являются укрепление независимости и суверенитета стран региона и поддержка их интеграционных усилий с евроатлантическими структурами при сохранении и расширении регионального сотрудничества, а также политической и экономической стабильности. Особо отмечается, что Турция имеет глубокие исторические и культурные связи с Южным Кавказом, который служит мостом, соединяющим Турцию с Центральной Азией¹⁷⁸.

Министерство отмечает, что после распада СССР Турция была одной из первых стран, признавших независимость Азербайджана, Армении и Грузии. В последующие годы Турция развила хорошие отношения с Азербайджаном и Грузией. Однако признается, что в турецко-армянских отношениях подобного импульса достичь не удалось из-за «проблемы оккупации Арменией Нагорного Карабаха и негативного отношения армянского правительства к Турции»¹⁷⁹. Отсюда вытекает разница в подходах к трем странам региона: с наиболее близким Азербайджаном выстраиваются отношения стратегического партнерства, с Грузией – конструктивные, взаимовыгодные партнерские связи (преимущественно в экономической сфере), с Арменией же существует серьезная напряженность, которая будет сохраняться, как минимум, до решения Нагорно-Карабахского конфликта на приемлемых для Азербайджана и Турции условиях.

Действительно, армяно-турецкие отношения остаются крайне напряженными: несмотря на то, что в 1991 году Турция признала независимость Армении, дипломатическое представительство двух государств не было установлено из-за начавшегося карабахского конфликта, в котором Турция поддерживала Азербайджан. Более того, в 1993 году после успешного армянского наступления в Карабахе Турция в одностороннем

¹⁷⁸ Türkiye's Relations with Southern Caucasus Countries [Electronic source]. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkiye_s-relations-with-southern-caucasus.en.mfa#:~:text=Main%20aspects%20of%20T%C3%BCrkkiye's%20Southern,and%20political%20and%20economic%20stability (accessed: 15.08.2023)

¹⁷⁹ Ibid.

порядке закрыла границу с Арменией, прекратив прямые экономические связи. Оставшийся товарооборот в основном проходит через территорию Грузии¹⁸⁰.

Помимо карабахской проблемы отношения между Турцией и Арменией осложнены нежеланием турецкой стороны признавать геноцид армян в годы Первой мировой войны. Со своей стороны, Армения отказывается признать Московский и Карсский договоры 1921 года и, как следствие, современные границы Турции, считая, что этот вопрос должен решаться после установления дипломатических отношений между странами.

Тем не менее, Турция не отказывается от идеи нормализации отношений с Арменией, рассматривая данную перспективу как важное условие стабилизации и развития региона. Данная позиция нашла отражение в совместном заявлении министерств иностранных дел Турции и Армении, сделанном в результате переговоров, проведенных в 2009 году при посредничестве со стороны Швейцарии в 2009 году.¹⁸¹ Представители государств заявили о намерении интенсивно работать в направлении нормализации двусторонних отношений для обеспечения мира и безопасности Южного Кавказа.

Готовность Турции к активному участию в разрешении проблем Южного Кавказа была подчёркнута в речи действующего на тот момент Министра иностранных дел Турции Али Бабаджана в ходе 45-й Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2009 г.¹⁸² Бабаджан подчеркнул, что вовлеченность Турции в дела региона основана на прочных исторических, культурных и экономических связях. Важнейшими целями данного направления внешней политики были названы нормализация отношения

¹⁸⁰ Аватков В.А. Указ. соч. С. 13-14.

¹⁸¹ №: 56, 22 April 2009, Joint Statement of The Ministries of Foreign Affairs of The Republic of Turkey, The Republic of Armenia and The Swiss Federal Department of Foreign Affairs [Electronic source]. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_-56_-22-april-2009_-press-release-regarding-the-turkish-armenian-relations.en.mfa (accessed: 15.08.2023)

¹⁸² Speech Delivered by H.E. Mr. Ali Babacan at the 45. Munich Security Conference, 7 February 2009 [Electronic source]. URL: https://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-ali-babacan_in-45_-munih-guvenlik-konferansi_ndayaptiklari-konusma-ve-soru-cevap-bolumunun-cozumu_-munih_-7-subat-2009.en.mfa (accessed: 15.08.2023)

между Арменией и Азербайджаном, а также нормализации отношений Армении и Турции, что должно повлечь за собой формирование принципиально новой геополитической ситуации в регионе. В качестве средства достижения данной цели было предложено стимулировать переговорный процесс путем создания специализированного форума для диалога о проблемах Южного Кавказа, открытого для содействия со стороны других стран и международных организаций. Ключевыми же участниками «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе» должны были стать Азербайджан, Армения, Грузия, Турция и Российская Федерация.

Данное предложение демонстрирует стремление турецкой дипломатии к урегулированию существующих конфликтов и противоречий для формирования благоприятных условий развития региона, в котором заинтересована Турция. Тем не менее, несмотря на поддержку данного предложения со стороны России, инициатива Турции по созданию Платформы сотрудничества не получила существенного развития. С точки зрения Л.С. Кочаряна причиной этому стала невозможность разрешения противоречий, имеющих столь глубокую историческую и этническую подоплёку, на основе общей платформы диалога, пока не выстроены достаточно доверительные связи между отдельными его участниками.¹⁸³

Тем не менее, Турция не отказалась от идеи о необходимости урегулирования проблем Южного Кавказа посредством выстраивания многостороннего диалога. Так, в 2020 году главы Турции и Азербайджана совместно выдвинули предложение о выстраивании сотрудничества по вопросам Южного Кавказа в формате консультативной региональной платформы по формуле «3+3» в котором, помимо непосредственно стран региона, будут участвовать также Турция, Россия и Иран.¹⁸⁴ Данная

¹⁸³ Кочарян Л.С. / «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2015. №1. С. 97.

¹⁸⁴ Керимов Ш. И., 2022. Проблемы и перспективы сотрудничества «3+3» на Южном Кавказе // Экономика и управление: проблемы, решения. № 1. Т. 11 (131). С. 86-91.

инициатива была поддержана всеми участниками, кроме Грузии. Фактически, встречи в рамках инициативы реализуются в формате «2+3».

Помимо установления мира в регионе важнейшей целью данного переговорного формата является разблокировка и развитие региональных транспортных коммуникаций. Подтверждение значимости данной цели для Турции можно увидеть в позиции турецкого Министра иностранных дел Хакана Фидана в ходе встречи региональной платформы в октябре 2023 года. Министр особо отмечал, что ключевыми факторами, которые смогут обеспечить процветание региона является урегулирование отношений Армении и Азербайджана, а также полноценное открытие региональных транспортных связей.¹⁸⁵

Важно отметить, что в вопросе развития транспортных коридоров Южного Кавказа Турция имеет стратегические интересы, противоречащие позициям других участников переговорного формата. Так, Турция совместно с Азербайджаном выступают за установление прямой сухопутной связи Азербайджана со своим нахичеванским эксклавом в рамках проекта Зангезурского коридора, что расширит возможности транспортной коммуникации между Турцией и Азербайджаном. Укрепление расширение коммуникаций в регионе укрепит позиции Турции, что соответствует пантюркистскому внешнеполитическому вектору Анкары. Против данного проекта выступают Армения и Иран. Иран, в свою очередь, настаивает на альтернативном маршруте коммуникаций – Аракском коридоре, который будет проходить по иранскому побережью реки Аракс. Указанные противоречия, с точки зрения экспертов, могут существенно снизить продуктивность данного переговорного формата.¹⁸⁶

В официальной информации МИД Турции также указывает, что за 27 лет независимости отношения Анкары с Азербайджаном и Грузией быстро

¹⁸⁵ Foreign Minister Hakan Fidan Attended the Meeting South Caucasus Regional Cooperation Platform, 23 October 2023, Tehran [Electronic source]. URL: <https://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimizin-guney-kafkasya-bolgesel-isbirligi-platormu-toplantisi-na-katilmasi-23-10-2023-tahran.en.mfa> (accessed: 15.08.2023)

¹⁸⁶ Маркаров А.А., Давтян В.С. Платформа сотрудничества «3 + 3» и перспективы разблокирования транспортных коммуникаций на Южном Кавказе // Геоэкономика энергетики. 2024. №2.

улучшились и достигли «нынешнего высокого уровня». Для институциализации этих отношений были созданы механизмы Совета стратегического сотрудничества высокого уровня, а также стали регулярно проводиться взаимные визиты на высоком уровне. При этом с Азербайджаном как стратегическим союзником, при участии других стран региона, были созданы трехсторонние и четырехсторонние механизмы сотрудничества.

Намерение углубления трехстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии были закреплены в Декларации, выпущенной по итогам встречи на уровне министров иностранных дел в Трабзоне в 2012 году.¹⁸⁷ Представители государств подчеркивали взаимную заинтересованность стран в развитии Южного Кавказа и укреплении его стабильности. Документ особо подчеркивает значение данного Южного Кавказа не только в региональной, но и в глобальной перспективе, как важного узла, связывающего энергетические, транспортные и коммуникационные коридоры. Ключевым препятствием для полномасштабной реализации потенциала Южного Кавказа были названы существующие в регионе затяжные конфликты. Страны подтвердили готовность к сотрудничеству и углублению взаимосвязей в политической, экономической, культурной и гуманитарной сферах.

Декларация закрешила договоренности стран по взаимодействию в интересах региона, обеспечению мира и безопасности Южного Кавказа. В качестве сферы политического взаимодействия рассматриваются как внутренние вопросы региона, так и аспекты международных отношений, отвечающие общим интересам Турции, Грузии и Азербайджана. Страны договорились обмениваться мнениями о ситуации в соседних регионах, в том числе на Ближнем Востоке. Также была достигнута договоренность о взаимной поддержке в рамках международных организаций и задействования

¹⁸⁷ Trabzon Declaration Of The Ministers Of Foreign Affairs Of The Republic Of Azerbaijan, Georgia And The Republic Of Turkey, 08 June 2012, Trabzon [Electronic source]. URL: https://www.mfa.gov.tr/trabzon-declaration-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-azerbaijan_-georgia-and-the-republic-of-turkey_-08-june-2012_-trabzon.en.mfa (accessed: 15.08.2023)

их механизмов для обеспечения интересов региона. В Декларации государства заявляют о поддержке европейских и евроатлантических устремлений друг друга и необходимости отстаивать суверенитет и национальные интересы в рамках определения своего пути развития. Подчеркивается необходимость совместных усилий по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе, а также конфликта вокруг Абхазии и Южной Осетии.

Помимо работы по разрешению действующих конфликтов важнейшим направлением обеспечения безопасности в рамках Декларации называется сотрудничество по борьбе с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом и организованной преступностью, в целях которого страны договорились о координации своих действий.

В экономической сфере стороны договорились о развитии трехстороннего сотрудничества в таких областях как торговля, энергетика, транспорта, финансы и банковская деятельность, а также охрана окружающей среды. В качестве одного из инструментов такого сотрудничества проводится трехсторонний турецко-азербайджано-грузинского бизнес-форум, в рамках которого укрепляются связи и разрабатываются проекты по укреплению экономических отношений. Особое внимание предполагается уделять привлечению прямых иностранных инвестиций, развитию сельскохозяйственного сектора, повышению конкурентоспособности Южного транспортного коридора, Евро-Азиатского транспортного коридора и развитию железнодорожного сообщения между Турцией, Грузией и Азербайджаном, а также реализации проектов по обеспечению эффективной инфраструктуры для транспортировки энергоресурсов.

В Декларации также подчеркивается необходимость совместных усилий по разрешению экологических проблем и противодействию стихийным бедствиям. Развитие туризма в рамках документа рассматривается не только как сфера экономического взаимодействия, но и как средство формирования социальных и культурных связей и взаимопонимания между народами Турции, Грузии и Азербайджана. Также страны декларируют намерение

сотрудничать в области сохранения и развития исторического и культурного наследия.

В рамках дальнейших встреч при взаимодействии министерств иностранных дел осуществлялась координация и планирование трехстороннего взаимодействия на базе приоритетов, заложенных в Трабзонской декларации.¹⁸⁸

В соответствии с целью Турции «по созданию общей зоны процветания в регионе Южного Кавказа», Анкара также придает важное значение региональному сотрудничеству и проектам развития. С этой целью были введены в эксплуатацию нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан и газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум, железная дорога Баку-Тбилиси-Карс (БТК) и Трансанатолийский газопровод (ТАНАР). Здесь особенно заметно, насколько важно экономическое и энергетическое сотрудничество при реализации «кавказского вектора» турецкой внешней политики – на что особо указывают и российские исследователи¹⁸⁹.

Наконец, относительно проблемы турецко-армянских отношений МИД Турции лаконично указывает, что «с целью установления мира и стабильности на Южном Кавказе Анкара поддерживает разрешение конфликтов в регионе мирными средствами в рамках территориальной целостности и суверенитета Азербайджана»¹⁹⁰. В связи с этим Турция также «сохраняет стремление к нормализации отношений с Арменией»¹⁹¹.

¹⁸⁸ См: Joint Communiqué of the Second Trilateral Meeting of the Ministers of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan, Georgia and the Republic of Turkey, 28 March 2013, Batumi [Electronic source]. URL: https://www.mfa.gov.tr/joint-communique-of-the-second-trilateral-meeting-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-azerbaijan_-georgia-and.en.mfa (accessed: 15.08.2023); Ganja Statement of the III Trilateral Meeting of the Ministers of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan, Georgia and the Republic of Turkey, 19 February 2014, Ganja [Electronic source]. URL: https://www.mfa.gov.tr/ganja-statement-of-the-iii-trilateral-meeting-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-azerbaijan_-georgia-and.t.en.mfa (accessed: 15.08.2023)

¹⁸⁹ См.: Алексанян Л.М. Грузия во внешней политике Турции на современном этапе. Дисс. канд. полит. наук. М., 2019. С. 33.

¹⁹⁰ Türkiye's Relations with Southern Caucasus Countries [Electronic source]. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkiye_s-relations-with-southern-caucasus.en.mfa#:~:text=Main%20aspects%20of%20T%C3%BCrkkiye's%20Southern,AND%20political%20AND%20economic%20stability (accessed: 15.08.2023)

¹⁹¹ Ibid.

Говоря же в целом о роли Закавказья во внешней политике Турции, следует отметить, что приоритетом здесь является решение экономических вопросов, что отвечает национальным интересам Анкары. Выше уже было указано на несколько транспортно-логистических проектов в области энергетики, реализованными при участии Азербайджана и Грузии.

Однако экономическая и инфраструктурная интеграция между Турцией и кавказскими государствами не ограничивается нефтегазовыми проектами: в 2017 году была построена железнодорожная магистраль Баку-Тбилиси-Карс. На торжественном открытии присутствовали президенты Турции и Азербайджана Реджеп Эрдоган и Ильхам Алиев, и премьер-министр Грузии Георгий Квирикашвили. Политики декларировали, что новая железнодорожная линия устанавливает грузовую и пассажирскую связь между Европой и Китаем в обход России. Также новый маршрут был амбициозно назван частью большого шелкового пути, хотя на данный момент его пропускная способность невысока – 5 млн т грузов в год. Скорость сообщения существенно замедляет необходимость менять вагонные тележки из-за разной ширины железнодорожной колеи, замена происходит в грузинском Ахалкалаки, расположенном в 30 км от турецкой границы¹⁹². Примечательно, что данный город расположен в регионе Самцхе-Джавахети (Джавахк), где преимущество преобладает армянское население.

Помимо сотрудничества в экономической сфере Анкара активно взаимодействует с Грузией и Азербайджаном в военном направлении. Несколько десятков тысяч азербайджанских офицеров закончили высшие учебные военные заведения в Турции. Также турецкие военные участвуют в реструктуризации грузинской армии и ее пограничных войск. В частности, турки восстановили и оснастили военный аэродром в городе Марнеули¹⁹³.

¹⁹² Главы Азербайджана, Турции и Грузии открыли железнодорожную линию [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://www.svoboda.org/a/28824200.html> (дата обращения: 27.08.2023)

¹⁹³ Гегелашивили Н.А. Страны Закавказья в политике Турции и США//США и Канада: экономика, политика, культура 2020. №10. С. 49.

На военное сотрудничество оказывает влияние и географический фактор

- Турция отделена от Азербайджана Арменией и имеет лишь 10 км общей границы с азербайджанским эксклавом Нахичевань, в то время как с протяженность сухопутной турецко-грузинской границы составляет 114 км, поэтому Грузия занимает важное место в закавказской турецкой военной политике¹⁹⁴.

Более детально торгово-экономические отношения Турции со странами Южного Кавказа отображены на Рисунках 2.2-2.4.

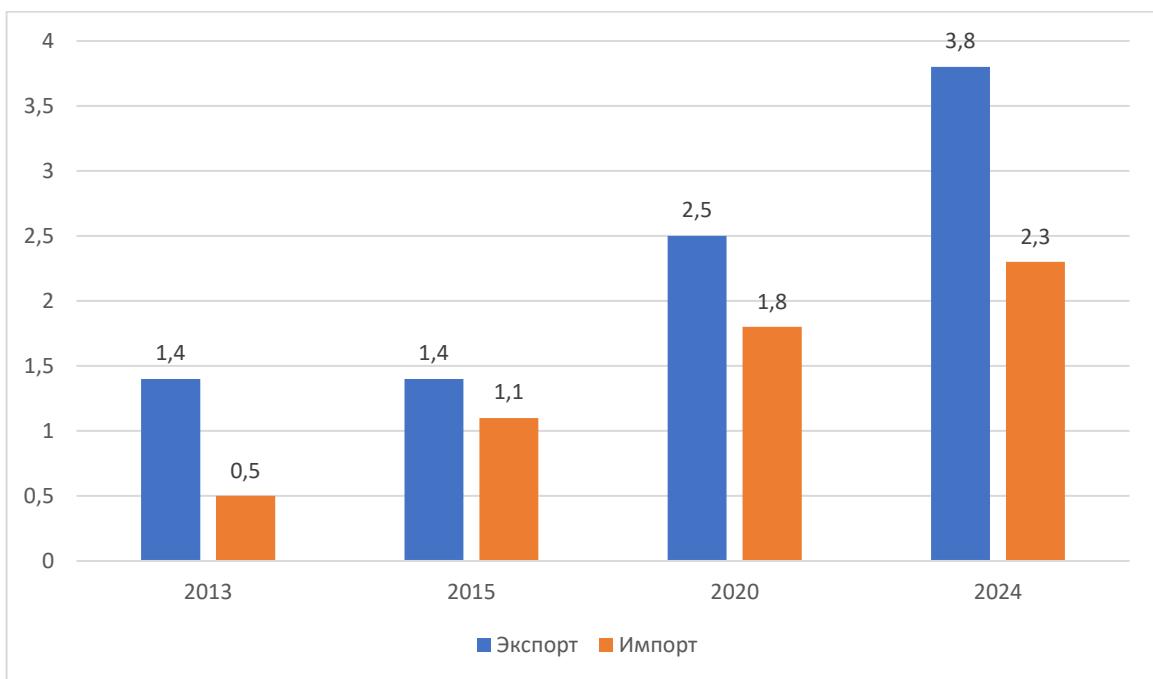

Рисунок 2.2. Торговля Турции и Азербайджана, 2010-2024, млрд. долл.

Указанный график отражает довольно впечатляющую динамику развития торговых отношений между Турцией и Азербайджаном за последнее десятилетие. Наиболее заметной тенденцией является устойчивый рост экспорта, который увеличился с 1,4 миллиарда в 2013 году до 3,8 миллиарда в 2024 году, то есть почти в 2,7 раза. При этом импорт также демонстрирует положительную динамику, возраста с 0,5 миллиарда до 2,3 миллиарда за тот же период.

Особенно интересен период между 2015 и 2020 гг., когда произошел существенный скачок в торговом обороте (который, впрочем, не смогла

¹⁹⁴ Габер Е. Политика Турции на Кавказе и в Центральной Азии в постсоветский период // Центральная Азия и Кавказ 2011. №3 (14). С. 164.

затормозить и последовавшая пандемия COVID-19). Экспорт увеличился с 1,4 до 2,5 миллиарда, а импорт вырос с 1,1 до 1,8 миллиарда. Этот рост может быть связан с реализацией крупных энергетических проектов, таких как Трансанатолийский газопровод, и общим укреплением стратегического партнерства между странами.

На протяжении всего анализируемого периода сохраняется положительное торговое сальдо, которое даже увеличивается в абсолютном выражении. Это свидетельствует о том, что Турция является преимущественно экспортёром в данных торговых отношениях. Общий торговый оборот между странами вырос за исследуемый период более чем в два раза, что отражает углубление экономической интеграции и взаимозависимости двух государств – ключевых партнеров друг для друга.

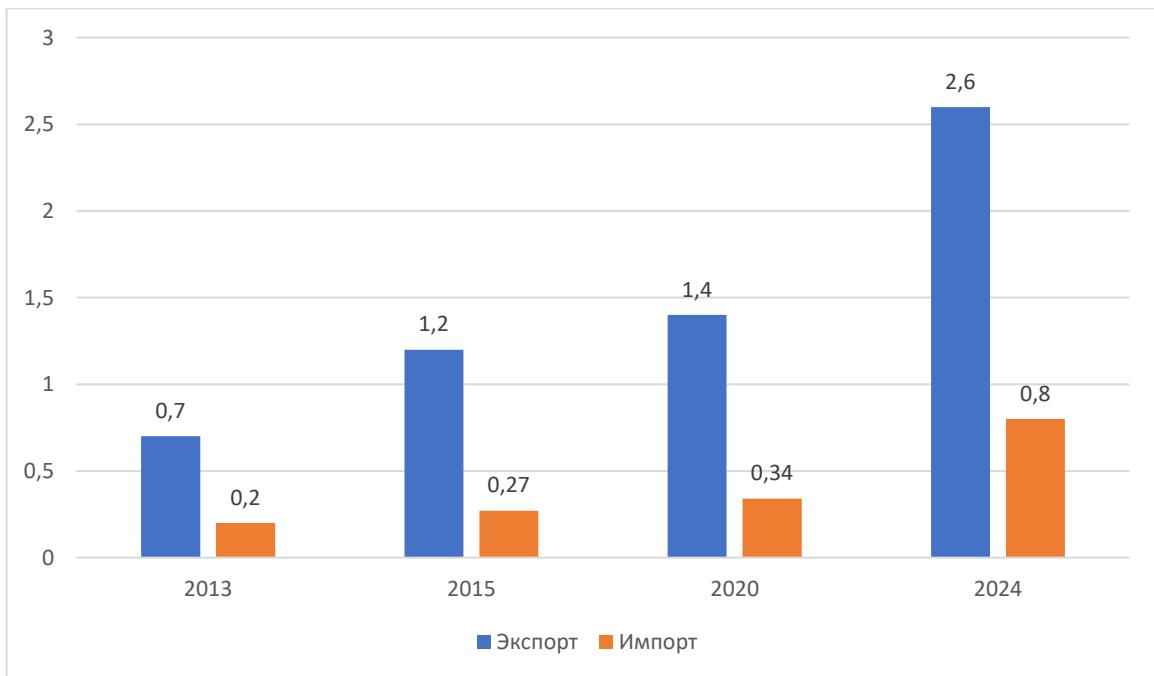

Рисунок 2.3 Торговля Турции и Грузии, 2010-2024, млрд. долл.

График торговых отношений между Турцией и Грузией тоже демонстрирует стабильный, хотя и более умеренный рост по сравнению с азербайджанским направлением. Экспорт Турции увеличился с 0,7 миллиарда в 2013 году до 2,6 миллиарда в 2024 году, что составляет почти четырехкратный рост. Импорт также показывает положительную динамику, возрастаая с 0,2 до 0,8 миллиарда за тот же период.

Характерной особенностью торговли с Грузией является значительное преобладание экспорта над импортом на протяжении всего анализируемого периода. Торговое сальдо для Турции остается стабильно положительным и даже увеличивается в абсолютном выражении. Наиболее интенсивный рост наблюдается в период с 2020 по 2024 год, когда экспорт вырос с 1,4 до 2,6 миллиарда, что, на наш взгляд, может быть объяснено восстановлением экономики после пандемии и активизацией региональной торговли.

При сопоставлении с азербайджанским направлением видно, что торговый оборот с Азербайджаном существенно превышает грузинские показатели. В 2024 году общий оборот с Азербайджаном составил 6,1 миллиарда против 3,4 миллиарда с Грузией. Однако оба направления демонстрируют устойчивый рост, что отражает общую стратегию Турции по углублению экономических связей с закавказскими партнерами и укреплению своих позиций в качестве регионального торгово-экономического хаба.

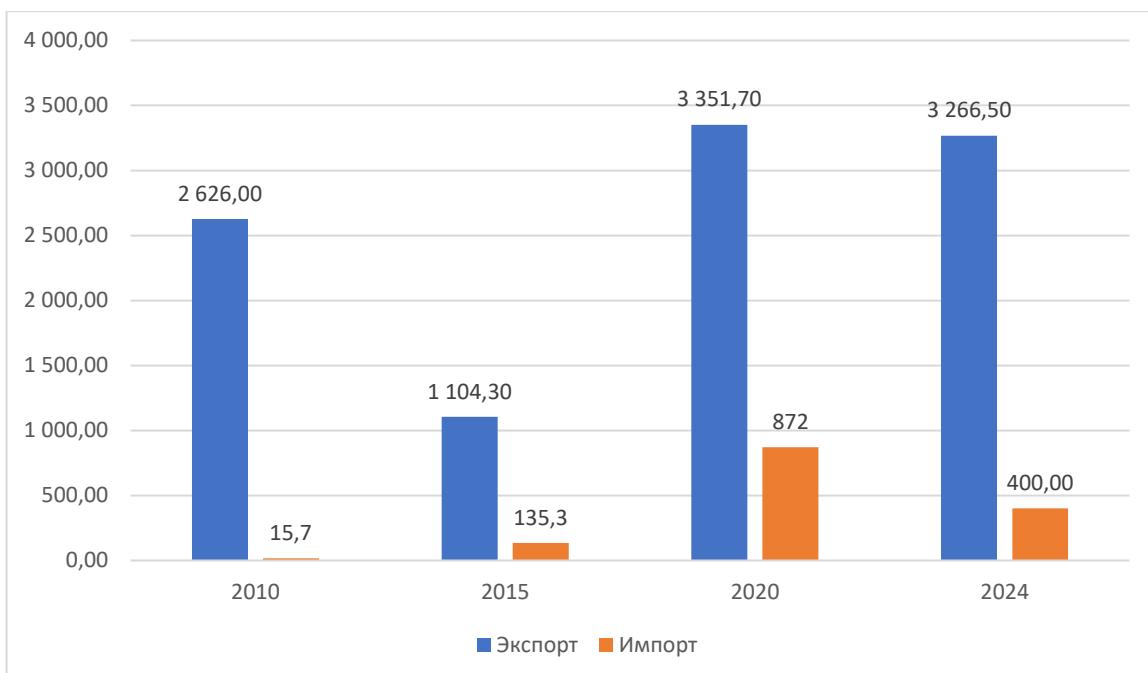

Рисунок 2.4. Торговля Турции и Армении, 2010-2024, тыс. долл.

Комментируя вышеуказанный график, важно отметить, что официально граница между Турцией и Арменией закрыта с 1993 года, поэтому вся торговля осуществляется через третьи страны, преимущественно через Грузию. Волатильность показателей отражает влияние политических факторов на

экономические отношения, что делает армянское направление наиболее непредсказуемым среди закавказских партнеров Турции. Отметим, что по сравнению с 2023 г., импорт из Турции в Армению не претерпел существенных изменений, но при этом экспорт армянских товаров в Турцию сократился с 6.4 млн. (рекорд за всю историю двусторонних торговых отношений) до 0.4 млн долларов. Отметим, что наиболее высокие показатели импорта из Турции были зафиксированы в 2023-2024 гг. Это свидетельствует о том, что после отмены запрета на импорт турецких товаров данный процесс получил еще больший размах.

Помимо экономического сотрудничества, «кавказский вектор» турецкой политики предполагает и широкое использование «мягкой силы». В этом плане нельзя не признать, что Турция обладает значительным влиянием на Южном Кавказе. Турецкие телевизионные шоу и продукты кинематографа крайне популярны в Азербайджане. Также между Турцией и странами Закавказья активно развивается взаимный туризм. Турецкое религиозное влияние заметно не только в Азербайджане, но и в мусульманских регионах Грузии (в регионе Аджарии и приграничных районах Азербайджана).

Эксперты отмечают, что эффективность религиозного компонента «мягкой силы» косвенно обусловлена культурно-образовательной деятельностью движения Ф. Гюлена, которая в свое время активно распространялась не только на Азербайджан, но и на Грузию, где были открыты пять школ и один университет¹⁹⁵. Определенные успехи были достигнуты даже в Армении, где в Ереванском государственном университете открылась кафедра тюркологии, на которой более 200 студентов изучают турецкий язык и культурологию.

В то же время, признавая успехи Турции в экономическом и культурном влиянии на страны Южного Кавказа, нельзя не отметить, что в политическом и геостратегическом плане Турция так и не стала главным действующим

¹⁹⁵ Алексанян Л.М. Политика «Мягкой силы» Турции в отношении Грузии // Вестник МГИМО. 2016. №2 (47). С. 19.

актором в регионе, каким мечтали быть архитекторы ее внешней политики на рубеже XX и XXI века, вдохновленные распадом СССР и возникшим «вакуумом силы».

Неудачи в реализации внешнеполитических амбиций Турции демонстрируются двумя ключевыми событиями.

Во-первых, будучи ближайшим союзником Азербайджана, по мнению ряда аналитиков, Турция немногое сделала для успешного урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе, несмотря на военную помощь и дипломатическую поддержку Азербайджана (это касается как миротворческих усилий «Минской группы», так и попыток урегулировать кризис в 2020-2023 годах). Другие эксперты утверждают, что турецкая поддержка Азербайджана сыграла ключевую роль в карабахском конфликте. Более того, неоднозначные заявления по этому поводу Анкары и Баку выявляют противоречия в отношениях Турции и Азербайджана, как и определенные сложности концепции «одна нация – два государства»¹⁹⁶. 8 января 2025 года состоялся телефонный разговор между президентами Азербайджана и Турции, в ходе которого Р. Эрдоган выразил свою поддержку Азербайджану и заверил И. Алиева в том, что Турция всегда будет рядом. На следующий день, 9 января, правительство Армении одобрило законопроект о присоединении к Европейскому союзу. При этом Россия продолжает поддерживать нейтральную позицию в отношении сторон конфликта¹⁹⁷.

Во-вторых, конфликт между Россией и Грузией в августе 2008 г. также, по мнению некоторых аналитиков, продемонстрировал «политическое бессилие Турции на Южном Кавказе»¹⁹⁸. Имея хорошие отношения как с Россией, так и с Грузией, Турция попыталась сыграть посредническую роль в

¹⁹⁶ Турция официально оспаривает «монопольную победу Азербайджана» в 44-дневной Арцахской войне / Общество Русско-Арцахской дружбы, 11 января 2025 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://dzen.ru/a/Z23GPX_q9yo3ND4K (дата обращения: 11.01.2025).

¹⁹⁷ Кризис не за горами: Азербайджан и Армения на пороге новой войны / ИЗВЕСТИЯiZ,

10 января 2025 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://iz.ru/1819583/igor-karmazin/krizis-ne-za-gorami-azerbaidzan-i-armenia-na-poroge-novoi-voiny> (дата обращения: 11.01.2025).

¹⁹⁸ Balci B. Strengths and Constraints of Turkish Policy in the South Caucasus [Electronic source]. URL: <https://carnegieendowment.org/2014/06/18/strengths-and-constraints-of-turkish-policy-in-south-caucasus-publication-55945> (accessed: 30.08.2023)

конфликте, но быстро осознала, что это неэффективно. Столкнувшись с растущими региональными амбициями России на постсоветском пространстве, турецкое правительство стало осознавать ограниченность своих рычагов воздействия на Южном Кавказе.

Аналогичным образом в марте 2014 года Турция не смогла занять достаточно жесткую позицию в отношении присоединения Крыма к России: турецкие дипломаты и руководство страны были вынуждены ограничить свою критику этого шага во избежание негативных экономических последствий от конфронтации с Россией (несмотря на официальные заявления о непризнании Крыма частью Российской Федерации).

Выводы. Таким образом, в XXI веке Турция стала проводить гораздо более активную внешнюю политику на Южном Кавказе. С одной стороны, этому способствовало окончание «холодной войны» и изменение глобальной политической обстановки, с другой – приход в 2002 году к власти ПСР, отступившей от кемалистских принципов во внутренней и внешней политике. Основными идеологическими составляющими стали неоосманизм, пантюркизм и панисламизм. Обращение к историческому прошлому и опыту является в каком-то смысле реваншизмом – Турция поставила себе цель стать влиятельной региональной державой и использует все доступные средства для этого. К середине 2010-х годов и по сей день Турция от концепции мягкой силы переходит ко все более агрессивной внешней политике и открытым военным операциям в ближайшем зарубежье. Регион Южного Кавказа Турция сегодня воспринимает крайне важным в рамках своего курса, направленного на доминирование на Большом Ближнем Востоке.

В настоящее время турецкое правительство пытается поддерживать сбалансированные отношения со всеми странами региона, но по многим причинам политика Турции на Южном Кавказе по-прежнему определяется ее отношениями с Азербайджаном, который является основным союзником и экономическим партнером Анкары. Отношения стратегического партнерства здесь вполне укладываются в логику пантюркизма: турецкое правительство

заинтересовано в бесконфликтных и максимально тесных взаимосвязях с родственным в этнорелигиозном и культурном плане Азербайджаном.

Также конструктивные и взаимовыгодные отношения экономического (и, до недавнего прошлого, военно-политического) характера сложились в отношениях Турции и Грузии. Через грузинскую территорию Турция реализует стратегически важные для своей экономики транспортно-логистические проекты в области энергетики.

Отношения с Арменией остаются замороженными, несмотря на попытки их «перезагрузки» в начале 2010-х годов. Сложности здесь определяются конфликтом в Нагорном Карабахе, где Турция как дипломатически, так и в военном плане поддерживает Азербайджан в его стремлении к восстановлению территориальной целостности.

Турция и Армения выражают готовность к восстановлению дипломатических связей и открытию границ. Однако, что очевидно, турецкая сторона продолжает связывать нормализацию отношений с урегулированием конфликта между Арменией и Азербайджаном. Урегулирование отношений между Арменией и Турцией могло бы существенно облегчить или даже способствовать нормализации отношений между Арменией и Азербайджаном.

2.3. Политика интеграции тюркоязычных народов и создания «туркского мира» в регионе Южного Кавказа

Хотя регион Южного Кавказа и не занимает первоочередного места в повестке Турции по сравнению с Ближним Востоком и ЕС, тем не менее, он играет очень важную роль во внешней политике Турции, что обусловлено геополитическими, экономическим и культурным предпосылками.

После распада СССР, в связи с постепенным ослаблением влияния России в пространстве СНГ, для Турции открылась возможность укрепить свои позиции на постсоветском пространстве. Южный Кавказ стал сферой интереса Турции. При этом, важно отметить, что наибольшие шансы для укрепления своего влияния среди постсоветских стран у Турции были в Центральной Азии и Азербайджане, поскольку на этих территориях проживают миллионы мусульман и представителей тюркских народов. Данный факт делает данный регион с одной стороны, особо значимой зоной для Турции по причине культурно-этнической близости, и, с другой стороны, позволяет намного проще устанавливать дипломатические связи и осуществлять политику, основанную на мягкой силе. В этих условиях Турция может позволить себе конкурировать за влияние в регионе с Россией, Китаем, Западом и арабскими монархиями.

Важно учитывать, что Турция претендует на роль идейного лидера на постсоветском пространстве. Для достижения этой цели она продвигает в сторону тюркских народов, населяющих, в том числе, территории Южного Кавказа, идеи «туркского мира». Среди них Концепция «Видение турецкого мира — 2040» - стратегический план развития Организации тюркских государств, который определяет основные направления деятельности организации. Цель организации — создать на территории пяти стран крупнейший транзитный узел в Евразии. Если эта идея будет успешно реализована, то новый транзитный узел сможет контролировать торговые пути, соединяющие Запад и Восток, Север и Юг, а также другие регионы.

Сюда же можно отнести культурно-языковую унификацию. Как программа она Концепцией-2040 и предусматривает проведение языковой реформы во всех странах-участницах Организации тюркских государств на уровне национальных алфавитов и лексического состава. Предполагаются также разработка общих учебных материалов по истории, литературе и географии тюркских народов, способствующих формированию целостного представления о развитии тюркских народов, и создание медиаплатформы «Тюркский мир», представляющей собой конгломерат информационных агентств тюркских стран и рассматриваемой в качестве инструмента для обеспечения гармонизации информационного пространства тюркских государств.

Ещё в 1992 году президент Турции Турукту Озал высказал предположение о том, что в XXI веке тюркский мир станет доминирующим фактором на евразийском пространстве от Балкан до Великой китайской стены, назвав этот век «веком турок». Премьер Султан Демирель, обсуждая «турецкий мир от Адриатики до Великой китайской стены», охарактеризовал Турцию как культурный центр и исторический магнит для новых суверенных государств. Он также обозначил один из векторов внешней политики Анкары после распада Советского Союза. В настоящее время Турция стремится к созданию Pax Ottomana (оттоманского мира), который должен сделать её не только великой, но и «надрегиональной» державой, активно продвигающей свои интересы. Гуманитарное присутствие Турции на Южном Кавказе начало трансформироваться в более тесное политическое и военно-техническое сотрудничество, особенно с Азербайджаном¹⁹⁹.

Отношения между Турцией и Азербайджаном можно охарактеризовать как процесс интеграции двух стран в единое пространство, в котором Турция играет ключевую роль. Это пространство охватывает различные области

¹⁹⁹ «Ось Турции» и «новая эра турок»: тюркский мир / EurAsia Daily, 25 июля 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/07/25/os-turcii-i-novaya-era-tyurok-tyurkskiy-mir-turciya-i-centralnaya-aziya-intervyu> (дата обращения: 11.01.2025).

сотрудничества. Турция стремится усилить своё влияние на Азербайджан, рассматривая его как значимый элемент в построении «турецкого мира», контроль над которым находится в руках Анкары. В последнее время обсуждаются перспективы создания совместной тюркской армии. В Азербайджане активно продвигается идея «одна нация — два государства», отражающая сильную зависимость Азербайджана от Турции.

В целях реализации своей идеи Турция использует набор инструментов, которые можно охарактеризовать как мягкие и жесткие.

Турция применяет разнообразные мягкие инструменты для формирования «турецкого мира» на Южном Кавказе. Одним из таких инструментов являются международные организации тюркских народов, которые способствуют сохранению культурных традиций и укреплению дружеских отношений между тюркскими народами. Примером такой организации может служить Организация тюркских государств. Другим инструментом является создание общих учебников по истории, литературе и географии тюркских народов, что способствует формированию ощущения неразрывности истории развития тюркских народов. Кроме того, Турция создаёт медиаплатформу «Тюркский мир», которая объединяет информационные агентства тюркских стран и способствует унификации информационных пространств тюркских государств. Также Турция создаёт Тюркский инвестиционный фонд, целью которого является содействие экономическому развитию стран-участниц через расширение региональной торговли и поддержку экономической деятельности.

В качестве жёсткого инструмента Турцией используется развитие партнёрства в военно-технической сфере. В частности, экспорт оружия, военная подготовка персонала и оборонная дипломатия, по мнению турецких властей, должны дополнять друг друга и выстраивать прочные институциональные связи²⁰⁰.

²⁰⁰ Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика 2018. № 2. С. 11-25.

Как справедливо отметил теоретик концепции «мягкой силы» Дж. Най, с 2013 г. во внешней политике Турции явно преобладают «жесткие» элементы, поскольку амбициозная цель региональной гегемонии при нынешнем количестве ресурсов не может быть достигнута Анкарой только лишь за счет «мягкого воздействия» на другие страны²⁰¹. Однако этот тезис в большей степени применим к политике Турции на Ближнем Востоке и Африке к югу от Сахары. Что же касается Южного Кавказа, то здесь, несмотря на меньшую влиятельность и меньшие финансовые ресурсы, чем у других региональных акторов, Турция наглядно демонстрирует языковую и этнокультурную близость к тюркоязычным народам, а также доказывает свою надёжность как партнера и в какой-то мере «старшего брата». Разумеется, наиболее ярко этот статус раскрывается в отношениях с Азербайджаном.

Для укрепления мирного социально-экономического взаимодействия с другими государствами требуются существенные финансовые ресурсы и инфраструктура. По данным параметрам Турцию нельзя поставить в ряд наиболее экономически развитых стран. Это обуславливает особое внимание Турции к тюркскому миру, поскольку культурная близость обеспечивает каналы для культурных связей и гуманитарной деятельности, а также позволяет укреплять сотрудничество под эгидой идеи о необходимости взаимной поддержки тюркских стран и сообществ. Повторим, что в регионе Южного Кавказа ключевым адресатом данной политики является Азербайджан, поскольку азербайджанский язык относится к тюркской языковой группе и доминирующая часть населения страны являются мусульманами, что обеспечивает почву для культурного сближения. Турецкие политические элиты изначально выбрали путь, основанный на максимально широком использовании мягкой силы, которая была

²⁰¹ Zeynalov M. Joseph Nye says Turkey has less soft power, less democracy // Today's Zaman, 5 April 2015.

концептуально оформлена в концепции пантюркизма и таких политических доктринах как «Стратегическая глубина», и «Ноль проблем с соседями»²⁰²

Вышеуказанные доктрины активно продвигались бывшим министром иностранных дел Ахметом Давутоглу, главным локомотивом политики мягкой силы в турецком правительстве. Его позиция заключалась в том, что Турции необходимо укреплять свои социально-экономические связи, максимально используя такие факторы как мирный культурный и религиозный диалог с различными сообществами. Особенное внимание Давутоглу предлагал уделять укреплению влияния Турции в Средней Африке, на Балканах, на Кавказе и в Средней Азии²⁰³. В начале XXI века его концепции были положены в основу внешней политики Турции, и, хотя впоследствии она претерпела изменения, в ходе которых доля методов мягкой силы уменьшилась, уступив место более жесткому подходу, данный вектор сохраняет свою значимость.

Основными институтами, через которые Турция реализует свою политику мягкой силы в тюркском мире являются такие организации как Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА), Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) и Организация Тюрksких Государств. ТИКА было сформировано в 1992 году в качестве института, призванного осуществлять координацию взаимодействия Турции со странами тюркского мира в различных областях для их объединения под лидерством Турции. Основными зонами интереса агентства стали Центральная Азия и Азербайджан, хотя впоследствии представительство расширилось и на другие регионы мира, включая Латинскую Америку и Африку. К 2020 году под руководством агентства было реализовано более 30 тысяч проектов в сферах образования, науки, здравоохранения и культуры в

²⁰² Кулиева Н. От «стратегической глубины» к «голубой родине» // Российский совет по международным делам, 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/ot-strategicheskoy-glubiny-k-goluboy-rodine-novaya-turetskaya-politika-v-vostochnom-sredizemnomore/> (дата обращения: 09.08.2023).

²⁰³ Маврина Ю. Концепция внешней политики Турции ахмета Давутоглу // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения, 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konseptsiya-vneshneye-politiki-turtsii-ahmeta-davutoglu> (дата обращения: 09.08.2023).

разных странах.²⁰⁴ ТЮРКСОЙ, в свою очередь, была учреждена в 1993 году как организация в области культуры, которая занимается популяризацией тюркской культуры, истории и языка во всем мире. В учреждении организации, наряду с Турцией, принимали участие представители Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана.

Важнейшую роль играет созданный в 2009 году Тюркский совет, который на сегодняшний день переименован в Организацию Тюрksких Государств. В основу политики данной организации легли идеи неопантюркизма, состоящие в том, что тюркские народы во всем мире, такие как азербайджанцы, татары, казахи, узбеки и киргизы, составляют единую нацию с общим наследием и вместе могут создать мощную коалицию. В состав организации вошли Турция, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Ее основной целью стало укрепление интеграции тюркоязычных стран. Президент Турции Р. Эрдоган также упоминал о возможности включения в состав организации Туркменистана.

Стоит также отметить, что премьер-министр Венгрии Виктор Орбан заявлял о возможной причастности венгров к группе тюркских народов, на основании теории в силу которой венгры произошли от тюркоязычных кипчаков. Это открывает возможности присоединения к организации и для Венгрии. Тем не менее, на сегодняшний день Туркмения и Венгрия имеют лишь статус наблюдателей при организации.²⁰⁵ Необходимо подчеркнуть, что главным инициатором создания указанных организаций выступала Турция, которая однозначно претендует на статус лидера тюркских народов. Это подтверждается тем, что штаб-квартира Организации Тюрksких Государств находится в Стамбуле.

Организация Тюрksких Государств также способствует сближению Турции со странами Южного Кавказа. Так, в ходе V саммита Тюркского совета

²⁰⁴ ТİKA с 1992 года реализовало до 30 тыс. проектов по всему миру // Anadolu Agency, 2020. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/tika-s-1992-goda-realizovalo-do-30-tycs-proyektov-po-vsemu-miru/1718893> (дата обращения: 14.08.2023).

²⁰⁵ Is pan-Turkism about to spark a new ‘Great Game’? // Emerging Europe, 2021. URL: <https://emerging-europe.com/news/is-pan-turkism-about-to-spark-a-new-great-game/> (дата обращения: 14.08.2023).

в 2015 году существенное внимание уделялось необходимости формирования общей концепции тюркского мира и его более глубокой интеграции. В частности, рассматривалась возможность формирования единого центра тюркской истории и специализированного телеканала, что могло бы способствовать созданию общего информационного пространства тюркского мира. При этом бывший президент Казахстана Н. Назарбаев выдвинул предложение трансформировать Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави в общее для тюркского мира образовательное учреждение. Значимым шагом было признано создание в Азербайджане Центра кочевой цивилизации. Данные примеры подчеркивают стремление тюркских стран постсоветского пространства укрепить свои связи в тюркском мире за счет поддержания общей культуры и концепции развития.²⁰⁶

Одним из ключевых направлений взаимодействия с тюркским миром и реализации мягкой силы в данной области является языковая политика Турции и политика в области образования и культуры. Турция поддерживает тюркскую культуру и язык во всем мире, что способствует развитию связей среди тюркских народов, их идеологическому сближению и укреплению авторитета Турции. Азербайджан выступает важнейшим государством в рамках этой политики. В рамках данного направления проводятся различные культурные мероприятия, выставки, фестивали и конкурсы. Ключевую роль играют и образовательные программы. Так, Турция финансирует выплату стипендий студентам из Азербайджана. Также на уровне школьного образования Турция выступает за углубление знаний о тюркской истории и культуре. Так, в 2017 году при участии Азербайджана, Турции, Казахстана и Киргизстана был разработан и принят единый учебник «Общей тюркской

²⁰⁶ В саммите Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ, Тюркский совет) // Таких, 2015. URL: <http://tarih-begalinka.kz/ru/history/independent/history/page3515/> (дата обращения: 11.08.2023).

истории» для средней школы, при этом страны также договорились о продолжении сотрудничества в области школьного образования.²⁰⁷

Данная деятельность позволяет достичь важнейшей цели – идеологической интеграции тюркоязычного населения и формирования среди него положительного образа Турции. Турция позиционирует себя как лидер тюркского мира. Усиление позиций Турции в тюркском мире позволяет ей стать более значимым глобальным игроком, что увеличивает шансы на влияние также и на Южном Кавказе, как в качестве лидера тюркского мира, так и в качестве значимой мировой державы.

Несомненно, сближение Турции со странами Центральной Азии в рамках политики объединения тюркского мира может стать плацдармом для усиления влияния и на Южном Кавказе, поскольку в силу территориальной близости и общего исторического опыта нахождения в составе СССР эти страны сохраняют связь. Помимо этого, регион Центральной Азии и Южного Кавказа рассматривается международными акторами как значимый для формирования транспортных маршрутов и логистических узлов. Например, в апреле 2013 года в Баку была проведена выездная сессия Всемирного экономического форума «Стратегический диалог по будущему Южного Кавказа и Средней Азии»,²⁰⁸ одной из главных целей которого стало укрепление связей между элитами стран региона для дальнейшего укрепления экономического взаимодействия.

Через территории Центральной Азии и Южного Кавказа пролегает транспортный путь, соединяющий территории Китая и Европы – «Срединный коридор» или «Транскаспийский транспортный маршрут», захватывающий территории Казахстана, Азербайджана, Грузии и Турции. Данный транспортный маршрут был сформирован в 2017 году, при этом в настоящий момент, в связи со Специальной военной операцией России на территории

²⁰⁷ Чоротегин Т. Об отдельных изъянах общего учебника по истории тюркских народов // Радио Азаттык, 2021. https://rus.azattyk.org/a/turkic_history_2021_longread_istoriya-tyurkskikh-narodov_tch_mnenie-ob-uchebnike/31076075.html (дата обращения: 11.08.2023).

²⁰⁸ В Баку состоялся Всемирный экономический форум на тему «Стратегический диалог о будущем Южного Кавказа и Центральной Азии» // Бакинский рабочий. 2013. Апрель. С. 1-3.

Украины и международными санкциями в отношении России, международное сообщество находится в поиске новых логистических связок, что вызвало резкий рост интереса к Срединному коридору. Так, прогнозируется, что к 2025 году Срединный коридор будет пропускать до 10 миллионов тонн грузов в год.²⁰⁹

Турция прилагает усилия для сближения стран региона Центральной Азии и Южного Кавказа. Так, на платформе саммита Организации тюркских государств в Стамбуле в 2021 году Президентом Кыргызстана Садыром Жапаровым было выдвинуто предложение о создании платформы, объединяющей Центральную Азию и Южный Кавказ в целях совместной координации решения проблем в регионе и укрепления связей для реализации потенциала Срединного коридора.²¹⁰ Его развитие является важнейшим драйвером для экономического благополучия региона, что может способствовать сотрудничеству и сглаживанию напряженности между странами. Участие в проекте Грузии и Азербайджана укрепляет их взаимодействие. Однако Армения все еще остается в стороне из-за конфликта с Азербайджаном, что препятствует как интеграции региона, так и экономическому развитию самой Армении. Турция, тем не менее, стремится привлечь Армению к сотрудничеству. Так, в январе 2023 года министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу заявил, что планируется развитие Среднего коридора и «Армения также сможет присоединиться к реализуемым нами проектам»²¹¹, что будет способствовать увеличению значимости данного транспортного маршрута.

В июне 2022 года в Баку состоялась встреча министров иностранных дел и транспорта Турции Азербайджана и Казахстана для обсуждения перспектив

²⁰⁹ К 2025 году Срединный коридор будет пропускать до 10 млн тонн грузов URL: <https://vestikavkaza.ru/news/k-2025-godu-sredinnyj-koridor-budget-propuskat-do-10-mln-tonn-gruzov.html> (дата обращения: 09.08.2023).

²¹⁰ Платформа «Центральная Азия — Южный Кавказ» для активации Срединного коридора URL: <https://www.ankasam.orgплатформа-центральная-азия-южный-ка/?lang=ru> (дата обращения: 09.08.2023).

²¹¹ Турция приглашает Армению к сотрудничеству в рамках "Среднего коридора" — Чавушоглу URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20230131/turtsiya-priglashaet-armeniyu-k-sotrudnichestvu-v-ramkakh-srednego-koridora--chavushoglu--54612370.html> (дата обращения: 09.08.2023).

развития инфраструктуры Срединного коридора. По итогам встречи было решено привлекать инвестиции со стороны европейских стран, которые в настоящий момент заинтересованы в формировании альтернативных транспортных связей.²¹²

Можно сказать, что на сегодняшний день развитие проекта Срединного коридора является одним из путей укрепления влияния Турции как в Южном Кавказе и Центральной Азии, так и на мировой арене в целом. Если Турция сможет стимулировать укрепление взаимосвязей регионов Центральной Азии и Южного Кавказа и сможет реализовать в этих регионах свою идеологическую политику, то она может претендовать на роль регионального лидера, конкурируя во влиянии с Европой, США, Россией и Китаем.

Если рассматривать экономический вектор взаимодействия с Южным Кавказом, то можно увидеть, что наиболее тесное сотрудничество осуществляется с Азербайджаном, который является одним из важнейших партнеров Турции как в области экспорта, так и импорта. С другими странами экономическое сотрудничество не является таким тесным, однако Турция рассматривает данный регион как потенциальный рынок сбыта для турецких товаров и стремиться к расширению своего экономического влияния.

Можно говорить о том, что Турция имеет все шансы на то, чтобы претендовать на увеличение своего влияния в регионах Центральной Азии и Южного Кавказа и укрепления таким образом своих позиций. Привлекательность Турции как регионального лидера, наряду с ее целенаправленной политикой в данном направлении, обуславливает ряд факторов:

1. Турция является важнейшим центром трудовой миграции для жителей Центральной Азии и Азербайджана, уступая в этом направлении только России. Это обусловлено наличием безвизового режима с бывшими

²¹² Срединный коридор (Транскаспийский международный транспортный маршрут) URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 09.08.2023).

советскими республиками. Также требования к мигрантам на период их пребывания в стране являются довольно мягкими;

2. Турция выступает в качестве инвестора, а также поставщика необходимых кадров для реализации различных промышленных и инфраструктурных проектов на постсоветском пространстве;
3. Также Турция является привлекательным рынком для экспорта из стран постсоветского пространства.

Культурная общность также делает Турцию привлекательной страной для туризма и получения образования среди населения стран тюркского мира. Это обеспечивается не только за счет финансирования стипендий и привлечения студентов, но и за счет общей доступности жизни в Турции и ее довольно комфортного уровня, что позволяет ей конкурировать в данных областях со странами Восточной Европы.

Таким образом, можно сказать, что внешняя политика Турции в настоящее время направлена в полной мере на расширение своего влияния для достижения собственных выгод. Успешно балансируя между более влиятельными державами, Анкара направляет свои усилия на постепенное привлечение стран в свою зону интересов, активно используя инструменты мягкой силы. В данном контексте особую роль играет концепция пантюркизма. Пантюркизм стал популярен во внешней политике с приходом к власти партии «Единение и прогресс» в 1908 году. Его основы подробно описываются в книге «Основы пантюркизма» М. Зия, которая определяла три важнейших понятия данной концепции: национализм, этатизм, вестернизация²¹³. Благодаря данной идеологии, стране в начале XX века удалось расширить свое влияние на Восток. Впоследствии, данная парадигма использовалась Турцией во время холодной войны с целью ослабления СССР в некоторых регионах, и теперь данные амбиции вновь становятся актуальными для турецкой власти.

²¹³ Из истории пантюркизма: национализм против веры // Србија Дамас, 2011. URL: <https://www.srbijadanash.net/iz-istorii-pantjorkizma-nacionalizm-protiv-verby/> (дата обращения: 14.08.2023).

На современном этапе доктрина пантюркизма для Турции представляет собой своего рода политику турецкого глобализма в тюрко-турецком мире, которая подразумевает сложную и многоуровневую программу действий по реализации геостратегии создания «Великого Турана», которая включает в себя такие сферы интеграции Турции и тюркоязычных стран СНГ, как идеолого-культурная, языковая, экономическая, социальная, банковско-финансовая, энергетическая, транспортно-коммуникационная, военная, политическая и, наконец, межгосударственная²¹⁴. На сегодняшний день, можно утверждать, что данная стратегия имеет достаточно большой потенциал: по разным данным, численность тюркского мира составляет порядка 160–165 миллионов, и Турция является крупнейшим из тюркских государств с численностью 60 миллионов представителей²¹⁵.

Проект представляется достаточно привлекательным, поскольку он может усилить влияние Турции в регионах, традиционно находящихся в зоне интересов Москвы. Другим преимуществом является богатство природных ресурсов, таких как газ, нефть, и других, в странах тюркской дуги. Помимо этого, в торговом плане Турция рассматривает данный регион как рынок сбыта собственных товаров. Поэтому Турция заинтересована, чтобы ее притязания в данном регионе реализовались в как можно большей степени.

Таким образом, пантюркизм во внешней политике Турции по отношению к тюркским странам СНГ переживает возрождение по мере того, как растут амбиции Турции на влияние в постсоветском мире, вызывая тревогу и озабоченность в Москве. Р. Эрдоган недвусмысленно дал понять о своей приверженности понятиям пантюркизма. Еще в 2019 году на седьмом саммите Тюркского совета в Баку, Азербайджан, он заявил, что: «Мы, как одна

²¹⁴ Мкртычан, А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе как глобальная проблема в современных международных отношениях // Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, 2003. С. 40.

²¹⁵ Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Международные отношения, 2013. №2. URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/neopantyurkizm-i-neoosmanizm-vo-vneshney-politike-turtsii> (дата обращения: 14.08.2023).

нация – шесть государств, станем еще сильнее»²¹⁶. Эти слова олицетворяли идеологию, которая стала основой взаимодействия с тюркскими государствами пространства СНГ.

Важным пунктом для критики внешнего курса Турции на пантюркизм является игнорирование России как государства с тюркскими меньшинствами. Согласно некоторым данным, в России проживает порядка 10 миллионов представителей тюркских народов²¹⁷, однако, Москве закрыт путь на членство в интеграционных тюркских сообществах, что говорит о том, что данный проект все-таки нацелен скорее не на объединение тюркских народов, а на реализацию геополитических амбиций Анкары. Так, Турция настояла на том, что лишь страны с тюркским большинством могут входить в Организацию Тюркских народов, что говорит о желании глубокой интеграции и работе над общим «сознанием», где идеи Турции, подкрепленные национальными чувствами, смогут находить поддержку. При этом Турция не игнорирует тюркские меньшинства, более того, работа в данном направлении также является одним из векторов современной пантюркистской повестки. Так, в рамках этой политики Анкара имеет в странах-соседях определенные группы, лоббирующие интересы Турции во властных структурах данных государств²¹⁸.

Важной геополитической победой Анкары стали последние события в Нагорном Карабахе. В начале октября 2020, после победы Баку в конфликте с Арменией, президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган высоко оценил «великую операцию Азербайджана как по защите собственных территорий, так и по освобождению оккупированного Карабаха». Турция поддерживает и будет поддерживать «дружественный и братский Азербайджан всеми нашими средствами и всем сердцем», заявил турецкий лидер²¹⁹. Особенно стоит

²¹⁶ Эрдоган: Мы, как одна нация – шесть государств, станем еще сильнее // APA, 2019. URL: <https://apa.az/public/index.php/ru> (дата обращения: 14.08.2023).

²¹⁷ Кобринский А. Пантюркизм как неоосманский проект // Независимая Газета, 2021. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2021-05-23/11_8154_asia.html (дата обращения: 14.08.2023).

²¹⁸ Егиазарян В. «Неопантюркизм - глобальный обзор»: турки Болгарии // DiplomatAM, 2013. URL: http://www.diplomat.am/load/public/turki_bulgarii/5-1-0-44 (дата обращения: 14.08.2023).

²¹⁹ Keddie P. What's Turkey's Role in Nagorno-Karabakh conflict? // AlJazeera, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2020/10/30/whats-turkeys-role-in-the-nagorno-karabakh-conflict> (дата обращения: 14.08.2023).

отметить, что Анкару не остановила даже негативная реакция западных стран, которые обвинили ее в том, что она усугубляет этот опасный конфликт.

Важнейшим фактором победы Азербайджана стала прокатившая поддержка Турции в данных боевых действиях. Хотя Турция всегда поддерживала претензии Азербайджана на спорные территории в регионе, она не играла значительной проактивной роли в поддержке Баку в его предыдущих конфликтах с Арменией. Военные связи между Турцией и Азербайджаном значительно укрепились за последние 10 лет, и Азербайджан, богатый природными ресурсами и с поддержкой Анкары, вложил значительные средства на достижение военного превосходства над своим гораздо более бедным соседом Арменией. Турция обучает офицеров азербайджанских вооруженных сил и стала третьим по величине поставщиком оружия в Азербайджан после Израиля и России.

Однако по мнению экспертов, «самая значительная поддержка, которую оказывает Турция, — это открытая риторическая и моральная поддержка», — заявил директор Немецкого фонда Маршалла в офисе США в Анкаре Озгур Унлухисарджикли²²⁰. Так, Турции удалось подтвердить свою роль наставника и защитника тюрksких братьев, который всегда протянет руку помощи в нужный момент. Она стала первой из крупных политических игроков, которая недвусмысленно показала свою поддержку одной из сторон армяно-азербайджанского конфликта, чем заявила о своей решительности и привлекла доверие других тюркских государств в Средней Азии. К тому же она «оспорила» роль России как традиционного геополитического лидера в регионе Южного Кавказа, показав свои амбиции.

Политика неопантюркизма в Средней Азии стала конкурентом российским и китайским интеграционным проектам региона, что вызывает опасения со стороны как России, так и Китая, но в большей степени России. Дальнейшая интеграция Турции и Средней Азии и Кавказа также может

²²⁰ Yalçınkaya H. Turkey's Overlooked Role in the Second Nagorno-Karabakh War // The German Marshall Fund of the United States, 2021. URL: <https://www.gmfus.org/news/turkeys-overlooked-role-second-nagorno-karabakh-war> (дата обращения: 14.08.2023).

затронуть как политические, так и экономические интересы Кремля. Возрождение сотрудничества между государствами в Организации Тюрksких Государств прямо противоречит цели России по созданию возглавляемой Москвой оси сотрудничества посредством военной и торговой интеграции между бывшими советскими государствами. Основными компонентами данной российской цели являются Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в которой активно участвует ряд государств Средней Азии.

Укрепление партнерства государств-членов Организации Тюрksких государств в военной и экономической сферах, несомненно, подрывает деятельность ОДКБ и ЕАЭС. Так, после армяно-азербайджанского военного конфликта 2020 Россия как лидер проекта ОДКБ потерпела стратегическое поражение в регионе СНГ, показав, что Москва не готова на радикальные шаги, в то время как Анкара продемонстрировала свою надежность как союзника и старшего брата членам Организации Тюрksких Государств. К тому же пантюркизм исторически сложился в противовес российской идеи панславизма, поэтому современный неопантюркизм имеет выраженный антироссийский характер²²¹. К тому же некоторые авторы рассматривают пантюркизм как агрессивную политическую повестку, целью которой является объединение Турции и Азербайджана (турок Восточного Закавказья) для завоевания Кавказа и обеспечения геостратегического выхода к Каспийскому морю и Центральной Азии, то есть в «большой тюркский мир». Таким образом, можно отметить, что приоритетной задачей Турции в данном направлении стало не внутреннее устройство «турецкого мира», а формирование внешнего направления, посредством которого можно достичь данной цели²²².

Другой важной концепцией внешней политики Анкары, применимой к кавказскому региону на постсоветском пространстве, является неоосманизм.

²²¹ Нифонтов, В. Турецкая рокировка // Спецназ России. М., 2007. №4 (127). С. 10.

²²² Терехов, Р. Влияние идеологии пантюркизма на внешнюю политику Османской Империи и Турецкой Республики в XX веке // Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2011. С. 30.

Данная идеология является популярной среди турецкого истэблишмента, и является теоретически проработанной - так, основы неоосманизма описаны в работе турецкого политика и бывшего министра иностранных дел А. Давутоглу «Стратегическая глубина». Целью неоосманизма является укрепление влияния на регионах, ранее являющимися часть Османской империи. Именно идеи неоосманизма легли в основу политической программы правящей партии ПСР и тесно связаны с именем Эрдогана. Так, в одном из своих заявлений он отметил, что «посредством неоосманизма он строит Великую Турцию»²²³. Поэтому, данная концепция имеет широкое применение во внешней политике страны.

Можно проследить влияние политики неоосманизма на Кавказе через ранее упомянутый армяно-азербайджанский конфликт 2020 года. Так, комментируя в своих речах о данных событиях, Эрдоган напрямую говорил о «турецкости» азербайджанского народа и о том, что защита Азербайджана подпадает под его определение возрождения турецкого величия времен Османской империи²²⁴. В рамках неоосманизма, одной из важных причин, по которой Турция начала вмешательство в этот конфликт, как и практически во все конфликты вблизи своих границ, является растущие амбиции к восстановлению места Турции в мировом порядке как сильной и влиятельной державы.

Хотя сегодня Эрдоган не может воссоздать империю, он хочет возродить былую славу и поставить Анкару в центр региональной геополитики. В данном контексте можно отметить, что Эрдоган дал понять о том, что он тоже хочет занимать место регулятора в данном конфликте, наравне с минской тройкой - Россией Францией и США. «Почему Турция встала на сторону Азербайджана? Вы знаете о минской тройке: США, Россия и Франция. На чьей они стороне? Они с Арменией. Оказывают ли они Армении всевозможную вооруженную поддержку? Да, это так...Мы будем присутствовать там, где

²²³ Vatandaş, A. Hungry for Power: Erdogan's Witch Hunt & Abuse of State Power // Blue Dome Press, 2015. P. 188.

²²⁴ Salman Rafi Sheikh. Erdogan's 'Neo-Ottomanism' Reaches the Caucasus // New Eastern Outlook, 2020. URL: <https://journal-neo.org/2020/10/29/erdogan-s-neo-ottomanism-reaches-the-caucasus/> (дата обращения: 20.08.2023).

существует угнетение», — сказал Эрдоган на одном из провинциальных съездов партии в 2020 году²²⁵.

Разумеется, что это лишь один из мотивов поддержки Азербайджана, призванный представить его более уязвимой с точки зрения справедливости стороной. Фактически же поддержка Армении (в противовес позициям Азербайджана) со стороны «минской тройки» в последние годы была крайне невысокой, что показало и моментальное решение «карабахского вопроса» в 2023-м г. Гораздо важнее, что в основе турецко-азербайджанского сближения в военно-политическом плане лежит все та же идеология пантюркизма, направленная на обеспечение прочного союза, призванного использовать ресурсы Азербайджана в регионе в интересах Анкары.

Еще до начала острой фазы конфликта Турция активно развивала свои военные связи с Азербайджаном, выводя их на новый уровень. Стоит напомнить, что военный экспорт Турции в Азербайджан вырос в шесть раз, а продажи беспилотников и другой военной техники непосредственно перед началом войны выросли до 77 миллионов долларов²²⁶. Опираясь на эти данные, можно выразить мнение о том, что роль Турции в данном конфликте может быть гораздо шире, чем кажется на первый взгляд, и направлена на подрыв стабильности в регионе для укрепления в нем собственного влияния.

Выводы. Таким образом, можно констатировать систематические усилия Турции по превращению во влиятельную региональную державу, опираясь на тюркские государства с использованием политики неопантюркизма и неоосманизма. Тюркские страны в постсоветском регионе являются особенно важными для Турции, поскольку на данном пространстве она может предложить проекты интеграции, альтернативные российским и китайским, опираясь на чувство общности, культурные и лингвистические связи. В рамках данных усилий Турция располагает рядом концепций внешней политики,

²²⁵ Эрдоган обвинил Россию, Францию и США в поставках вооружения Армении // Комсомольская правда, 2020. URL <https://www.kp.ru/online/news/4051204/> (дата обращения: 20.08.2023).

²²⁶ Salman Rafi Sheikh. Erdogan's 'Neo-Ottomanism' Reaches the Caucasus // New Eastern Outlook, 2020 URL: <https://journal-neo.org/2020/10/29/erdogan-s-neo-ottomanism-reaches-the-caucasus/> (дата обращения: 20.08.2023).

наиболее популярными из которых на сегодняшний день являются неопантюркизм и неоосманизм.

Турция претендует на роль идейного лидера на постсоветском пространстве. Для достижения этой цели она продвигает в сторону тюркских народов, населяющих, в том числе, территории Южного Кавказа, идеи «турецкого мира» в качестве концепции его видения и понимания в современных условиях. По мнению турецкой стороны, тюркский мир должен стать доминирующим фактором на всем евразийском пространстве. Для чего Анкара стремится к созданию Pax Ottomana, который должен сделать её не только великой, но и надрегиональной державой, активно продвигающей свои интересы.

Для реализации своей идеи Турция использует набор инструментов, которые можно охарактеризовать как мягкие и жесткие. Притом, хотя роль концепции мягкой силы во внешней политике Турции занимает важную роль, власти также не забывают о применении жесткой силы, что в целом позволяет эффективно комбинировать данные инструменты в достижении собственных целей. Более того, во внешней политике Турции преобладает использование именно «жестких» инструментов формирования «турецкого мира».

Наиболее ярко этот статус раскрывается в отношениях с Азербайджаном. Отношения между Турцией и Азербайджаном можно охарактеризовать как процесс объединения двух государств в единое пространство, где доминирует турецкая культура. Это проявляется во всех областях сотрудничества. Турецкая республика активно стремится усилить своё влияние на Баку, чтобы превратить его в ключевой центр «турецкого мира», подконтрольного Анкаре.

Глава 3. Политика Турции в регионе Южного Кавказа: цели, задачи и стратегия

3.1. Политика Турции по отношению к Азербайджану. Роль и место Азербайджана в контексте политики неоосманизма

Став в 1991 году суверенным государством, Азербайджан получил возможность самостоятельно осуществлять свою деятельность на международной арене, являясь активным геополитическим игроком. В свою очередь Турция как один из ближайших региональных соседей стала проявлять повышенный интерес к новообразованному государству на Южном Кавказе²²⁷.

Дипломатические отношения с Азербайджаном как с независимым государством Турция установила 14 января 1992 года, признав его независимость 9 ноября 1919 года²²⁸. Особо стоит отметить, что Турция первой в мире признала независимость Азербайджана. В том же 1992 году государства открыли свои посольства и консульства, установив дипломатические отношения. В настоящее время действует межпарламентская группа по двустороннему сотрудничеству. Кроме того, Турция и Азербайджан проводят совместную работу в Организации тюркских государств.

Уже с момента объявления Азербайджаном независимости отношения между двумя странами были теплыми, что предопределялось и личными чертами руководителей государств. Так, первый президент Азербайджана А. Эльчибей был известен своим пантюркизмом и стремлением развивать связи

²²⁷ Следует указать на тот факт, что еще в 1921 году по Карскому договору (договор о дружбе между Армянской, Азербайджанской и Грузинской ССР, с одной стороны, и Турцией - с другой; заключён при участии РСФСР 13 октября 1921 года) между Турцией и Азербайджанской ССР были установлены дипломатические отношения (см. История Азербайджана В 3 томах. - Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР, 1963. С. 276).

²²⁸ Мехтиев Э.. Дружба и братство Турции с Азербайджаном имеют глубокие исторические корни / Trend news agency [Электронный ресурс] . URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3284399.html> (дата обращения: 02.10.2023).

с Турцией как со «старшим партнером». Однако в 1993 году он был свергнут в результате государственного переворота. Пришедший ему на смену Г. Алиев проводил более прагматичную внешнюю политику, не ставя Турцию на первое место среди внешнеполитических приоритетов. Аналогичной политической линии с 2003 г. придерживается и его сын И. Алиев. Тем не менее, отношения с Турцией крайне активно развиваются.

В контексте политического сотрудничества двух стран важно учитывать тот факт, что Турция с позиции геополитики имеет мощные конкурентоспособные показатели, которые автоматически выводят ее на уровень осевого государства в отношении Южного Кавказа. Соответствующими императивами здесь могут стать, например, возможность обеспечения режима региональной безопасности, а также влияния на религиозно-этнические процессы. Последний особенно ценен и легко доступен относительно Азербайджана с учётом общих исламских ценностей и более давних этнических связей²²⁹ (по данным на 2021 год, в Турции проживало, по разным оценкам, около 3 млн этнических азербайджанцев в составе 86 млн общего населения страны²³⁰).

Как отмечает Ф. Атрасангари, внешняя политика Турции в регионе Южного Кавказа в настоящее время выстраивается в соответствии с теми принципами и нормами, которые могут быть как аналогичны формирующую ее в регионе, так и отличаться от них. Объяснить это можно понятиями идентичности и национальных интересов²³¹.

²²⁹ См. Махир Халифа-Заде. Иран и борьба за влияние на Южном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Т. 14. Вып. 1.; Kaplan R. The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate, Random House, 2012; Mankoff J. The Big Caucasus: Between Fragmentation and Integration. Washington, DC: CSIS, March 2012; The Geopolitics of Iran: Holding the Center of a Mountain Fortress. Stratfor

²³⁰ Порядка 10% населения современной Турции имеют связь с Северным Кавказом и Закавказьем. Приблизительная численность выходцев из северокавказского региона оценивается в 3–5 миллионов человек, азербайджанцев – 3 миллиона, грузин – 2–3 миллиона. Многие из них ведут активную общественную и лоббистскую деятельность, они представлены в армии, парламенте, медийных структурах, являются важным избирательным ресурсом. Среди наиболее влиятельных кавказских НПО мы можем назвать Азербайджанскую Ассоциацию дружбы (см. Сколько людей живет в Турции? / MIGRANTUMIR [Электронный ресурс]. URL: <https://migrantumir.com/naselenie-turcii-kto-prozhivaet-na-morskem-beregu/#close> (дата обращения: 02.10.2023)).

²³¹ Атрасангари Ф. Внешняя политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы / Вестник Российской Университета Дружбы Народов, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/23275/18003> (дата обращения: 02.10.2023).

В этой связи политологи З. Циаррас и Д. Харчауи указывают на тот факт, что новые ревизионистские черты внешней политики Турции включают в себя не только военные интервенции за рубежом (как, например, в Сирии), но и демографическую инженерию, политическое вмешательство, а также использование доверенных лиц для продвижения геополитических целей Анкары⁸⁴. Во всех этих отношениях Турция использовала и продолжает использовать страны Южного Кавказа (и Азербайджан в первую очередь) в качестве «испытательного полигона».

В последние три десятилетия стремление Турции участвовать в происходящих на Южном Кавказе и, в частности, в Азербайджане процессах было связано со следующими основными политическими опциями:

- изменение турецкого вектора влияния в регионе;
- попытки повлиять на ситуацию в Азербайджане;
- углубление связей с Арменией при взаимопонимании в подходе к проблеме Нагорного Карабаха;
- выстраивание прагматичных отношений с Россией в регионе.

Что касается последнего фактора, то, как отмечают В.Б. Белов и А.А. Языкова, Россия вынуждена была учитывать политику Турции, которая, начиная с 1990-х годов, активизировала свое присутствие на Южном Кавказе. При этом Турция укрепляла свои позиции, опираясь в первую очередь на этнически близкий Азербайджан, используя новые подходы к странам региона и фактор исторической близости, активно участвуя в поиске компромиссов относительно урегулирования местных конфликтов²³².

Исходя из ряда сложившихся факторов, определяющих геополитические интересы Турции в регионе, руководство страны вынуждено было устанавливать специфические линии политических и экономических подходов к трем локальным игрокам: Азербайджану, Грузии и Армении. В свою очередь, внешняя политика реагирования в закавказском регионе

²³² Белов В.Б., Языкова А.А. Региональное измерение Большой Европы. В кн.: Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под общ. ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: Весь мир, 2014. С. 619—637.

определялась преимущественно военным противостоянием Азербайджана и Армении по вопросу спорных территорий Нагорного Карабаха, а также нестабильной политической ситуацией в Грузии.

В частности, в ходе конфронтации вокруг Нагорного Карабаха, особенно во время Первой (1992-1994 гг.), «Четырехдневной» (2016 г.) и Второй (2020 г.) Карабахских войн, Турция неизменно поддерживала азербайджанскую сторону. В ноябре 2020 года министры обороны Турции и России достигли соглашения о формировании специального совместного центра, задачей которого являлся контроль за прекращением боевых действий на территории непризнанной республики²³³. По окончании войны Турция оказывала помощь Азербайджану по разминированию оставленных армянской армией территориях²³⁴.

Выступая на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2023 года, Р.Т. Эрдоган заявил: «Мы поддерживаем предпринятые Азербайджаном, с которым мы двигаемся под слоганом «один народ, два государства», шаги с целью защиты территориальной целостности»²³⁵. Таким образом, Турция в процессе разрешения Нагорно-Карабахского конфликта приняла самое непосредственное и активное дипломатическое (и косвенно – военное) участие на стороне Азербайджана²³⁶.

Однако, несмотря на определенное решение «карабахской проблемы», остается открытым вопрос «Зангезурского коридора» - проекта транспортного коридора через территорию Армении, необходимого для сообщения между

²³³ Россия и Турция договорились о создании центра по мониторингу в Карабахе / РИА Новости, 11 ноября 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20201111/karabakh-1584195437.html> (дата обращения: 02.10.2023).

²³⁴ Турецкие военные саперы прибыли в Азербайджан / Официальный сайт Министерства обороны Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://mod.gov.az/ru/news/tureckie-voennye-sapery-pribyli-v-azerbajdzhan-33920.html> (дата обращения: 02.10.2023).

²³⁵ Анкара поддержала операцию Баку в Карабахе / РИА Новости, 19 сентября 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230919/karabakh-1897383411.html> (дата обращения: 03.10.2023).

²³⁶ 19-20 сентября 2023 года вооружённые силы Азербайджана провели военную операцию против Нагорно-Карабахской Республики. Азербайджан за сутки добился полного контроля над Нагорно-Карабахской Республикой. 28 сентября 2023 года глава Нагорного Карабаха С. Шахраманян подписал указ о прекращении существования Нагорно-Карабахской Республики с 1 января 2024 года(см. Глава Карабаха подписал указ о прекращении существования республики / РБК, 28 сентября 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/09/2023/65151c419a79477ea819223d> (дата обращения: 03.10.2023)).

Азербайджаном и Нахичеванью. Турецкая сторона настаивает на том, что эту проблему необходимо решать незамедлительно, оказывая давление на Армению. В этом вопросе Турцию и Азербайджан поддерживает Евросоюз, заинтересованный в транспортном сообщении со странами Центральной Азии, минуя Россию и Иран²³⁷.

В июле 2021 года Турция, Азербайджан и Пакистан подписали Бакинскую декларацию. Документ, в частности, предусматривает межпарламентское сотрудничество трех стран и позволит совместно отстаивать интересы своей безопасности в глобальном масштабе²³⁸.

Как отмечается на сайте Министерства иностранных дел Турецкой Республики, отношения Турции с Азербайджаном являются многоплановыми и стратегическими. Интенсивные взаимные визиты на высшем уровне являются важнейшей движущей силой отношений. Устоявшейся традицией является то, что государственные чиновники обеих стран посещают другую страну в приоритетном порядке после вступления в должность или после событий, имеющих символическое значение²³⁹.

Помимо регионального фактора, в процессе развития политического сотрудничества двух стран присутствует и комплекс иных причин (в том числе, идеологических). Необходимость многопланового взаимодействия Турции с Азербайджаном продиктована рядом соображений. Во-первых, это значимость поставок энергоресурсов из Азербайджана для обеспечения энергетической безопасности Турции. Азербайджан является ключевым поставщиком природного газа для Турции и важным транзитным маршрутом для доставки газа в Европу. Поставки из Азербайджана позволяют диверсифицировать источники энергоресурсов и снизить зависимость Турции

²³⁷ Переварив Карабах, азербайджано-турецкий tandem пойдет на Зангезур / EAD, 1 октября 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2023/10/01/perevariv-karabah-azerbaydzhano-tureckiy-tandem-poydet-na-zangezur-tyrkolog> (дата обращения: 03.10.2023).

²³⁸ Турция, Азербайджан и Пакистан подписали Бакинскую декларацию / EurAsia Daily. 27 июля 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/07/27/turciya-azerbaydzhan-i-pakistan-podpisali-bakinskuyu-deklaraciyu> (дата обращения: 02.10.2023).

²³⁹ Türkiye - Azerbaycan Siyasi İlişkileri / Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Resmi site [Electronic source]. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-azerbaycan-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (accessed: 04.10.2023).

от России и других стран. Во-вторых, это значимость Азербайджана для укрепления политических и военно-стратегических позиций Турции. Заинтересованность в сотрудничестве в области обороны продиктована желанием Турции укреплять свои позиции как важного игрока в региональной безопасности. Для Анкары также важны союзники, поддерживающие Турцию в международных организациях и на дипломатической арене. В-третьих, Азербайджан представляет особый интерес для Турции как посредник в отношениях с тюркоязычными государствами и в Каспийском регионе. Это сотрудничество позволяет Турции расширять свое влияние и укреплять связи с другими тюркоязычными странами.

Азербайджан занимает особое место в системе турецких внешнеполитических приоритетов. Связь между двумя странами выходит далеко за рамки обычного партнёрства: её питают этническое родство, языковая близость и совпадение стратегических интересов. Не случайно в экспертном дискурсе обеих стран утвердилась формула «одна нация, два государства».

После распада Советского Союза Анкара сделала ставку на сближение с тюркоязычным миром, и Баку откликнулся на это с наибольшей готовностью. Прочность двусторонних связей обеспечивается не только взаимопониманием на правительственном уровне, но и глубоким переплетением обществ. Значительная часть турецких граждан имеет азербайджанские корни, число смешанных браков неуклонно растёт. Этнически два народа практически неразличимы. Даже конфессиональный фактор, который мог бы стать разделительной линией между суннитской Турцией и преимущественно шиитским Азербайджаном, на практике не создаёт серьёзных барьеров и постепенно утрачивает значение.

Азербайджан заинтересован в развитии отношений с Турцией, поскольку это позволяет активнее отстаивать свои интересы, ориентируясь на помощь союзника. Так, Турция активно поддерживает позицию Азербайджана в Нагорно-Карабахском конфликте, а также в других вопросах региональной

безопасности (например, когда возникла напряженность между Азербайджаном и Ираном)²⁴⁰. В свою очередь, Азербайджан поддерживает инициативы Турции в рамках реализации пантюркистской внешней политики: ярким примером здесь являются саммиты глав тюркоязычных государств, которые неоднозначно воспринимаются в государствах Центральной Азии²⁴¹.

С августа 2010 года азербайджано-турецкие отношения вышли на качественно новый уровень. В рамках визита президента Турции Абдуллаха Гюля в Азербайджан было подписано соглашение «О стратегическом партнерстве и взаимопомощи между Азербайджанской Республикой и Турецкой республикой»²⁴². Согласно этому договору обе стороны обязуются, используя все возможности, оказать взаимное содействие в случае вооруженного нападения или агрессии в отношении друг друга. Документ также предусматривает взаимодействие в военно-технической сфере и регулярное проведение совместных военных учений. Договор был заключен на 10 лет с автоматическим продлением, если ни одна из сторон не пожелает его пересмотреть или расторгнуть²⁴³.

Подписание азербайджано-турецкого договора совпало по времени с продлением российско-армянского договора о российской базе на территории Армении²⁴⁴. В сентябре 2010 года Азербайджан и Турция в соответствии с указанным договором создали Совет стратегического сотрудничества высшего уровня; в октябре 2011 года в турецком Измире состоялась первая встреча в раках Совета; дальнейшие встречи было принято проводить на регулярной основе.

²⁴⁰ Sasztowt K. Iran, Turkey and Azerbaijan: Heading Towards a Regional Crisis? // PISM. 2012. № 35.

²⁴¹ Нуриева К. А. Роль саммитов глав тюркоязычных государств в формировании концепции тюркского единения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №7. С. 35.

²⁴² Аватков В.А. Указ. соч.

²⁴³ Азербайджано-турецкий военный договор свидетельствует о растущей неудовлетворенности переговорами при посредничестве Минской группы – Аналитики [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://russian.eurasianet.org/node/58511> (дата обращения: 28.08.2023)

²⁴⁴ Медведев прибыл в Ереван продлить договор о военной базе [Электронный ресурс] // Режим доступа https://www.bbc.com/russian/international/2010/08/100819_armenia_russia_military_base (дата обращения: 28.08.2023)

В декабре 2012 года Россия прекратила эксплуатацию Габалинской радиолокационной станции в Азербайджане – стороны не пришли к согласию касательно стоимости аренды. Это был последний российский военный объект на территории Азербайджана, и его ликвидация отвечала интересам Анкары. Таким образом, началось постепенное смещение России от роли посредника в карабахской проблеме к поддержке одной из сторон конфликта. Тем не менее, на 2013 год азербайджанские вооруженные силы были на 80% укомплектованы советским и российским вооружением (авиация, бронетехника и артиллерия), а турецкого производства была часть стрелкового оружия (пистолеты и снайперские винтовки) и некоторые сторожевые катера²⁴⁵.

Если рассматривать непосредственно военно-стратегическое сотрудничество, то в данной сфере Турция также является одним из основных партнёров Азербайджана. С января 1992 года действует соответствующий договор, позволяющий Азербайджану через Турцию как государство-член НАТО сотрудничать с блоком. За более чем три десятилетия между сторонами был подписан большой перечень соглашений и протоколов, способствующих развитию их взаимодействия в военной сфере. Основополагающим принципом здесь стало удовлетворение потребностей азербайджанской армии в подготовке офицеров, совместные военные учения и сотрудничество в оборонной сфере. Вершиной развития союзнических отношений стала Шушинская декларация 2021 года²⁴⁶. По мнению военных экспертов, такое многолетнее сотрудничество к декабрю 2022 года привело фактически к слиянию вооруженных сил государств. Во всяком случае, Турция поддержала

²⁴⁵ Парубочая Е.Ф. Сотрудничество Турции и Азербайджана в военной сфере в XX-XXI вв // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 6 (36) С. 24–37.

²⁴⁶ Azerbaijan-Türkiye Military Relations in the Shadow of the Negotiations with Armenia / MDC [Electronic source]. URL: <https://dayan.org/content/azerbaijan-turkiye-military-relations-shadow-negotiations-armenia> (accessed: 04.10.2023).

организацию, модернизацию и военное образование армии Азербайджана по стандартам НАТО²⁴⁷.

15 июня 2021 года президенты двух стран приняли упомянутую выше совместную декларацию о союзнических отношениях, определяющую дорожную карту дальнейшего взаимодействия. Декларация охватывает все направления сотрудничества между сторонами, включая обязательства по обороне²⁴⁸.

По мнению турецкой стороны, в период обретения независимости Азербайджан нуждался в поддержке Турции, чтобы преодолеть трудности, с которыми он столкнется как новая и молодая страна. Были все основания для того для того, чтобы отношения между двумя региональными соседями успешно развивались, поскольку два народа и государства видели друг в друге «братьев и хороших друзей». В то же время Турция препятствовала развитию двусторонних отношений между Азербайджаном, Арменией, Россией и Ираном, имеющих интересы как в регионе Южного Кавказа в целом, так и непосредственно в Азербайджане²⁴⁹.

Эти и другие факторы определили активность Турции в области выстраивания экономического сотрудничества с Азербайджаном. Турция и Азербайджан заключили множество соглашений, которые предусматривают сотрудничество практически во всех секторах экономики, причем приоритетным здесь традиционно является энергетика. Так, уже в 2004-2006 годах был построен и введен в эксплуатацию южнокавказский газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум, в 2019 году завершено строительство Трансанатолийского газопровода (ТАНАР) до границы Греции, продолжением которого стал Трансадриатический газопровод (ТАР) через

²⁴⁷ Military relations between Turkey and Azerbaijan / Strategic Outlook HABER [Electronic source]. URL: <https://web.archive.org/web/20130921060425/http://www.strategicoutlook.org/publications/news-military-relations-of-turkey-and-azerbaijan.html> (accessed: 02.10.2023).

²⁴⁸ Erdogan ve Aliyev 'Şuşa Beyannamesi'ne imza attı / TRT HABER [Electronic source]. URL: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/erdogan-ve-aliyev-susa-beyannamesine-imza-atti-588635.html> (accessed: 02.10.2023).

²⁴⁹ TÜRKİYE'NİN KARDEŞ ÜLKELERİ TANIMASININ / AVİM [Electronic source]. URL: <https://www.haberturk.com/ata-ittifaki-nin-cumhurbaskani-adayi-aciklandi-sinan-organ-zafer-partisi-genel-baskani-umit-ozdag-acikladi-3572777> (accessed: 04.10.2023).

Албанию и Адриатику до юга Италии, введенный в эксплуатацию в ноябре 2020 года²⁵⁰. Также в 1998-2005 годах был построен и запущен нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, поставляющий нефть на европейский рынок.

Несмотря на относительно небольшие объемы, азербайджанские нефть и газ, поставляемые через Турцию, имеют и политическое значение, т.к. показывают возможность диверсификации европейского углеводородного рынка и снижения его зависимости от российских поставщиков²⁵¹. К тому же имеется потенциал для наращивания объемов энергоносителей – через подключение к проектам других государств: Туркмении, Ирана, Ирака, Катара. После завершения все реализуемые энергетические проекты позволят улучшить транзит газа из Каспийского моря на рынки Европы – через Грузию, Турцию, Албанию, Грецию и Италию. Уменьшая зависимость Европы от российского природного газа (что отвечает приоритетам ЕС в современных условиях) эти трубопроводы в ближайшей перспективе могут превратят Турцию в «энергетический хаб» и крупного участника обменов энергоресурсами между Европой и Каспийским бассейном²⁵².

Особо интенсивными меры по налаживанию экономических связей стали после российско-грузинского вооруженного конфликта в Южной Осетии 2008 года, что в целом повлияло на дипломатический фокус Турции на Южном Кавказе. Причиной тому, в частности, стало не только необходимость развития экономических связей и энергетических сетей, но и стремление к сбалансированности присутствия в регионе с Россией. Не стоит забывать, что обладание не только России, но и Азербайджана нефтеносными ресурсами делает их на мировом рынке более конкурентами, чем партнерами²⁵³. Турция в своей внешнеэкономической политике относительно Азербайджана, безусловно, учитывает данный факт.

²⁵⁰ Гегелашвили Н.А. Страны Закавказья в политике Турции и США//США и Канада: экономика, политика, культура 2020. №10. С. 45-59

²⁵¹ Там же.

²⁵² Winrow G. The Southern Gas Corridor and Turkey's Role as an Energy Transit State and Energy Hub // Insight Turkey. 2013. №1 (15). Р. 351.

²⁵³ Озен М.А. Стратегические интересы Запада, России, Турции, Ирана на Южном Кавказе в начале XXI в // Мировая политика. 2018. № 3. С. 74 - 87.

Так, в 2010 году Турция и Азербайджан согласовали пакет по газовому месторождению Шах-Дениз, обеспечивающее также поставки по европейскому газопроводу «Набукко». Параллельно сторонами был создан Совет стратегического сотрудничества и принято Соглашение о стратегическом партнёрстве и взаимопомощи. В 2020 году стороны подписали Меморандум о взаимопонимании по поставкам природного газа в Нахичевань²⁵⁴.

В 2021 году стороны заключили новый контракт – «Шах-Дениз2». В 2022 году по этому контракту по трубопроводу ТАНАР поставлено 2,5 млрд³, на 2023 год запланировано 3,5 млрд³ газа. Минстр энергетики Азербайджана П. Шахбазов сообщил, что, что, не смотря на увеличение объема поставок углеродных энергоресурсов из Азербайджана, Баку планирует снижать углеродный потенциал. В связи с этим на освобожденной карабахской территории страна будут запускать ВИЭ-генерацию. Это позволит Турции получать из Азербайджана большие объемы газа²⁵⁵.

В апреле 2023 года министром энергетики Турции Ф. Домезом заявлено о планах совместной с Азербайджаном поставки газа в Европу: «Азербайджан – страна с большими инвестициями в Турцию. Их национальная компания SOCAR (Госнефтекомпания) также является одним из крупнейших инвесторов в Турции. Это сотрудничество начнет осуществляться и в 3-й стране. Будут новые виды сотрудничества. BOTAS и SOCAR (Госкомпании Турции и Азербайджана) создали новую компанию. Мы будем поставлять газ в Европу. Мы заявили, что станем центром торговли газом. Азербайджан также поддерживает это. Балканские страны требуют газ от нас и Азербайджана. В этом вопросе мы будем действовать совместно»²⁵⁶.

²⁵⁴ Азербайджан подписал меморандум о взаимопонимании с Турцией по поставкам природного газа в Нахчыван / REPORT, 15 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://report.az/ru/energetika/azerbajdzhan-podpisal-memorandum-o-vzaimoponimani-s-turciej-po-postavkam-prirodnogo-gaza-v-nahchyvan/> (дата обращения: 04.10.2023).

²⁵⁵ Турция договорилась с Азербайджаном по газу / Коммерсантъ, 14 октября 2021 [Electronic source]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5030921> (accessed: 04.10.2023).

²⁵⁶ Турция планирует поставлять газ в Европу вместе с Азербайджаном / РИА Новости, 8 апреля 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230408/gaz-1863942197.html> (дата обращения: 04.10.2023).

Недавно в турецких водах Черного моря разведано крупное месторождение газа, хотя даже в часть внутреннего потребления его выведут нескоро. Поэтому Турция на текущем этапе остается основным импортером Каспийского газа. При этом Турция, получая газ из Азербайджана, имеет возможность реэкспортировать его в некоторые страны Европы (Румыния, Болгария, Венгрия, Греция, Молдавия)²⁵⁷.

По сообщению Bloomberg, Турция участвует в таких совместных с Азербайджаном инфраструктурных проектах, как трубопровод Баку–Тбилиси–Джейхан, Южно-Кавказский трубопровод и Трансанатолийский газопровод²⁵⁸. По мнению экспертов, в комбинации Анкары и Баку в энергетической сфере на сегодняшний день ведущую роль играют такие факторы, как «сложившаяся международная конъюнктура в связи с украинским кризисом, символы и время». Конъюнктура состоит в том, что партнеры специфически отнеслись к призывам западных коллег увеличить поставки нефти и газа на мировой рынок²⁵⁹.

В 2022 году Турция поставила азербайджанской стороне товаров почти на \$2,5 млрд, импортировав при этом более чем на \$3,5 млрд. При этом из Азербайджана в Турцию осуществлен ненефтяной экспорт на сумму в \$800 млн, а Турции в Азербайджан - \$2,8 млрд. Общий товарооборот составил около \$6 млрд²⁶⁰. При этом, если Турция получает энергоресурсы и завозит из Азербайджана в основном цветные металлы, удобрения и хлопчатобумажные изделия, то в Азербайджан из Турции поступают машинное оборудование,

²⁵⁷ Турция налаживает перепродажу азербайджанского газа EAD, 29 сентября 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily-com.turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2023/09/29/turciya-nalazhivaet-pereprodazhhu-azerbaydzhanskogo-gaza-moldaviya-v-pervyh-ryadah> (дата обращения: 04.10.2023).

²⁵⁸ Socar to Ship Caspian Natural Gas to EU Using Own Pipelines / Bloomberg Businessweek News From Bloomberg HABER [Electronic source]. URL: <https://archive.ph/20120904203051/http://www.businessweek.com/news/2011-12-28/socar-to-ship-caspian-natural-gas-to-eu-using-own-pipelines.html> (accessed: 02.10.2023).

²⁵⁹ Кто разворачивает Баку и Анкару в сторону Запада? / Регnum 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/article/3532639> (дата обращения: 04.10.2023).

²⁶⁰ Azərbaycan Respublikası Xarici Ticarətinin Gömrük Statistikası Hesabat dövrü: 01.01.2022 – 31.12.2022 [Electronic source]. URL: https://customs.gov.az/uploads/foreign/2022/2022_12.pdf?v=1674644815 (accessed: 03.10.2023).

бытовая техника, электроинструменты, железо, сталь, медицинские и фармацевтические изделия, мебель, одежда, золото, ювелирные украшения²⁶¹.

За последние два с половиной десятилетия Турция увеличила экспорт в Азербайджан в годовом исчислении на 10,9%, со \$161 млн в 1995 году до \$2,37 млрд в 2022 году. За тот же период экспорт Азербайджана в Турцию вырос в годовом исчислении на 20,8%, с \$20,8 млн до \$2,83 млрд²⁶².

В июле 2023 года на встрече азербайджанской делегации с министром торговли Турции О. Болатом обсуждались вопросы расширения экономического сотрудничества двух стран: реализация преференциальной торговли; деятельность турецких компаний на территориях НКР, освобожденных от армянской армии; взаимодействие в сферах транспорта, систем стандартизации и технического регулирования, туризма²⁶³.

В июле 2021 года Турция, Азербайджан и Пакистан подписали Бакинскую декларацию. Документ, в частности, предусматривает межпарламентское сотрудничество трех стран и позволит совместно отстаивать интересы своей безопасности в глобальном масштабе²⁶⁴.

Как отмечается на сайте Министерства иностранных дел Турецкой Республики, отношения Турции с Азербайджаном являются многоплановыми и стратегическими. Интенсивные взаимные визиты на высшем уровне являются важнейшей движущей силой отношений. Устоявшейся традицией является то, что государственные чиновники обеих стран посещают другую

²⁶¹ Внешняя торговля Азербайджана 2022 / Статистический Комитет АР Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20230218082815/https://customs.gov.az/uploads/foreign/2022/2022_12.pdf?v=1674644815 (дата обращения: 03.10.2023).

²⁶² Turkey – Azerbaijan / OEC [Electronic source]. URL: [https://oec.world/en/profile/bilateral-country/tur/partner/aze#:~:text=Comparison%20In%202021%2C%20Turkey%20ranked,total%20exports%20\(%2422.8B\)](https://oec.world/en/profile/bilateral-country/tur/partner/aze#:~:text=Comparison%20In%202021%2C%20Turkey%20ranked,total%20exports%20(%2422.8B).). (accessed: 04.10.2023).

²⁶³ Микаил Джаббаров продвигает экономическое сотрудничество между Азербайджаном и Турцией / Day.Az, 27 июля 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.day.az/economy/1584644.html> (дата обращения: 03.10.2023).

²⁶⁴ Турция, Азербайджан и Пакистан подписали Бакинскую декларацию / EurAsia Daily. 27 июля 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/07/27/turciya-azerbaydzhan-i-pakistan-podpisali-bakinskuyu-deklaraciyu> (дата обращения: 02.10.2023).

страну в приоритетном порядке после вступления в должность или после событий, имеющих символическое значение²⁶⁵.

В силу религиозной культурной и языковой близости между турками и азербайджанцами последние тесно интернированы в турецкое общество²⁶⁶(впрочем, имеются определенные различия между течениями исламского вероисповедания: азербайджанцы в основном шииты, турки - сунниты).

Указанный фактор, по мнению В.А. Аваткова, изначально позволил Турции стать основным партнером Азербайджана среди стран Южного Кавказа, и на протяжении новой истории Анкара остается надежным союзником Баку по сохранению и упрочению независимости и территориальной целостности²⁶⁷.

Историческая, этническая и религиозная близость народов Турции и Азербайджана обеспечивает основу для активного сотрудничества в социальной и культурной сфере. Рассматривая социальный аспект сотрудничества между Турцией и Азербайджаном важно обратить внимание, что экономическое взаимодействие Турции и Азербайджана неуклонно развивается не только в энергетике, но и в таких секторах, как транспорт, машиностроение, легкая промышленность, здравоохранение, образование. Относительно последнего направления отметим, что взаимодействие Турции и Азербайджана в сфере образования и воспитания молодежи активно развивается; регулярно между странами происходит обмен учащимися и

²⁶⁵ Türkiye - Azerbaycan Siyasi İlişkileri / Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Resmi site [Electronic source]. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-azerbaycan-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (accessed: 04.10.2023).

²⁶⁶ Примечательно, что в 2011 году С. Оган, азербайджанец по национальности и активист диаспоры из Ыгдыра, получил место в парламенте Турции, а на выборах 2023 года являлся кандидатом в президенты Турции от альянса АТА (правый избирательный альянс – «Альянс предков» (Ata İttifakı) (см. Ata İttifakı'nın Cumhurbaşkanı adayı Sinan Oğan oldu / Gündem. Giriş: 11.03.2023 [Electronic source]. URL: <https://www.haberturk.com/ata-ittifaki-nin-cumhurbaskani-adayi-aciklandi-sinan-ogan-zafer-partisi-genel-baskani-umit-ozdag-acikladi-3572777> (accessed: 02.10.2023).

²⁶⁷ Аватков В.А. Внешнеполитическая линия Турецкой Республики в отношении стран Закавказья в контексте внешнеполитической идеологии Турции // ЕЖЕГОДНИК ИМИ. 2014. Вып. 2 (8). С. 16.

студентами. Так, в 2021 году в Турции обучались 25 тысяч азербайджанских студентов; в Азербайджане - 3 тысячи турецких²⁶⁸.

Также развивается сотрудничество в области медицины. Планируется запуск совместного фармацевтического завода, но уже сейчас в Азербайджане прошли государственную регистрацию более тысячи лекарственных средств, произведенных в Турции. При этом подавляющее большинство медицинского оборудования и инструментов в азербайджанских медицинских заведениях - турецкого производства²⁶⁹.

Для упрощения взаимодействия в социальной сфере, развития контактов между населением и туризма в декабре 2020 года был подписан специальный визовый Протокол, в соответствии с которым граждане Турции и Азербайджана могут совершать поездки в обе стороны как по как по дипломатическим и служебным, так и по внутренним паспортам, без виз. Срок безвизового пребывания на территории Турции – 3 месяца²⁷⁰. В настоящее время для взаимных поездок между двумя странами возможно использование только авиалиний. Однако планируется запустить пассажирские перевозки и по железной дороге Баку - Тбилиси – Карс. Кроме того, ведется строительство железной дороги Горадиз - Агбенд, в дальнейшем предоставляющая возможность установить прямое сообщение между собственно Азербайджаном и Нахичеванским эксклавом через Армению. Это, в свою очередь, откроет выход на Турцию²⁷¹.

Обобщим все вышеизложенное, представив отношения Турции и Азербайджана в виде матрицы (см. Таблицу 2).

²⁶⁸ Названо число обучающихся в Турции азербайджанских студентов / Day.Az, 18 декабря 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.day.az/society/1417229.html> (дата обращения: 02.10.2023).

²⁶⁹ В Баку анонсированы завершение пандемии и запуск спецпортала для выезжающих на лечение в Турцию / Vesti.Az, 22 сентября 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti.az/socium/v-baku-anonsirovany-zaversenie-pandemii-i-zapusk-specportala-dlya-vyezzayushhix-na-lecenie-v-turciyu-472568> (дата обращения: 03.10.2023).

²⁷⁰ Dışişleri: Kimlik kartıyla Azerbaycan'a gidilebilecek / Sputnik Turkiye [Electronic source]. URL: <https://sputniknews.com.tr/20201211/disisleri-kimlik-kartiyla-azerbaycana-gidebilecek-1043382060.html> (accessed: 04.10.2023).

²⁷¹ Азербайджан и Турция перешли на взаимные поездки граждан по внутренним паспортам / ТАСС, 1 апреля 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11044691> (дата обращения: 03.10.2023).

Таблица 2. Матрица турецко-азербайджанских отношений

	1991-2002	2002-2020	2020-настоящее время
Политическое взаимодействие	Установление дипотношений; формирование базы сотрудничества; поддержка независимости	Углубление стратегического партнерства; формирование Совета сотрудничества высокого уровня	Шушинская декларация; полноформатный военно-политический союз
Экономическое сотрудничество	Начало торговых отношений; первые инвестиционные проекты	Рост товарооборота; создание зоны свободной торговли; увеличение турецких инвестиций	Достижение товарооборота в \$6 млрд; реализация новых совместных проектов
Военно-техническое сотрудничество	Подготовка военных кадров; поставки стрелкового оружия	Модернизация армии по стандартам НАТО; совместные учения	Поставки современного вооружения; интеграция военных структур
Энергетические проекты	Планирование нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан	Запуск БТД; строительство газопровода ТАНАР	Расширение газовых поставок; создание энергетического хаба
Культурно-гуманитарные связи	Образовательные обмены; культурные мероприятия	Расширение образовательных программ; рост туризма	Безвизовый режим; интеграция образовательных систем
Совместные региональные инициативы	Участие в ОЧЭС; создание тюркских организаций	Развитие трехстороннего формата с Грузией	Продвижение концепции «Среднего коридора»; формат с Пакистаном

Матрица демонстрирует эволюцию двусторонних отношений через три ключевых периода: становление (1991-2002), развитие (2002-2020) и стратегическое партнерство (с 2020). По каждому направлению сотрудничества прослеживается устойчивая динамика углубления интеграции, что отражает статус Азербайджана как приоритетного партнера Турции в регионе.

Выводы. Благодаря культурно-исторической общности, а также общим исламским ценностям и этническим связям Азербайджан является для Турции наиболее привлекательной страной региона в контексте реализации политики неоосманизма. Турция и Азербайджан активно взаимодействуют не только на государственном уровне, но и на уровне общества. В силу религиозной культурной и языковой близости между турками и азербайджанцами последние тесно интернированы в турецкое общество. Это открывает широкие

перспективы для диалога во всех сферах, а также для реализации политики мягкой силы по продвижению идей единства тюркского мира.

Близость и дружественные отношения с Азербайджаном открывают для Турции и другую возможность: использовать симпатизирующий ценностям Турции Азербайджан как своеобразный «испытательный полигон» для совершенствования инструментов политики неоосманизма, параллельно усиливая свои позиции за счет сотрудничества.

То, что в рамках региона Южного Кавказа Турция делает значимую ставку именно на Азербайджан подтверждается, в частности, тем фактом, что Турция неизменно и решительно отстаивала позицию Азербайджана относительно Нагорного Карабаха.

Значимость сотрудничества с Азербайджаном, помимо исторических и культурно-религиозных предпосылок, делающих его важнейшим союзником в рамках политики неоосманизма определяется также экономической целесообразностью. Это обусловленного богатыми природными ресурсами Азербайджана и Каспийского моря. Более того, возможность доступа к каспийской нефти для Турции это как расширение собственного энергетического сектора, так и открытие доступа к прямым инвестициям в перспективные нефтяные месторождения в ближайшем регионе. На значение сотрудничества в энергетической сфере влияет и тот факт, что Азербайджан с его природными ресурсами в определенном смысле выступает конкурентом России на мировом рынке. Укрепляя связи с Азербайджаном, Турция, таким образом, укрепляет свою энергетическую безопасность и geopolитические позиции.

Экономическое и социальное сотрудничество государств в целом неуклонно развивается не только в энергетике, но и в таких секторах, как транспорт, машиностроение, легкая промышленность, фармацевтика, здравоохранение, образование. Особо следует отметить военное сотрудничество сторон: Турция всемерно поддерживает Азербайджан по вопросу его вступления в НАТО, помогая привести вооруженные силы

Азербайджана к соответствующим стандартам. На высоком уровне находятся также культурно-религиозные связи.

Таким образом, взаимоотношения Турции и Азербайджана на современном этапе можно охарактеризовать как взаимовыгодные двусторонние отношения и стратегическое партнерство.

Однако, присутствуют и некоторые трудности в развитии отношений государств. Интересы Турции в Азербайджане зачастую вступают в противоречие с интересами России и западных акторов. В связи с этим, в перспективе предстоит решить ряд проблемных вопросов не только с ними, но и с соседями по закавказскому региону, остающихся актуальными после упразднения Нагорного Карабаха, а также связанных с развитием старых и созданием новых транспортных и энергетических коридоров.

3.2. Политика Турции по отношению к Грузии: некоторые формы и направления реализации политики неоосманизма

На протяжении истории Грузия всегда представляла для Турции особый интерес. Ее стратегическое значение для Турции в регионе ученые, такие, например, как А. Аршев, объясняют «комплексом политических, экономических, культурно-исторических и этнических факторов»²⁷².

Таким образом, в процессе реализации своей внешней политики на Южном Кавказе особое внимание Турция уделяет не только Азербайджану, но и Грузии, которая является не только транзитной территорией в региональных транспортных и энергетических проектах, но и играет значимую роль связующего звена между Турцией и тюрко-язычным миром.

Остановимся на ключевых факторах, определяющих необходимость сотрудничества с Грузией для Турции. Изначально это было обусловлено географическим положением Грузии, которая на сегодняшний день служит для Турции единственным доступным сухопутным путем в Азербайджан и тюрко-язычные страны. Помимо этого, расположение Грузии делает ее важным транзитным коридором для транспортировки энергоресурсов из Каспийского региона в Европу. Это особенно актуально для Турции, стремящейся уменьшить зависимость от российских энергетических поставок и укрепить свои позиции как энергетического хаба.

Также в условиях напряженных отношений Армении и Азербайджана, Грузия представляет собой важного партнера Турции в рамках ее намерений по урегулированию ситуации в Нагорном Карабахе и обеспечения стабильности в Южном Кавказе.

Реализация Анкарой своей внешней политики в регионе затрагивает интересы национальной безопасности России и ее политику в отношении государств Закавказья. В связи с этим Турцией, согласно «турецкой модели»

²⁷² Areshev A. Turkey's policies in the Southern Caucasus and regional security mechanisms. TurkishRussian academics: A historical study on the Caucasus (4). 2016. P. 7-21.

был сделан акцент на формировании из территории Грузии надежной буферной зоны и прочного плацдарма.

Развитию отношений Турции и Грузии способствует наличие общих интересов по стабилизации ситуации в регионе для полноценного использования его потенциала. Грузия стремится к интеграции в евроатлантические структуры, и поэтому заинтересована в поддержке со стороны Турции. Это сотрудничество помогает Грузии укрепить свои позиции на международной арене и способствует формированию более стабильной внешнеполитической среды для Турции. Грузия также заинтересована в тесном сотрудничестве с Турцией, чтобы обеспечить наличие важного регионального союзника для снижения влияния на страну России.

Турция и Грузия имеют общие культурные и исторические корни, что, в частности, позволяет Турции довольно эффективно использовать «мягкую силу» для продвижения своей культуры и языка в Грузии. Это, в свою очередь, способствует углублению взаимопонимания и сотрудничества народов.

Турки и грузины имеют длительную историю взаимного сосуществования, осложненную несколькими конфликтами. Османская империя долгое время доминировала на части нынешней территории Грузии, в частности в провинции Аджария, которая была исламизирована в 16 веке. Несмотря на сложное общее прошлое, обретение Грузией независимости в 1991 году позволило наладить хорошие отношения между Анкарой и Тбилиси.

После распада Советского Союза Турция первая в мире признала независимость Грузии 16 декабря 1991 года, дипломатические отношения между государствами были установлены лишь 21 мая 1992 года²⁷³. На сегодняшний день Турция имеет генеральное консульство в Батуми; Грузия - два генеральных консульства в Стамбуле и Трабзоне. Страны развивают сотрудничество в таких областях, как экономика, транспорт, энергетика, культура, образование, а также в сфере региональной безопасности.

²⁷³ Szporluk R. National identity and ethnicity in Russia and the New States of Eurasia. New York, 1994. P. 287; Ekedahl M. C., Goodman A. M. The wars of Eduard Shevardnadze / M. C. Ekedahl, A. M. Goodman. Pennsylvania, 1997. P. 257.

30 июля 1992 года стороны подписали рамочный договор о «Дружбе и сотрудничестве», который впоследствии послужил базовым документом и основой двусторонних отношений, а также Декларацию о мире, безопасности и сотрудничестве в Кавказском регионе. Договор свидетельствовал о значимости Грузии для Турции, в первую очередь относительно ее вовлечения в происходящие в то время в регионе политические и экономические процессы. Этому значительно способствовал и транзитный потенциал Грузии, что обусловило дальнейшее развитие и углубление взаимодействия двух стран.

Это стало возможным после того, как Председателем Госсовета Грузии был избран Э. Шеварднадзе. Полугодовая пауза объясняется также рядом иных причин, в том числе политикой изоляционизма первого президента Грузии З. Гамсахурдиа, который, к тому же, стремился создать государство на национальной основе без учета интересов национальных меньшинств, включая мусульман. Последнее обстоятельство особенно влияло на отношение турецкой власти и общества к Грузии.

В связи с вышесказанным вполне объяснимо, что, вступив в должность президента Грузии, Э. Шеварднадзе совершил первый официальный визит именно в Турцию в январе 1994 года, что указывало на ее приоритетное место на тот момент в региональной внешней политике государства.

Что касается турецкого внешнеполитического влияния Турции на Грузию, то здесь необходимо также обратить внимание на так называемую политику «мягкой силы»²⁷⁴, активно реализуемую с 2002 года после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР). В этой связи В.А. Аватков отмечает, что, используя экономические, политические, культурные инструменты «мягкой силы», Турция смогла реально оказывать заметное влияние в Грузии; был выработан соответствующий подход, основанный на

²⁷⁴ Термин «мягкая сила» (Soft power) означает способность государства достичь своих целей на международной арене через убеждение, а не подавление (см. Алексанян Л.М. Политика «мягкой силы» Турции в отношении Грузии // Вестник МГИМО(Университета). 2016. № 3. Т.16. С. 72-79).

доктрине «стратегической глубины», главным лозунгом которого стал «ноль проблем с соседями»²⁷⁵.

С середины 2000-х годов политика Турции в отношении Грузии получила новое развитие, причиной чего стала внутриполитическая ситуация в Грузии. После так называемой «Революции роз» (2003 г.) государство взяло еще более заметный прозападный курс, соответственно расширяя отношения и с Турцией. Реагируя на данные процессы, президент Турции А.Н. Сезер предложила новому президенту Грузии М. Саакашвили новые инициативные проекты. В свою очередь Саакашвили определил взаимоотношения с Турцией в сложившейся ситуации как приоритетные во внешнеполитическом направлении²⁷⁶.

Следует отметить, что у турецкого правительства имелось два основных мотива для построения именно добрососедских, партнерских отношений с новообразованным государством: во-первых, для Турции территория Грузии является входным коридором на Кавказ и в Центральную Азию, а также «турецкий мир» за пределами Каспийского моря; во-вторых, Грузия имеет фундаментальное значение для Турции, поскольку углеводороды Каспийского моря из Азербайджана проходят через грузинскую территорию, прежде чем попадают в турецкие порты и оттуда – на мировые рынки²⁷⁷.

Война в Южной Осетии в 2008 года существенно повлияла на отношение Турции к Грузии, показав, по мнению Л.М. Алексанян, во-первых, то, что турецко-грузинские отношения в определенной мере подчиняются турецким интересам на Южном Кавказе; во-вторых, что укрепление российских позиций в регионе, в то время как российско-грузинские

²⁷⁵ Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная Мысль. 2014. № 3. С. 71–78; Yeşiltaş M. The transformation of the geopolitical vision in Turkish foreign policy. // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. No. 4. P. 661–687.

²⁷⁶ Saakashvili M. Georgia, Turkey ‘Natural Allies’ // Civil.Ge: website. 2004. May 20 [Electric source]. URL: <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=6974&search=> (accessed: 29.09.2023).

²⁷⁷ Göksel N. Turkey and Georgia: Zero Problems? // The German Marshall Fund of the United States, 2013. P. 14.

отношения достигли критического уровня, подталкивали Турцию к усилению своего влияния в регионе²⁷⁸.

С 2011 года в результате «арабской весны» приоритет кавказского направления был понижен, а внешнеполитическая турецкая активность сместились на Ближний Восток. Это подтверждается и географией зарубежных визитов Эрдогана: с 2012 года турецкий лидер ни разу не посетил Грузию²⁷⁹. Также некоторому охлаждению грузино-турецких отношений способствовала внутриполитическая ситуация в Грузии, где в октябре 2012 года на парламентских выборах победила оппозиционная коалиция «Грузинская мечта». Новые власти стремились снизить экономическую и энергетическую зависимость от Турции, отказавшись от антироссийской риторики и активизировав отношения с Арменией и Ираном²⁸⁰.

Впрочем, несмотря на попытки нового грузинского руководства диверсифицировать внешнюю политику страны, Турция оставалась ключевым военным и экономическим партнером, а двусторонние отношения были неоднократно подтверждены визитами грузинских политиков в Турцию.

С приходом к власти в 2018 году С. Зурабишвили Грузия несколько сместила «центр интересов» относительно региона. Так, новый президент Грузии давала понять турецкому руководству, что считает надуманными выстраиваемые им региональные комбинации, указав на желание Грузии держаться исключительно европейского курса, и это должно выделять ее среди других двух государств Южного Кавказа.

Действительно, с того момента, как президентом Грузии стала С. Зурабишвили, саммиты Турции и государств Южного Кавказа перестали созываться, несмотря на то, что на официальном уровне регулярно заявлялось о готовности сторон продолжать совместную разноплановую работу, а также

²⁷⁸ Алексанян Л.М. Развитие турецко-грузинских отношений: новые тенденции (экономические и военно-политические аспекты// Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4(2).148-158.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же.

говорилось о «стратегическом характере сотрудничества во взаимоотношении двух стран».

29 сентября 2023 года в Дублине в ходе Европейской конференции председателей парламентов государств-членов Совета Европы между спикерами двух стран была достигнута предварительная договоренность о возобновлении трехсторонний сотрудничества на уровне парламентов. Было обращено особое внимание на важность дальнейшего повышения уровня экономического сотрудничества, взаимодействия в вопросах региональной безопасности «В среде, полной вызовов, очень важно, что у Грузии есть очень интенсивное общение и консультации со своим стратегическим партнером Турцией», - говорилось на встрече. Также было отмечено, что Турция занимает лидирующее место в торговом партнерстве Грузии. Так, внешнеторговый оборот в январе-августе 2023 года составил \$1,9 млрд, что на 8,4% больше, чем за аналогичный период предыдущего года (13,9% от общего торгового оборота Грузии)²⁸¹.

В сентябре 2023 года в ходе 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН министры иностранных дел Турции Х. Фидан и Грузии И. Дарчиашвили говорили о дальнейшем сотрудничестве по всем направлениям стратегического партнерства, включая обмен визитами на высоком уровне. В частности, была подчеркнута необходимость обеспечения мира в регионе, где Турции и Грузии отведена особая роль. Стороны также отметили высокий уровень взаимодействия на площадках международных организаций, в том числе и ООН²⁸².

Западные эксперты отмечают, что на текущем этапе двусторонние отношения между Турцией и Грузией в целом соответствуют деятельности грузинских властей на международной арене с целью более тесной интеграции

²⁸¹ Грузия, Турция и Азербайджан возобновят трехстороннее парламентское сотрудничество / SPUTNIK.Грузия, 29.09.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20230929> (дата обращения: 29.09.2023).

²⁸² ილია დარჩიაშვილის თურქულ კოლეგას შეხვდა / საქართველოს საგარეო საქმეთა სამინისტრო. 21 სექტემბერი 2023 [Electricronic source]. URL: <https://mfa.gov.ge/news/538366-ilia-darchiashvili-turq-kolegas-shekhdva> (accessed: 29.09.2023).

с Западом. Страны установили тесное партнерство в регионе после обретения Грузией независимости в 1991 году. При этом обе стороны предпочли следовать прозападной политике вопреки российскому фактору²⁸³.

Грузинское правительство объективно заинтересовано в поддержании конструктивных и партнерских отношений с Турцией. Во-первых, для Грузии это своего рода «окно в Европу: переговоры Турции о вступлении в ЕС имеют большое значение для Тбилиси, поскольку он стремится выйти за пределы своего кавказского анклава. Впрочем, после 2014 г. ввиду осложнения отношений Турции с западным миром влияние этого фактора турецко-грузинских отношений несколько минимизировалось. Во-вторых, в контексте напряженности в отношениях с Россией, Грузия нуждается в Турции как в «балансирующей силе».

Складывающаяся на Южном Кавказе политическая обстановка способствовала Турции усилить свое влияние на Грузию, чему в полной мере соответствовала и позиция грузинского руководства, стремящегося к проведению многостороннего внешнеполитического курса и в связи с этим рассматривающего Турцию в качестве «окна» в Европу в противовес зависимости в этом плане от России. Таким образом, именно Турция послужила в тот период активным проводником интересов Грузии на европейской военно-политической арене.

Военное сотрудничество Турции и Грузии развивалось поэтапно, следуя логике постепенного втягивания Тбилиси в орбиту евроатлантических структур. Уже в 1992 году при содействии Анкары Грузия вошла в Совет североатлантического сотрудничества, а двумя годами позже присоединилась к программе «Партнёрство ради мира». Именно тогда в стране появились первые учебные центры с турецкими военными инструкторами, началась практика совместных учений.

²⁸³ Mehmet F., Dogan M.. “POLITICAL RELATIONS BETWEEN TURKEY AND GEORGIA IN THE POST-SOVIET ERA”. *Journal of Liberty and International Affairs*. 2020. № 3 (2). P. 42-54 [Electronic source]. URL: <https://e-jlia.com/index.php/jlia/article/view/97> (accessed: 30.09.2023).

Переломным стал 1995 год, когда Тбилиси окончательно определился с прозападным вектором развития. Значимость турецкого партнёрства резко возросла. В 1996 году стороны заключили соглашение о сотрудничестве в оборонной сфере, переведя отношения в формат полноценного двустороннего взаимодействия²⁸⁴. Год спустя последовал новый договор, предусматривавший создание военных учебных центров и восстановление инфраструктуры, в частности базы в Вазиани²⁸⁵.

К концу десятилетия сотрудничество приобрело системный характер. Меморандум 1998 года закрепил обязательства Анкары по подготовке кадров и материально-технической поддержке. Турция выделила многомиллионное финансирование на модернизацию грузинской армии, открыла двери своих военных учебных заведений для грузинских офицеров²⁸⁶. Соглашение 1999 года стало логичным итогом этого процесса, обеспечив Тбилиси прямой выход на структуры Североатлантического альянса. Стратегическая цель Анкары была очевидна: помочь грузинским вооружённым силам достичь стандартов НАТО и тем самым приблизить перспективу полноценной интеграции²⁸⁷. Таким образом, были установлены прямые контакты с НАТО. Отметим, эксперты считают, что именно после подписания последнего документа в политический словарный оборот вошел термин «стратегическое партнерство»²⁸⁸.

До середины 1990-х годов в отношениях сторон не наблюдалась повышенная активность. Турция на этом этапе в основном была заинтересована в углублении военно-политического сотрудничества с Грузией. Однако очень скоро, в связи с все большим вовлечением Грузии в региональные энергетические и транспортные проекты, ситуация резко

²⁸⁴ Алексанян Л. М. Указ. соч. С. 93.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Hedlund S. Georgia is slowly moving into Turkey's orbit [Electriconic source]. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/turkey-influence-georgia/> (accessed: 30.09.2023).

²⁸⁸ Uslu N. The Russian, Caucasian and Central Asian Aspects of Turkish Foreign Policy of the Post Cold War Period // Turkish Journal of International Relations. Ankara, 2003. Vol. 2. № 3&4. P. 42-54.

изменилась, и Турция стала более усиленно уделять внимание именно экономическим отношениям с Грузией.

Расширение отношений с Тбилиси, особенно в сфере экономики, стало одним из важнейших направлений региональной политики Анкары. Так, Договор о торговле и экономическом сотрудничестве (1994 г.) был направлен на создание условий для углубления сотрудничества государств. С целью реализации Договора были сформированы совместная экономическая комиссия и турецко-грузинская бизнес ассоциация. После того, как в 1994 году Азербайджан согласовал с ведущими нефтяными компаниями условия разработки каспийских месторождений, для Турции и Азербайджана Грузия приобрела приоритетное значение как транспортный коридор для энергоресурсов.

21 ноября 2007 года между двумя странами было подписано Соглашение о свободной торговле, о предотвращении двойного налогообложения доходов и пресечении неуплаты налогов. Кроме того, ухудшение российско-грузинских отношений способствовало тому, чтобы Турция стала главным торговым партнером Грузии. Задача по реализации Соглашения была возложена на специальный Объединенный комитет.

Западные партнеры Турции одобряли ее действия, направленные на укрепление многосторонних, в том числе экономических связей с государствами Южного Кавказа и оказывали соответствующую помощь. Как следствие, торговый оборот между Турцией и Грузией неуклонно возрастал. М. Челикпала обращает внимание на то, что Грузия стала первой из бывших республик СССР, где Турции удалось «отодвинуть» Россию и стать главным торговым партнером. Кроме торговли турецкий бизнес проявлял интерес к инвестициям в такие области экономики Грузии, как строительство, транспорт, энергетику, легкую и пищевую отрасли, сферу услуг, сельское хозяйство²⁸⁹.

²⁸⁹ Celikpala M. Turkey as a Regional Power and the Caucasus. *Insight Turkey*. 2007. Vol. 9, No 2. P. 28; Нарчемашвили Н. Турция – самый активный партнер Грузии [Электронный ресурс] URL: <http://bizzone.info/articles/1325640148.php> (дата обращения: 29.09.2023).

Развитию данного процесса способствовал Договор об упрощении безвизового режима (2011 г.). Также в июне 2012 года главы МИД Турции, Грузии и Азербайджана подписали трехстороннюю декларацию, в которой были отражены основные направления взаимного сотрудничества сторон в сферах экономики, энергетики, транспорта и культуры. Экономическое сотрудничество осуществлялось преимущественно в формате реализации интеграционных проектов²⁹⁰. В то же время, уточняет Г.Г. Мачавариани, согласно парламентской «Резолюции о направлениях внешней политики Грузии» (2013 г.), задача расширения экономических отношений с Турцией ставилась в числе первоочередных²⁹¹.

В 2016 году турецкой и грузинской сторонами был образован Совет стратегического сотрудничества высокого уровня; согласованы договора о развитии пассажирских и грузовых перевозок железнодорожным транспортом, о сотрудничестве в сфере труда, о поощрении и защите инвестиций. Важно понимать: в интересах Турции было увеличить свое присутствие в Закавказском регионе и иметь через Грузию доступ в Азербайджан; Грузия же получала дополнительную возможность играть ведущую роль транзитной страны и центра сотрудничества в регионе, а также продолжать реализацию своих планов по вступлению в ЕС и НАТО.

Турецкие компании продолжают инвестировать в грузинскую экономику. Так, в 2021 году в энергетическую сферу Грузии было инвестировано около \$213 млн²⁹². Будучи ведущим торговым партнером и

(дата обращения: 26.06.2016).

²⁹⁰ Одной из основных областей сотрудничества Турции и Грузии являются региональные энергетические проекты. Два важнейших трубопровода региона транспортируют азербайджанскую нефть и газ в Европу через Грузию и Турцию. Существует также железная дорога Баку-Тбилиси-Карс (БТК), которая не только создает железнодорожное сообщение между Азербайджаном, Грузией и Турцией, но и служит потенциальным сухопутным сообщением между Китаем и Европой. Хотя строительство железной дороги было начато до того, как Китай объявил о своих планах по оживлению Шелкового пути в рамках инициативы «Пояс и дорога» (BRI) в 2013 году, железная дорога БТК теперь может служить средним коридором современного Шелкового пути. Благодаря этим проектам Грузия получает плату за транзит, а также влияние в регионе как страна-транзитер энергоресурсов.

²⁹¹ Мачавариани Г.Г. Внешняя политика Грузии на Южном Кавказе (1991-2016): дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М.: РУДН, 2017. С. 137; 140.

²⁹² Türkiye-Gürcistan ilişkileri 100. Yılında [Electriconic source]. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/turkiye-gurcistan-iliskileri-100-yilinda/2456517#> (accessed: 30.09.2023).

значительным источником иностранных инвестиций, влияние Турции на Южном Кавказе в целом и в Грузии в частности еще более укрепляется.

Как мы уже отмечали выше, Турция является крупнейшим торговым партнером Грузии с объемом двусторонней торговли (по данным грузинской стороны) примерно в \$2 млрд.²⁹³ Однако факт, что дисбаланс турецко-грузинской торговли значителен. Это свидетельствует, в частности, о неспособности экономики Грузии занять достойное место на турецком внутреннем рынке. Похожую ситуацию специалисты наблюдают и в сфере инвестиций²⁹⁴. По мнению А. Квахадзе, «существует значительный дисбаланс между грузинским импортом из Турции и его экспортом в Турцию. Являясь страной с меньшим экономическим потенциалом, Грузия уязвима перед турецкой экономикой»²⁹⁵.

В то же время логистическая роль Грузии в энергетической политике Турции очень велика. Участие Грузии в каспийских энергетических проектах в качестве страны, обеспечивавший транзит энергоресурсов, повысила ее значение для Турции, что, как считают А.В. Енокян и Д.В. Станис, неизбежно сделало две страны взаимозависимыми. Турецкие экономические интересы в Грузии сводятся также к тому, что она рассматривается Анкарой в качестве коридора и на европейские рынки²⁹⁶.

В мае 2021 года на официальной встрече в Стамбуле президента Р.Т. Эрдогана и премьер-министра Грузии И. Гарибашвили президент Турции отметил, что считает Грузию «ключом» к региональному сотрудничеству. «Турция была крупнейшим торговым партнёром Грузии в течение последних 14 лет. Хотя в 2020 году объём нашей торговли немного сократился, сейчас мы поставили цель достичь трёх миллиардов долларов и продолжим нашу

²⁹³ საქართველოს სტატისტიკის ეროვნული სამსახური [Electronic source]. URL: <http://ex-trade.geostat.ge/ka>. (accessed: 29.09.2023).

²⁹⁴ Sayin F.M., Dogan M. (2017). Political relations between Turkey and Georgia in the post-soviet era // Journal of Liberty and International Affairs. № 3 (2). P. 42–54.

²⁹⁵ Dermoyan H. Turkish-Georgian Economic Relations: A Case Study / EVN [Electric source]. URL: <https://evnreport.com/economy/turkish-georgian-economic-relations-a-case-study/> (accessed: 29.09.2023).

²⁹⁶ Енокян А.В., Станис Д.В. Фактор политики «мягкой силы» в продвижении турецких интересов в Грузии // Постсоветские исследования. Т.5. № 8 (2022). С. 787-798.

работу в этом направлении. Турецкие инвестиции в Грузию, в том числе в энергетический сектор, составляют 214 миллионов долларов» - заявил Эрдоган.

В свою очередь Гарибашвили поблагодарил турецкого лидера за поддержку суверенитета Грузии на всех уровнях, а также вступления Грузии в НАТО. «Грузия, Турция и Азербайджан взаимозависимы и связаны очень тесным сотрудничеством, партнёрством и дружбой. Между нами существует очень прочная основа для совместной реализации ещё большего числа проектов как в двустороннем, так и в трехстороннем форматах», - отметил премьер-министр. Также стороны обратили внимание на необходимость увеличения товарооборота между странами и взаимовыгодного сотрудничества по ряду направлений²⁹⁷.

В августе 2021 года президент Турции Р.Т. Эрдоган и президент Грузии С. Зурабишвили говорили о том, что оба государства в ближайшее время могут начать реализацию совместных энергетических и транспортных проектов: «В кризисной и посткризисной ситуации большое значение имеют как торговые, так и транспортные коридоры, а также транспортная сеть и железнодорожная линии Баку-Тбилиси-Карс (БТК)», - отмечалось сторонами. Также были обсуждены совместные по региональному взаимодействию²⁹⁸.

Тогда же, в августе 2021 года, в телефонном разговоре Р.Т. Эрдогана и И. Гарибашвили опять было отмечено, что Анкара считает Тбилиси «ключом к региональному сотрудничеству». В связи с этим, по мнению турецкого президента, необходимо «воздордить успешный формат экономического сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии на уровне глав государств и правительства»²⁹⁹.

²⁹⁷ Первый госвизит премьер-министра Грузии в Турции завершился – итоги / Sputnik. Грузия, 02.06.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20210602/Pervyy-gosvizit-premer-ministra-Gruzii-v-Turtsii-zavershilsya---itogi-251906297.html> (дата обращения: 29.09.2023).

²⁹⁸ Эрдоган и Зурабишвили обсудили двусторонние связи / MTDIA.AZ, 10 августа 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://media.az/world/1067826986/erdogan-i-zurabishvili-obsudili-dvustoronne-svyazi/> (дата обращения: 29.09.2023).

²⁹⁹ Зачем Эрдогану альянс с Тбилиси и Баку? / Рамблер, 02 августа 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/army/46936347/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 29.09.2023).

Следует особо отметить, что Турция решительно поддерживает территориальную целостность Грузии и не признает независимость Абхазии и Южной Осетии. Турция надеется, что эти конфликты будут разрешены в рамках территориальной целостности и суверенитета Грузии мирными средствами. В то же время, после войны 2008 года в Южной Осетии и признания Россией независимости Абхазии роль Турции в качестве посредника в конфликте между Сухумом и Тбилиси не может быть сколь-нибудь значительной. Турция также поддерживает усилия Грузии по интеграции в евроатлантические организации³⁰⁰.

В то же время между сторонами имеет место проблема грузинской Аджарии, которую Турция считает своей исторической территорией. Аджария перешла Грузии от Турции по Карскому договору 1921 года (договор о дружбе между Армянской, Азербайджанской и Грузинской ССР, с одной стороны, и Турцией - с другой). Однако с турецкой стороны все чаще звучит мнение, что срок передачи Аджарии ограничен ста годами, хотя в тексте документа подобное условие отсутствует.

Многочисленные турецкие отели, рестораны, кафе и прочие заведения уже отчасти свидетельствуют о стремлении Турции вернуть свою бывшую территорию. Политико-экономическое влияние Турции в Аджарии подкрепляется религиозно-идеологическим фактором. В Аджарии в немалом количестве открываются и функционируют турецкие учебные заведения. Молодежи предоставляются льготные условия для получения образования в Турции. К этому необходимо добавить и повсеместное строительство мечетей³⁰¹.

Проблемными вопросами остаются и противоречия в территориальной и религиозной плоскостях, для преодоления которых на текущем этапе

³⁰⁰ Политические отношения между Турцией и Грузией / Турецкая Республика. Министерство иностранных дел [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkiye-and-georgia.ru.mfa> (дата обращения: 30.09.2023).

³⁰¹ Грузия теряет еще один регион: как Турция поглощает Аджарию / РЕН ТВ, 12 октября 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://ren.tv/blog/georgii-makharashvili/889970-gruziia-teriaet-eshche-odin-region-kak-turtsiia-pogloshchaet-adzhariu> (дата обращения: 30.09.2023).

турецкая политика в Грузии не имеет возможности воспользоваться необходимыми и имеющимися у нее ресурсами. Тем не менее, несмотря на указанные факторы, признаем, что Турция все же добилась значительных успехов в политической, экономической и военной сферах Грузии, используя для достижения своих целей соответствующий инструментарий.

Отметим, что в целом позитивные отношения между Турцией и Грузией иногда сталкиваются с периодами напряженности. Этому способствуют несколько факторов. Один из них - активность абхазского меньшинства в Турции – мухаджиров (по некоторым оценкам, количественно превосходящих абхазов на родине) поскольку Тбилиси не признает независимость Абхазии и негативно относится к коммерческим связям между турецкими предпринимателями и абхазским правительством.

Кроме того, упрочение Турцией горизонтальных связей между лазами и мегрелами как на территории Грузии, так и в самой Турции в рамках политики неоосманизма с целью укрепления своего влияния на них создает несколько опасную ситуацию для грузинского руководства в плане проведения внутренней этнической политики.

Также Турция продолжает настаивать на выполнении Грузией обязательств по размещению на своей территории турок-месхетинцев, что может повлечь создание анклава на территории Грузии, а это может стать мощным фактором влияния на нее. Не менее существенной проблемой является положение азербайджанского населения в стратегически важной для обоих государств области Квемо Картли³⁰².

Другой фактор напряженности – это риски религиозных конфликтов. Грузинская церковь, политическая роль которой в последнее десятилетие возросла, не одобряет религиозную активность турецких групп на своей территории, в частности в регионе Аджария.

³⁰² Бахревский Е. Политика «нового османизма» Турции и постсоветское пространство / Регнум [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/article/1467970> (дата обращения: 30.09.2023).

В связи с этим перспективы отношений с Грузией зависят от способности Турции в дальнейшем минимизировать влияние данных факторов. В силу заинтересованности Грузии в поддержке со стороны Турции и взаимозависимости их интересов, обусловленных географическим положением данные перспективы можно оценить достаточно позитивно.

В завершение параграфа представим матрицу, описывающую двусторонние связи Турции и Грузии, обобщив изложенную выше информацию (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Матрица турецко-грузинских отношений

	Политическая сфера	Экономика и транспорт	Безопасность	Культурно-гуманитарная сфера
Цели Турции	Усиление влияния в регионе; создание буферной зоны	Развитие транзитного потенциала; доступ к рынкам	Создание пояса стабильности; противовес России	Продвижение "мягкой силы"; влияние в Аджарии
Цели Грузии	Поддержка евроинтеграции; баланс сил в регионе	Привлечение инвестиций; развитие транзита	Интеграция с НАТО; модернизация армии	Развитие туризма; культурные обмены
Достигнутые результаты	Стратегическое партнерство; регулярный диалог	Турция - главный торговый партнер; транспортные проекты	Военно-техническое сотрудничество; совместные учения	Образовательные программы; туристический поток
Существующие проблемы	Разные подходы к региональной интеграции	Торговый дисбаланс; зависимость от турецких инвестиций	Российский фактор; территориальные конфликты	Исторические опасения; религиозный фактор
Механизмы реализации	Дипломатические контакты; межпарламентский диалог	Совместные проекты; бизнес-форумы	Программы НАТО; двусторонние соглашения	Культурные центры; образовательные обмены
Перспективы развития	Углубление стратегического партнерства	Новые транспортные коридоры; рост инвестиций	Расширение военного сотрудничества	Развитие гуманитарных связей

Эта матрица отражает комплексный характер взаимодействия по четырем ключевым сферам, демонстрируя как совпадение интересов сторон (особенно в экономике и транспорте), так и определенные противоречия (культурно-гуманитарная сфера). Особое внимание уделено механизмам реализации сотрудничества и перспективам его развития с учетом существующих проблем.

Выводы. Сегодня Турция и Грузия официально позиционируют свои отношения как стратегическое партнёрство. Турецкое присутствие в Грузии носит многоплановый характер: оно охватывает торговлю и транспортную инфраструктуру, оборонную сферу, а также распространяется на чувствительные вопросы, связанные с этническими и религиозными общинами.

Вместе с тем глубина этого партнёрства имеет свои пределы. Историческая память оказывается серьёзным препятствием для безоговорочного сближения. Османское прошлое, ассоциирующееся в грузинском сознании с экспанссией и утратой территорий, формирует устойчивое настороженное отношение к турецким амбициям. Этот психологический барьер ограничивает возможности Анкары по наращиванию влияния, несмотря на всю интенсивность практического взаимодействия.

Очевидно, что Турция на протяжении последних трех десятилетий не смогла полностью сохранить следование собственной доктрине «ноль проблем», развивая отношения с Грузией на основе строго экономического сотрудничества при полном невмешательстве в их внутренние дела. В итоге, несмотря на некоторые успехи в развитии взаимоотношений двух стран, политика неоосманизма Турции в Грузии не дала ожидаемых результатов. Достаточно указать на такие проблемные и до сих пор неразрешенные вопросы, как положение в Грузии турок-месхетинцев, лазов, мегрелов, азербайджанцев, турецкое влияние в Абхазии, политический статус Аджарии, её христианизации. Все это противоречит признанию Турцией прав этнических меньшинств на культурную автономию в рамках неоосманизма.

Однако, турецко-грузинские отношения все еще продолжают развиваться на фундаменте, который был заложен в начале 2000-х годов, без актуальных обновлений. К тому же современной Турции в ее внешней политике более не присущи принципы «стратегической глубины» и отсутствия проблем с соседями.

3.3. Политика Турции по отношению к Армении. Армянский фактор в реализации политики неоосманизма в регионе Южного Кавказа

Изначально Армения, как и Грузия не были для Турции приоритетными странами для построения внешнеполитических отношений. Основное внимание на постсоветском пространстве было направлено в сторону Азербайджана и республик Центральной Азии. При этом даже в отношениях с этими странами Турция не могла обеспечить той поддержки, в которой они нуждались после распада СССР для преодоления трудностей, сопутствующих экономическим и политическим трансформациям. Поэтому в начале 90х годов Турция еще не имела шансов претендовать на значимую роль в регионе, особенно для стран, не имеющих культурных и исторических предпосылок для сближения с ней. Только к началу XXI века, когда государства бывшего СССР экономически окрепли Турция смогла развернуть последовательную политику по укреплению своих позиций.³⁰³

В частности, Турция имеет интересы в отношении Армении, которая является адресатом неоосманистской политики Анкары, однако, наряду с Грецией, выступает наиболее сложной страной для реализации данного внешнеполитического вектора. Кроме того, Армения представляет собой значимый элемент в геополитической стратегии Турции, поскольку позволяет ей укрепить свои позиции, сбалансировать интересы в регионе, в то же время снижая влияние России. Укрепление отношений с Арменией может помочь Турции улучшить свой имидж на международной арене и снизить негативные последствия, связанные с историческими конфликтами.

Сложная предыстория отношений с такими государствами как Армения и Греция (как и с отдельными арабскими странами, например, с Сирией) вкупе с желанием Турции стать региональным лидером, послужила причиной формирования концепции «ноль проблем с соседями», которая предполагала

³⁰³ Суванова М.С. Политика Турции на Южном Кавказе. Проблемы постсоветского пространства. 2018;5(3):284-297. С. 288.

необходимость нормализации отношений с ближайшими государствами вопреки существующим противоречиям.³⁰⁴

Турция стала одной из первых стран, признавших независимость Республики Армения в 1991 году. В 1992 году Армения, наряду с Турцией, приняла участие в учреждении Организации черноморского экономического сотрудничества, что также стало возможностью для мирного взаимодействия и укрепления сотрудничества стран.³⁰⁵ Территориальное соседство и желание Турции укрепить связи с постсоветскими странами Южного Кавказа и Центральной Азии являются значимым аргументом в пользу построения более тесных отношений. Однако, наличие неразрешённых вопросов в отношениях с Арменией вредит Турции поскольку стимулирует довольно влиятельную армянскую диаспору в США настраивать истеблишмент Вашингтона против Анкары.

По вышеуказанным причинам Турция изначально старалась выстроить отношения с Арменией в рамках парадигмы политического прагматизма, и реализовать свои геополитические цели вне зависимости от существующих исторических и идеологических противоречий.

Трудности реализации мер неоосманской политики Турции в отношении Армении определяются не только особенностями отношений непосредственно между странами, но и особенностями внешней политики Армении в целом. Среди государств Южного Кавказа Армения характеризуется наиболее сложной внешнеполитической стратегией. Особенностью внешней политики Армении является также то, что заметную роль в ней играет влияние национальных диаспор в других странах. Армения активно сотрудничает с ЕС, Россией и США. Это единственная страна изучаемого региона, которая входит в состав ОДКБ и ЕАЭС. В то же время, Армения участвует и в программе «Восточного партнерства» ЕС, проявляя интерес в дальнейшем сближении (хотя официально и не ставит цель

³⁰⁴ Мехдиев Э.Т. «Неоосманизм» в региональной политики Турции // Вестник МГИМО. 2016. №2 (47). С. 33.

³⁰⁵ Эшба Э.Д. Региональное сотрудничество на Черном море: достижения, проблемы, перспективы. Москва: МГИМО; 2013. С. 47.

вступления в ЕС и не подписала соглашения об ассоциации). Страна сотрудничает с НАТО, в частности, в рамках программы НАТО «Партнёрство во имя мира», а также состоит в Совете евроатлантического партнёрства.³⁰⁶ Также государство является получателем финансовой помощи от ЕС и США.³⁰⁷ Как ЕС, так и Россия заинтересованы в Армении, поскольку имеют амбиции по интеграции региона и привлечению Кавказа в свои зоны влияния. Армения, в свою очередь, не демонстрирует однозначной решимости войти в зону влияния какого-либо из geopolитических лидеров региона.

Несмотря на все трудности, Армения сохраняет привлекательность для Турции в качестве партнера по сотрудничеству, а также адресата политики неоосманизма. Это обусловлено перспективами, которые могут быть открыты в случае налаживания отношений. Турецкие авторы Бюлент Араз и Фатих Озбай, анализируя перспективы армяно-турецких отношений, делают вывод, что в перспективе геополитики для Турции важнейшим мотиватором укрепления связей с Арменией выступает желание ослабить ось Россия—Армения—Иран, а в перспективе вытеснить Армению из этой оси.³⁰⁸ Можно заметить, что в ситуации, когда Россия не оказала такой мощной поддержки Армении в карабахском конфликте, какую Турция обеспечила Азербайджану, на фоне охлаждения отношений между партнёрами, данные амбиции Турции становятся более реалистичными.

Помимо этого, как страна, с довольно разнообразным национальным и этническим составом Турция стремилась к умиротворению этнических конфликтов региона, которые существенно замедляют экономическое развитие. Власти Турции неоднократно подчеркивали, что неоосманизм является мирной политической доктриной.³⁰⁹ Однако впоследствии Анкара не раз отступала от примирительных позиций (закрытие границ с Арменией,

³⁰⁶ В Армении заявили, что сотрудничают с НАТО и готовы продолжать диалог URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18651753> (дата обращения: 15.09.2023).

³⁰⁷ Буракова, Л. Почему у Грузии получилось / Л. Буракова. - М.: Юнайтед-Пресс, 2011. С. 16.

³⁰⁸ Aras B., Ozbay F. Turkish-Armenian relations: Will football diplomacy work? // Today's Zaman/SETA Foundation for Political, Economic and Social Research URL: <https://iz.ru/1453231/igor-karmazin/blizost-narastoiannii-kak-armeniia-i-turciia-nalazhivaiut-otnosheniia> (дата обращения: 27.09.2023).

³⁰⁹ Мехдиев Э.Т. Указ соч. С. 33.

поддержка Азербайджана в конфликте вокруг Нагорного Карабаха, поддержка боснийских мусульман, признание Косова)³¹⁰. Ключевым препятствием на пути установления продуктивного сотрудничества с Арменией для Турции на протяжении многих лет была близость Турции с Азербайджаном. В ситуации конфликта между Арменией и Азербайджаном Турция не смогла удерживать избранный сразу после распада СССР нейтрально-прагматичный вектор. Это обусловлено реализацией политики пантюркизма и желанием Турции стать лидером исламского мира. Турция, таким образом, занимает в отношении Армении сложную позицию: с одной стороны стремиться стабилизировать и укрепить отношения для усиления своей роли в регионе, с другой стороны выступает против интересов Армении, поддерживая Азербайджан.

Турция изначально была заинтересована в скорейшем разрешении ситуации в Нагорном Карабахе, выступая с 1992 года членом Минской группы ОБСЕ по урегулированию конфликта. Однако, с укреплением позиций Армении Турция все больше вставала на сторону Азербайджана, демонстрируя свою предвзятость, что неизбежно ухудшало отношения двух государств. Уже в 1993 году Турция блокировала границу с Арменией. В области воздушного сообщения Турция пошла на уступки под влиянием международного сообщества и в 1995 году границы были открыты для перелетов. Сухопутные границы остаются закрытыми и на сегодняшний день. Для восстановления работы границ Турция требует от Армении выхода из Нагорного Карабаха, а также отказа от требований в отношении признания геноцида армян. Закрытие границ осложняется тем, что сама граница между государствами не является официально признанной. Это обусловлено тем, что армяно-турецкая граница была определена Карским и Московским соглашениями 1921 года, которые не были признаны Ереваном. Армения аргументирует отказ от признания границ тем, что он возможен только после установления дипломатических отношений между странами.³¹¹ При этом

³¹⁰ См: Пруссаков В. Исламская мозаика / Валентин Пруссаков // Газета «Завтра». 2009. 2 декабря. № 49 (837).

³¹¹ David S. Yost /Armenian Perceptions of International Security in the South Caucasus /«Research Paper» Academic Research Branch — NATO Defense College, Rome № 32. March 2007.

Турция опасается возможных территориальных претензий, что также ведет к осложнению взаимодействия между государствами.³¹²

Чрезвычайно болезненной точкой в отношении Турции и Армении, которая выступает на сегодняшний день одним из главных препятствий на пути урегулирования отношений, является также вопрос о признании геноцида армян. Турецкие власти продолжают отрицать, что политика по уничтожению и депортации армян, осуществлявшаяся в 1915 году (а с точки зрения отдельных авторов продолжавшаяся в период вплоть до 1923 года³¹³) Османской империей представляет собой геноцид. Для армян, в свою очередь, признание геноцида и восстановление исторической справедливости является важной национальной целью, определяющей во многом, современную армянскую идентичность. Вопрос о признании геноцида выходит за пределы отношений между Турцией и Арменией. Турция заинтересована в интенсивном сотрудничестве с ЕС, и является кандидатом в члены Евросоюза. При этом геноцид армян на сегодняшний день признан как целым рядом стран ЕС, так и на наднациональном уровне. Европарламент также призвал Турцию признать факт геноцида³¹⁴. Отрицание геноцида, таким образом, осложняет отношения и с Европой, особенно с учетом постоянных усилий по привлечению внимания к проблеме со стороны армянского лобби.

Армянский исследователь Р. Сафрастян подчеркивает, что Армении удалось вывести вопрос о геноциде на международный уровень, что подтверждают дебаты на эту тему среди представителей истеблишмента разных стран, а также тот факт, что Европарламент готов рассматривать признание геноцида как одно из требований к Турции на ее пути к евроинтеграции.³¹⁵ Более того, с точки зрения автора, данный вопрос имеет на

³¹² Суванова М.С. Политика Турции на Южном Кавказе. Проблемы постсоветского пространства. 2018;5(3):284-297. С. 288.

³¹³ Charny I. W. Encyclopedia of genocide. — Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 1999. Vol. 1. P. 161.

³¹⁴ Челикпала, М. Турция и Южный Кавказ в 2009 г. / М. Челикпала // Кавказ-2010. Ежегодник Института Кавказа. Ереван, 2012. С. 182.

³¹⁵ Сафрастян Р. Проблема признания геноцида во внешней политике Армении: разноуровневый анализ // 21-й Век. Информационно-аналитический журнал Фонда «Нора-банк». Ереван, 2005. № 1. С. 6.

современном этапе большее международное значение, чем ситуация вокруг Нагорного Карабаха, поскольку данный конфликт затрагивает интересы преимущественно стран региона и не имеет столь широкого резонанса в международной повестке. Сафрастян также обращает внимание, что такие geopolитические лидеры как США и ЕС используют вопрос о геноциде как рычаг давления на Турцию.

Несмотря на то, что масштаб Армении не позволяет ей конкурировать с Турцией в экономическом и военном аспекте, в области формирования международного дискурса об историческом преступлении Турции против армянского народа Армения на сегодняшний день демонстрирует большие успехи. В то же время, представляется, что превращение дискурса о геноциде армян в средство давления на Турцию на международной арене может негативно сказаться на перспективах конструктивного диалога с Турцией по данному вопросу.

Хотя пример Германии показывает, что признание геноцида может положительно сказаться на последующем развитии государства и его международного статуса, для Турции подобный шаг также может быть связан с рисками актуализации территориальных претензий со стороны Армении.³¹⁶ Хотя официальная позиция и политика властей Армении состоит в отсутствии каких-либо территориальных претензий к Турции, существует, организация «Правительство Западной Армении в изгнании», целью которой является государственный суверенитет Западной Армении, что подразумевает территориальные уступки со стороны Турции.³¹⁷

При этом, как полагают турецкие исследователи Армяно-Турецких отношений Б. Араз и Х. Каракаш-Келеш, несмотря на серьезность и обоснованность опасений Турции, умиротворение отношений с Арменией

³¹⁶ Араз Б., Каракаш-Келеш Х. Армяно-турецкие отношения: Критический анализ // Центральная Азия и Кавказ. — 2002. — № 4 (22)

³¹⁷ Официальный сайт Правительства Западной Армении в изгнании. Արևմտյան Հայաստանի վարչական կառավարության կայք URL: <https://www.westernarmeniangovernment.org/> (дата обращения: 15.09.2023).

привело бы к улучшению ситуации в регионе в целом, и, в частности, к разрешению Армяно-Азербайджанского конфликта.³¹⁸

Несмотря на сложность данного вопроса, в последнее десятилетие наблюдается некоторое продвижение в области признания геноцида со стороны Турции. Так, в апреле 2014 года Р. Эрдоган признал, что дата 24 апреля (день в 1915 году, который считается началом геноцида) имеет большое значение для армян всего мира.³¹⁹ Однако важно подчеркнуть, что турецкие политики, признавая убийства и угнетение армянского населения Османской империи принципиально не используют слово «геноцид», не признавая, таким образом, масштаб и сущность данных исторических событий. Вместо него в дискурсе о событиях 1915 года со стороны Турции чаще всего используется термин «Армянская резня (тур, Ermeni Kırımı)».³²⁰ Подвижки наблюдаются и в турецком обществе. В 2008 году была опубликована онлайн-петиция «Я извиняюсь» которую поддержало больше 30 тысяч турецких граждан. Стоит отметить, что в тексте петиции использовался термин «Великая катастрофа».³²¹ Это связано, в частности, с тем, что за заявления о виновности Турции в геноциде Армян может быть назначена уголовная ответственность на основании ст. 301 Уголовного кодекса Турции о «оскорблении Турции, турецкой нации или турецких правительственные институтов».³²²

При более пристальном рассмотрении исследователи обнаруживают, что восприятие проблематики признания геноцида Турцией в армянском обществе не столь однородно. Хотя геноцид является трагической вехой

³¹⁸ Араз Б., Каракаш-Келеш Х. Армяно-турецкие отношения: Критический анализ // Центральная Азия и Кавказ. — 2002. — № 4 (22)

³¹⁹ David Shahnazaryan, “Five Years After the Armenia-Turkey Protocols,” Turkish Policy Quarterly, Vol. 13, No. 3 (Fall 2014) P. 48.

³²⁰ Thomas de Waal, “The G-Word: The Armenian Massacre and the Politics of Genocide” Foreign Affairs, Vol. 94, No. 1 (2015), P. 136.

³²¹ “My conscience cannot accept the ignorance and denial of the Great Catastrophe that the Ottoman Armenians were subjected to in 1915. I reject this injustice and – on my own behalf – I share the feelings and pain of my Armenian brothers and sisters – and I apologize to them.” URL: www.ozurdiliyoruz.com (дата обращения: 15.09.2023).

³²² Türkiye: Hükümetin değişiklikleri ifade özgürlüğünü korumuyor URL: <https://web.archive.org/web/20081111153939/http://hrw.org/turkish/docs/2008/04/17/turkey18592.htm> (дата обращения: 15.09.2023).

армянской истории, на основе опросов общественного мнения можно увидеть, что, например, в 2007 году только 4 процента граждан Армении считали, что принуждение Турции к признанию геноцида должно стать одним из основных приоритетов правительства.³²³ Действительно, для жителей Армении намного более насущными являются социально-экономические и политические вопросы и решение проблем сегодняшнего дня. В этом контексте становится заметно различие интересов армян, проживающих в Армении и армянских диаспор в других (зачастую более развитых странах). В таких условиях чрезмерные усилия армянских элит, направленные на восстановления исторической справедливости, могут вступать в противоречия с более приземленными потребностями населения страны, в чьих интересах в первую очередь благополучие Армении, на котором негативно сказывается конфронтация с Турцией.

Тем не менее, несмотря на закрытие границы и отсутствие дипломатических отношений граждане Турции и Армении имеют право въезжать на территорию соседних государств, например, через территорию Грузии. Более того, Турция является одним из направлений армянской трудовой миграции. Хотя армянские мигранты остаются в стране нелегально, турецкое правительство целенаправленно игнорирует нарушение закона, поскольку такое положение выгодно для экономики, а также содействует постепенному улучшению имиджа Турции среди населения Армении.

Еще на посту премьер-министра Турции, Р. Эрдоган, комментируя позицию властей в отношении мигрантов из Армении, заявил, что страна открывает двери для армянских рабочих, которые не могут обеспечить себя на родине, при этом он подчеркнул, что «Мы могли бы их депортировать, но мы этого не делаем».³²⁴ Данная политика является частью мягкой силы Турции в отношениях с Арменией. Также, несмотря на закрытые границы между Турцией и Арменией ведется торговля, хотя товары приходится перемещать

³²³ Kinzer, Stephen (2008). "Chapter 4: Ghosts". Crescent and Star. New York: Farrar, Straus and Giroux. pp. 87–108

³²⁴ "Welcoming Armenian workers may boost Turkey's hand in foreign policy". Sunday's Zaman. 2009-05-10.

через территории третьих стран.³²⁵ При этом годовой объем товарооборота между государствами достигает ста миллионов долларов.³²⁶

После землетрясения в Турции, вызвавшего множество жертв и разрушений, Армения направила в соседнюю страну гуманитарную помощь для чего Турция открыла переход на закрытой границе между странами.³²⁷ Данные события демонстрируют значимость добрососедских отношений между граничащими государствами. Для стран также выгодно восстановление сухопутных границ и формирование транспортных маршрутов. Между территориями Армении и Турции возможно восстановление движения по железной дороге, которая соединяет страны со времен СССР, о чем заявлял Никол Пашинян, также подчеркивая заинтересованность в открытии путей для автомобильного транспорта и грузоперевозок.³²⁸

Даже в условиях вышеописанных сложностей и противоречий в современной истории отношений Турции и Армении было несколько периодов потепления.

Значимый импульс к урегулированию отношений был в 2008 году. Первым шагом стало приглашение действующего в тот момент президента Турции Абдуллы Гюля в Ереван для посещения в сентябре 2008 года футбольного матча между странами в рамках отборочного тура к предстоящему чемпионату мира. Во время последующего визита президента Армении Сержа Саргсяна в Турцию на футбольный матч, помимо неформальной встречи политиков прошли также переговоры между делегациями государств о возможном развитии отношений.

За этими переговорами последовали уже более решительные шаги по урегулированию отношений. В октябре 2009 года в Цюрихе представителями Армении и Турции были подписаны Протоколы «Об установлении

³²⁵ В первую очередь Грузии.

³²⁶ Аватков В.А Внешнеполитическая линия Турецкой Республики в отношении стран Закавказья в контексте внешнеполитической идеологии Турции // Ежегодник ИМИ. 2014, Вып. 2 (8). С. 16.

³²⁷ Turkey-Syria earthquakes: Death toll passes 24,000 URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Armenia%20%93Turkey_relations#cite_note-149 (дата обращения: 15.09.2023)

³²⁸ См: Близость на расстоянии: как Армения и Турция налаживают отношения URL: <https://iz.ru/1453231/igor-karmazin/blizost-na-rasstoinii-kak-armenia-i-turcia-nalazhivaiut-otnosheniia> (дата обращения: 20.09.2023).

дипломатических отношений между Республикой Армения и Турецкой Республикой» и «О развитии отношений между Республикой Армения и Турецкой Республикой». Хотя протоколы были подписаны, для вступления в силу необходима была ратификация со стороны государств. Предполагалось, что документы будут ратифицированы в разумный срок после подписания. Однако в 2010 году процесс ратификации договоров Арменией был приостановлен на основании указа Президента С. Саргсяна, а в 2015 году Армения в целом отозвала протоколы из Национального Собрания.

Данные действия были аргументированы тем, что Турция уже после подписания Протоколов, заявила со своей стороны требования о выполнении Арменией предварительных условий для их дальнейшей ратификации. Данные условия предполагали, что Армения должна урегулировать конфликт с Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха при посредничестве Турции. Отзывая Протоколы, Саргсян подчеркнул, что Армения была готова к ратификации и реализации данных актов, однако Турция начала искажать сущность заключенных соглашений вводя дополнительные требования. Также он отметил сложности в урегулировании возникших разногласий, связанные с тем, как влияет на климат в отношениях между странами активное отрицание Турцией геноцида в преддверии 100 летия трагических событий.³²⁹

Характеризуя позицию Турции, турецкий исследователь Мехмет Дурмуз говорит о том, что конструктивное построение отношений с Арменией возможно только в случае рационального подхода и взаимодействия в рамках «real politic». При этом он подчеркивает, что по причине различного политического и экономического веса государств Армения в конечном итоге не сможет избегать необходимости установить отношения с Турцией.³³⁰

С точки зрения армянского историка и тюрколога Рубена Сафрастяна Турция осуществляет в отношении Армении политику «наступательного

³²⁹ Սերժ Սարգսյանը ԱԺ-ից հետ է կանչում հայ-թուրքական արձանագրությունները URL: <https://news.am/arm/news/252940.html> (дата обращения: 15.09.2023).

³³⁰ Durmus M. Why Armenia Must Revise Its Current Policy Against Turkey? // Turkish Centre for International Relations&Strategic Analysis. Institute for Armenian Studies. 13.04.2005. URL: www.turksam.org/en/a154.html (дата обращения: 29. 09.2023).

реализма», осознавая свои возможности по оказанию давления на молодое и экономически менее сильное государство.³³¹ Турция позволяет себе выдвигать не согласованные ранее предварительные условия, рассчитывая, что Армения, находящаяся в уязвимом положении из-за конфликта с Азербайджаном, пойдет на уступки. В то же время Турция, откладывая момент установления дипломатических отношений не несет значительных потерь.

Попытки давления со стороны Турции привели к охлаждению отношений. Армения предпочла опираться на Россию в вопросах Нагорного Карабаха. В декабре 2015 г. между Арменией и Россией на уровне министров обороны было подписано соглашения о формировании совместной системы противовоздушной обороны на Кавказе. В марте 2018 года было принято решение о прекращении процедуры заключения подписанных протоколов со стороны Армении, что окончательно продемонстрировало провал попытки к сближению, начатой в 2008 году. В 2019 году, когда Турция начала военную операцию на северо-востоке Сирии, Армения публично заявила об осуждении действий Турции и обвинила страну в ухудшении региональной безопасности.³³²

Следующий этап сближения между Арменией и Турцией, как ни парадоксально, начался после второй карабахской войны 2020 года, в которой Армения потерпела поражение, в частности, благодаря усилию Азербайджана за счет поддержки Турции. Хотя Армения потеряла контроль над целым рядом территорий³³³, менее чем через год Ереван продемонстрировал готовность ответить на призыв Турции вновь попытаться перейти к сотрудничеству. Призывая Армению к диалогу, глава МИД Турции Мевлют Чавушоглу заявил, что в сложившихся условиях «появился реальный шанс для установления добрососедских отношений».³³⁴ Здесь представляется

³³¹ Сафрастян Р. Армяно-турецкие отношения: попытка теоретической интерпретации с позиций реалистической школы // Ориентиры внешней политики Армении. — Ереван, 2002. С. 47.

³³² Statement by the MFA of Armenia on the military invasion by Turkey in the north-eastern Syria URL: <https://artsakh.news/en/news/162526> (дата обращения: 15.09.2023).

³³³ Под контроль Азербайджана вернулись территории Кельбаджарского, Агдамского и Лачинского районов

³³⁴ См: Близость на расстоянии: как Армения и Турция налаживают отношения URL: <https://iz.ru/1453231/igor-karmazin/blizost-na-rasstoinii-kak-armeniia-i-turciia-nalazhivaiut-otnosheniia> (дата обращения: 15.09.2023).

важным особо подчеркнуть, что Турция с одной стороны, проявляет активные попытки по урегулированию отношений и, с другой стороны, использует для этих целей момент ослабления Армении. В этом можно увидеть последовательный прагматичный подход в установлении мирных отношений с соседями на выгодных для Турции условиях.

К концу 2021 года была достигнута договоренность об официальной встрече и в январе 2022 года представители Турции и Армении встретились в Москве. Переговоры прошли успешно, что сделало возможным снятие Арменией эмбарго в отношении турецких товаров.³³⁵ После этого в 2022 году прошел целый ряд встреч представителей стран, в том числе на уровне министров иностранных дел и глав государств.³³⁶ Так действующие премьер-министр Армении Н. Пашинян и президент Турции Р. Эрдоган впервые лично встретились в октябре 2022 года в Праге.³³⁷ После победы Р. Эрдогана на президентских выборах в 2023 году Н. Пашинян посетил Турцию для присутствия на его инаугурации.³³⁸

При этом, несмотря на такое продвижение в отношениях Турция последовательно продолжала поддерживать Азербайджан в его противостоянии с Арменией в Нагорном Карабахе. Таким образом, вплоть до настоящего времени, Турция, выстраивая политику в отношении Армении балансировала между однозначной поддержкой Азербайджана в конфликте (что также было необходимо для демонстрации приверженности тюркским странам), и желанием наладить отношения с соседом для сотрудничества и формирования логистических коридоров.

³³⁵ Ermenistan'dan Türkiye kararı: Ambargo kaldırıldı URL: <https://www.haber7.com/dunya/haber/3178243-ermenistandan-turkiye-karari-ambargo-kaldirildi> (дата обращения: 15.09.2023).

³³⁶ См: Armenia, Turkey representatives to meet in Vienna on May 3 URL: <https://en.armradio.am/2022/04/28/armenia-turkey-representatives-to-meet-in-vienna-on-may-3/> (дата обращения: 15.09.2023); Special Representatives of Armenia, Turkey to meet in Vienna on July 1st URL: <https://en.armradio.am/2022/06/28/special-representatives-of-armenia-turkey-to-meet-in-vienna-on-july-1st/> (дата обращения: 15.09.2023)

³³⁷ В Праге проходит встреча Пашиняна и Эрдогана URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/v-prage-sostoyalas-vstrecha-pashinyana-i-erdogana-foto/> (дата обращения: 15.09.2023)

³³⁸ Names to attend the swearing-in ceremony of Turkish President Erdogan URL: <https://www.turkiyenewspaper.com/turkiye/15219> (дата обращения: 15.09.2023)

В этих условиях последние события в Нагорном Карабахе могут стать переломной точкой в отношениях Армении и Турции. 19 сентября 2023 года Азербайджан начал боевые действия в Нагорном Карабахе, заявив о необходимости проведения «антитеррористических мероприятий» по разоружению армянских формирований в регионе. Уже на следующий день при участии миротворческого контингента со стороны России, стороны договорились о прекращении боевых действий на условиях полного разоружения армянских подразделений и вывода их и военной техники с территории Нагорного Карабаха. Азербайджан также объявил о том, что на освобождаемых территориях будет установлено управление в соответствии с конституционным режимом Азербайджана.³³⁹ Никол Пашинян, реагируя на события в Нагорном Карабахе, оценил действия Азербайджана как агрессивные и выразил обеспокоенность в отношении безопасности армянского населения региона. В то же время он подчеркнул, что вооруженные силы Республики Армения не принимают участия в военных действиях на территории Карабаха.³⁴⁰ Президент НКР Самвел Шахраманян 28 сентября подписал указ в соответствии с которым все государственные учреждения республики должны быть распущены и НКР должна прекратить свое существование с 1 января 2024 года.³⁴¹

Данные события повлекли за собой массовый исход армянского населения из территорий Нагорного Карабаха. К 30 сентября регион покинуло более ста тысяч жителей (по данным переписи населения от 2015 года, в непризнанной Нагорно-Карабахской Республике проживали около 151 000 человек).³⁴² Хотя при заключении соглашений с властями НКР речь шла о реинтеграции населения, армяне оценивают свое переселение как

³³⁹ Власти Нагорного Карабаха объявили о прекращении огня и роспуске армии URL: <https://iz.ru/1453231/igor-karmazin/blizost-na-rasstoianii-kak-armeniia-i-turciia-nalazhivaiut-otnosheniia> (дата обращения: 24.09.2023).

³⁴⁰ Հայաստանի Հանրապետությունը ուղմական զործողությունների մեջ ներքաշված չէ և ԼՂ-ում չունի բանակ. URL: <https://www.armenpress.am/arm/news/1119891.html> (дата обращения: 24.09.2023).

³⁴¹ Глава Карабаха подписал указ о прекращении существования республики URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/09/2023/65151c419a79477ea819223d> (дата обращения: 24.09.2023).

³⁴² Почти треть населения Нагорного Карабаха уехала в Армению URL: <https://www.forbes.ru/society/497337-rosti-tret-naseleniya-nagornogo-karabaha-uehala-v-armenii?> (дата обращения: 24.09.2023).

вынужденное.³⁴³ Власти Азербайджана, однако, подчеркивают, что готовы обеспечить армянскому населению защиту его безопасности и гарантии реализации прав, а также возможности сохранению культурных и религиозных практик и иных элементов привычной жизни.³⁴⁴

Правительством Азербайджана был подготовлен План по реинтеграции карабахских Армян, опубликованный в начале октября 2023 года.³⁴⁵ План предполагает официальный переход населения под действие Азербайджанского законодательства и формирование на территории муниципальных органов управления (на переходный период управление осуществляется представительствами Азербайджана, к работе в которых в соответствии с планом предусматривается привлечение армян). Армяне, проживающие на территории Карабаха, должны получить азербайджанское гражданство. Процесс разоружения армянского населения должен быть завершен, а безопасность в регионе обеспечивается уполномоченными органами Азербайджана. При этом, предусматриваются меры по защите прав населения, в том числе и на пользование национальным языком, вероисповедание, участие в местном самоуправлении и пр. План закрепляет необходимость защиты культурных памятников и религиозных сооружений.

Данный план, однако, был раскритикован международной организацией Human Rights Watch.³⁴⁶ Критика касалась недостаточной проработки в плане механизмов защиты прав и интересов армянского населения, а также отсутствие долгосрочных планов по защите прав национальных меньшинств и их интеграции в Армении. Также организация выразила сомнения относительно возможности доверия со стороны армянского населения к

³⁴³ Более 100 тыс. жителей Нагорного Карабаха уехали в Армению URL: https://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/6517d9929a794737e1d1ab9f?utm_source=&utm_medium=&utm_campaign=story_5f7082cf9a79475cbe6fc260&utm_content=6517d9929a794737e1d1ab9f&utm_term= (дата обращения: 24.09.2023).

³⁴⁴ См: Алиев заявил, что Азербайджан обеспечит права и безопасность армян Карабаха URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18876125> (дата обращения: 10.03.2024).

³⁴⁵ Азербайджан приступил к практической деятельности по реинтеграции армянских жителей - Администрация Президента URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3805983.html> (дата обращения: 10.03.2024).

³⁴⁶ См: Refugee Influx Challenges Armenia URL: <https://sepa.org/article/refugee-influx-challenges-armenia/> (дата обращения: 10.03.2024).

властям Азербайджана после многолетнего конфликта с вооруженными столкновениями.

Прогноз правозащитной организации подтвердился, отток населения не прекратился (к середине октября 2023 года примерно 120 тыс. армян бежали из Карабаха в Армению, что составляет большую часть армянского населения региона).³⁴⁷ Это, в свою очередь, поставило перед Арменией задачу по поддержке вынужденных переселенцев. Массовый характер вынужденного переселения потребовал предоставления временного жилья, медицинской помощи, выплат для обеспечения базовых нужд и пр.³⁴⁸ В более длительной перспективе это требует поддержки людей, лишившихся домов, работы и бизнеса по интеграции в новом месте жизни. На сегодняшний день в Армении утвержден ряд мер по поддержке беженцев из Карабаха, включающих переобучение и поддержку в трудоустройстве.³⁴⁹ Армения, таким образом, помимо прочего, столкнулась с необходимостью поддержки беженцев.

Государства не раз предпринимали попытки для урегулирования отношений, при этом одним из ключевых тормозящих факторов выступал конфликт в Нагорном Карабахе, который в сентябре 2023 года привел к утрате независимости НКР и переходу контроля над данной территорией Азербайджану (что, по утверждению властей Армении, сопровождалось масштабными этническими чистками армянского населения Арцаха). Несмотря на то, что конфликт пока вряд ли можно назвать завершенным, наступивший «момент определенности» со статусом Нагорного Карабаха может быть использован для последующей нормализации отношений Армении и Турции. Впрочем, необходимым условием для этого видится полноценная реализация прав армянского населения в Карабахе под юрисдикцией Азербайджана, решение вопроса с вынужденными

³⁴⁷ Президент Армении и верховный комиссар ООН обсудили проблемы беженцев из Карабаха URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19746543> (дата обращения: 10.03.2024).

³⁴⁸ Премьер Армении пообещал ежемесячную помощь для беженцев из Нагорного Карабаха URL: <https://lenta.ru/news/2023/10/01/kompensacia/> (дата обращения: 10.03.2024).

³⁴⁹ В Армении беженцам из Карабаха предложат обязательную работу URL: <https://lenta.ru/news/2024/01/11/v-armenii-bezhentsam-iz-karabaha-predlozhat-obyazatelnyu-rabotu/> (дата обращения: 10.03.2024).

переселенцами, массово покинувшими территорию непризнанной республики вследствие экспансии азербайджанских вооруженных сил.

Можно увидеть, что в то время, как Азербайджан при существенной поддержке со стороны Турции смог добиться разрешения в свою пользу многолетнего конфликта в Нагорном Карабахе, Армения не смогла получить весомой поддержки ни от России, ни от стран Запада.³⁵⁰ Это можно объяснить, во-первых, тем фактом, что с точки зрения международного права территория Нагорного Карабаха относится к Азербайджану, и во-вторых, тем, что Россия, которая ранее принимала более активное участие в урегулировании регионального конфликта на сегодняшний день сконцентрирована на проведении специальной военной операции на территории Украины.

Помимо этого, закономерно предположить, что внешнеполитическая стратегия Еревана, в рамках которой страна балансировала, активно сотрудничая с различными интеграционными объединениями, в условиях возникшей напряженности между Россией и Западом привела к тому, что в столь сложный момент она оказалась между конфликтующими сторонами без достаточно близкого партнера. В этом также можно увидеть подтверждение тезиса о том, что для мировых geopolитических лидеров конфликт между Арменией и Азербайджаном не является значимой сферой интереса. В этих условиях Турция получила еще одну возможность продемонстрировать свою значимость как регионального лидера и надежного партнера.

Указанные события существенным образом влияют на те условия, в которых формируются отношения между Арменией и Турцией. С одной стороны, при участии Турции Армения потерпела поражение в многолетнем региональном конфликте, что еще больше осложняет уже крайне тяжелую историю отношений двух стран. Это негативно влияет на имидж Турции среди населения Армении и осложняет коммуникацию элит. С другой стороны, если события сентября 2023 года послужат окончанием острой фазы конфликта

³⁵⁰ Политолог: Ереван проиграл Баку не только на земле, но и в информационном поле URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/09/26/21368407.shtml> (дата обращения: 27.09.2023).

между Арменией и Азербайджаном, это откроет новые возможности для выстраивания сотрудничества и интеграции региона. Разрешение конфликта в Нагорном Карабахе нивелирует одно из ключевых препятствий во взаимодействии Армении и Турции. В случае, если государства смогут придерживаться прагматичного подхода в отношениях, это может существенно ускорить процесс сближения.

Таким образом, проследив историю развития современных отношений Армении и Турции, можно увидеть, что, несмотря на значительные противоречия, страны не раз предпринимали попытки к установлению дипломатических отношений. Это позволяет предполагать, что в случае окончания конфликта в Нагорном Карабахе страны все же продолжат шаги к сближению. Турция не отказывается от реализации политики неоосманизма, что предполагает включение Армении в зону ее влияния. Поскольку армяно-азербайджанский конфликт по состоянию на сегодняшний момент формально решился в пользу Азербайджана, который поддерживала Турция, это укрепляет позиции страны в регионе и демонстрирует обоснованность ее геополитических амбиций.

Однако даже в условиях столь существенных подвижек в армяно-азербайджанском конфликте сохраняется целый ряд преград для тесного сотрудничества: это и длительная история сложных отношений, и отказ Турции от признания геноцида армян. Играют роль и более прагматичные аспекты. Армения не обладает такими природными ресурсами как Азербайджан и ее экономика значительно слабее турецкой. С точки зрения востоковеда А. Скакова это может оттолкнуть Армению от тесного сотрудничества по причине страха попадания в зависимость от Турции. Эксперт предполагает, что сближение стран ограничится возобновлением сообщения и формирования торговых путей.³⁵¹

³⁵¹ См: Близость на расстоянии: как Армения и Турция налаживают отношения URL: <https://iz.ru/1453231/igor-karmazin/blizost-na-rasstojanii-kak-armeniia-i-turciia-nalazhivaiut-otnosheniia> (дата обращения: 29.09.2023).

Стоит также отметить, что реакция Н. Пашиняна на события в Нагорном Карабахе вызвала существенное недовольство внутри страны. В стране проходят митинги и оппозиционные силы высказывают довольно жесткую критику в отношении действующих властей. Так, бывший премьер-министр Армении В. Манукян назвал действия Н. Пашиняна предательством государства и заявил, что его политика развязет руки Баку и Анкары.³⁵² В целом, среди армянской оппозиции популярна точка зрения, что сближение с Турцией опасно и приведет к поглощению страны турецким миром.³⁵³ Н. Пашинян на фоне протестов выразил обеспокоенность, что волнения и радикальные действия могут привести к государственному перевороту в Армении.³⁵⁴

Усугубило ситуацию давление Азербайджана в отношении других спорных территорий - четырех приграничных азербайджанских сел, занятых армянской армией в 1991–1992 гг.³⁵⁵ и оставшихся под контролем Армении. В марте 2024 года вице-премьер Азербайджана Ш. Мустафаев потребовал возвращения данных территорий Азербайджану в рамках делимитации и демаркации границы.³⁵⁶ Н. Пашинян 19 марта 2024 года заявил о намерении пойти на компромисс и уступить территории Азербайджану, аргументировав это тем, что в случае отказа от уступок Азербайджан может пойти на вооруженный конфликт. Недовольство данным решением привело к тому, что самим Пашиняном был поставлен вопрос о добровольной отставке.³⁵⁷

³⁵² С завтрашнего дня начнутся акции протesta: Экс-премьер Армении обратился к армии URL: <https://news.am/rus/news/784307.html> (дата обращения: 29.09.2023).

³⁵³ Подобной точки зрения придерживаются, например, депутат Агван Варданян и вице-спикер парламента Ишхан Сагателян.

³⁵⁴ Пашинян заявил, что "из разных мест" звучат призывы к перевороту в Армении URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20230919/pashinyan-respublika-armeniya-nikomu-ne-davala-mandat-na-etnicheskie-chistki-v-karabakhe-66065242.html> (дата обращения: 29.09.2023).

³⁵⁵ Ереван, в свою очередь, настаивает на освобождении населенных пунктов, которые, по мнению Армении, были заняты азербайджанцами в 2021–2022 гг.

³⁵⁶ Премьер Армении готов уступить Азербайджану четыре села URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/03/20/1026710-premer-armenii-gotov-ustupit-azerbaidzhanu-chetire-sela> (дата обращения: 10.03.2024).

³⁵⁷ Премьер Армении Пашинян намерен уйти в отставку URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/04/01/22678975.shtml> (дата обращения: 10.03.2024).

Данную ситуацию, можно, оценить как новое обострение противоречий между Азербайджаном и Арменией и использование Азербайджаном уязвимости Армении после потери Нагорного Карабаха и столкновения с потоком беженцев для решения спорных вопросов в свою пользу. С другой стороны, окончательное разрешение отдельных споров может позволить постепенно выстраивать более мирные отношения в регионе.

Можно предположить, что возможности сближения с Турцией зависят также от политических элит Армении и готовности общества принять такой внешнеполитический вектор. Однако, как показывает современная история, Армения последовательно придерживается довольно прагматичных взглядов и демонстрирует готовность к установлению отношений с Турцией.

Представим матрицу, описывающую двусторонние связи Турции и Армении, обобщив изложенную в параграфе информацию (см. Таблицу 4).

Таблица 4. Матрица турецко-армянских отношений

	Политическое взаимодействие	Экономические связи	Безопасность	Социально-культурные отношения
Исторические противоречия	Отсутствие дипотношений; непризнание геноцида	Закрытые границы; отсутствие торговых договоров	Военно-политические союзы с противниками	Историческая память; культурные конфликты
Современные вызовы	Карабахский конфликт; региональная конкуренция	Блокада; ограниченность торговли	Военная поддержка Азербайджана	Взаимное недоверие; негативные стереотипы
Попытки нормализации	Цюрихские протоколы; встречи на высшем уровне	Неофициальная торговля; трудовая миграция	Обсуждение мер доверия	Гуманитарные контакты; общественная дипломатия
Влияние внешних факторов	Позиции России, США, ЕС; международное давление	Региональные проекты; санкции	Военные блоки; региональная безопасность	Влияние диаспор; позиция третьих стран
Позиция элит и общества	Разделение на сторонников и противников нормализации	Интерес бизнеса к сотрудничеству	Оппозиция военному сближению	Сохранение исторических обид
Потенциал сотрудничества	Дiplоматическое признание; региональный диалог	Открытие границ; торговые соглашения	Меры доверия; совместные проекты	Культурный обмен; образовательные программы

Матрица иллюстрирует сложный характер двусторонних отношений через призму исторических противоречий и современных вызовов. Особое внимание здесь уделено попыткам нормализации и влиянию внешних факторов, поскольку это позволяет оценить как существующие препятствия, так и потенциал для развития отношений в различных сферах взаимодействия.

Выводы. Интерес Турции к Армении продиктован тем, что Армения, находясь на пересечении интересов России, Ирана и Запада, представляет собой важный элемент в геополитической стратегии Турции. Установление диалога с Арменией может позволить Турции укрепить свои позиции в Кавказском регионе и снизить влияние России. При этом, в условиях близости с Азербайджаном, установление более конструктивных отношений с Арменией может помочь Турции сбалансировать свои интересы в регионе, что важно для ее внешнеполитической стратегии. Также, учитывая существенное влияние армянской diáspory в различных странах, Налаживание отношений с Арменией может помочь Турции улучшить свой имидж на международной арене и снизить негативные последствия, связанные с историческими конфликтами.

Турция изначально старалась выстроить отношения с Арменией в рамках парадигмы политического прагматизма, и реализовать свои геополитические цели вне зависимости от существующих исторических и идеологических противоречий. Отношения Турции и Армении в настоящее время развиваются в формате взаимодействия с целью нормализации и установления официальных связей. Сегодня дипломатические отношения между государствами отсутствуют, а границы заблокированы со стороны Турции. Однако фактически между странами осуществляется товарооборот и трудовая миграция.

Государства не раз предпринимали попытки для урегулирования отношений, при этом одним из ключевых тормозящих факторов выступал конфликт в Нагорном Карабахе, который в сентябре 2023 года привел к утрате независимости НКР и переходу контроля над данной территорией

Азербайджану (что, по утверждению властей Армении, сопровождалось масштабными этническими чистками армянского населения Арцаха). Несмотря на то, что конфликт пока вряд ли можно назвать завершенным, наступивший «момент определенности» со статусом Нагорного Карабаха может быть использован для последующей нормализации отношений Армении и Турции. Впрочем, необходимым условием для этого видится полноценная реализация прав армянского населения в Карабахе под юрисдикцией Азербайджана, решение вопроса с вынужденными переселенцами, массово покинувшими территорию непризнанной республики вследствие экспансии азербайджанских вооруженных сил.

Для Турции нормализация отношений с Арменией могла бы стать также позитивным вкладом в имидж на международной арене, на фоне ее довольно агрессивной внешней политики последних лет. Для Армении, в свою очередь официальные отношения с Турцией и открытие границы позволят уменьшить зависимость от России.

Армения является одним из адресатов неоосманской политики Анкары и, несмотря на сложности в отношениях государств, Турция демонстрирует заинтересованность в сближении. Турция стремится привлечь Армению к сотрудничеству по развитию логистической инфраструктуры Среднего коридора. Также нееосманские амбиции Турции по интеграции регионов Южного Кавказа и Средней Азии для создания экономического и военно-политического союза, в котором Турция будет выполнять роль лидера предполагают необходимость стабилизации отношений в регионе и вовлечение Армении. Установление отношений между Турцией и Арменией может привести к ограничению российской сферы влияния на восточном фланге НАТО путем создания прямых связей между двумя странами. С учетом амбиций Турции в регионе, где она готова соревноваться с Китаем, Россией и ЕС за влияние сближение с Арменией, также является важным приоритетом.

При этом неоосманская политика в отношении Армении имеет существенную специфику в связи с напряженностью отношений между

странами. Ключевыми факторами, вызывающими эту напряженность, являются, во-первых, последовательная поддержка Турцией Азербайджана в конфликте вокруг Нагорного Карабаха, и, во-вторых, сложная история отношений Турции с армянским народом и отказ на современном этапе признать геноцид армян. В этих условиях армянам трудно преподнести идеи неоосманизма как привлекательные перспективы развития истории. Представляется маловероятным, что Турция сможет представить Армению столь же интенсивную поддержку, как исторически, культурно-религиозно и этнически близкому, богатому ресурсами Азербайджану.

Еще одна сложность состоит в существенном влиянии армянских диаспор на внешнюю политику страны. Они не только служат лоббиированию политических интересов Армении, но и во-многом влияют на позиции страны по вопросам внешнеполитических отношений. При этом позиции представителей диаспор, живущих в других странах, отличаются большей непримиримостью к Турции в отличие от взглядов жителей Армении, которые более чувствительны к прагматичным аспектам перспективы сближения с Турцией, таким как возможность торговли, развития логистических связей, легализации трудовой миграции, получения поддержки в решении социально-экономических сложностей и пр.

Эти факторы обуславливают то, что в попытках выстраивания отношений с Арменией, Турция делает основной акцент на прагматичных аспектах и выгодах сотрудничества. Турция имеет интересы в отношении Армении, которая является адресатом неоосманской политики Анкары, однако, является наиболее неудобной страной для реализации данной политики.

Подобный подход проявляется, в частности, в том, что Турция готова делать активные шаги к сближению в моменты ослабления позиций Армении (например, после вынужденных уступок Азербайджану в Карабахском конфликте), когда вопросы обеспечения стабильности приобретают большую актуальность.

Заключение

Обобщим результаты проведенного исследования, сформулировав основные выводы, полученные в результате решения поставленных задач.

1. В современных исследованиях признается, что внешняя политика любого государства строится на определенных идеологических и ценностных основаниях, которые зачастую могут являться продуктом симбиоза нескольких идей. В работе делается вывод, что современная внешняя политика Турции базируется на идеях пантюркизма (пантуранизма) и неоосманизма. Исторически первая идеология пантюркизма была разработана совместно европейскими и тюркскими деятелями, основываясь на националистических идейных наработках, популярных на рубеже XIX и XX веков. Впоследствии идея создания единого тюркского государства развивалась в Османской империи, желающей вернуть свои утерянные в ходе военных конфликтов территории. Одним из главных средств достижения основной цели идеологий пантюркизма и пантуранизма было объединение территорий и населения Западной Монголии, Центральной Азии, Синьцзяна и Казахстана.

Впрочем, пантюркизм, в отличие от пантуранизма, делал акцент лишь на тюркоязычных народах, тогда как пантуранистские идеологи, основываясь на псевдонаучных расистских изысканиях утверждали наличие «урано-алтайской расы», которая в перспективе может быть объединена в единую политическую общность – Туран (Великий Туран). Пантюркизм же, по сути, представлял собой характерное для рубежа XIX и XX веков светское националистическое движение.

Отдельные европейские страны поддерживали Турцию в реализации ее планов, поскольку распространение пантюркизма могло ослабить сначала Российскую империю, а потом и Советский союз (поскольку на территории данных стран проживало значительное число тюркоязычных народов – в первую очередь, на территории Азербайджана и стран Средней Азии).

Политика российских и советских деятелей предотвратила создание единого тюркского государства и, напротив, раздробила тюркские народы на различные административные единицы.

Однако современная Турция ориентирована не только на развитие экономического сотрудничества, но и на распространение своей культуры и усиление политического влияния³⁵⁸. В последние десятилетия на вооружение взята модернизированная идеология османизма – идеи, где лояльность Османской империи как государству призвана сгладить этнические и религиозные различия народов, населяющих территорию современной Турции, а также сопредельных стран. Также неоосманизм сегодня используется для оправдания активной внешней политики Анкары, своего рода империализма и экспансии (политической и культурной) в сопредельные страны, чьи территории ранее входили в состав Османской империи.

Поэтому сегодня турецкое государство, помимо традиционных инструментов военно-политического давления и экономической экспансии широко использует инструменты «мягкой силы» в сфере образования, средств массовой информации и даже языка. Идеологическим базисом являются идеи пантюркизма и неоосманизма. В публичном дискурсе активно предпринимается обращение к «великому прошлому» времен Османской империи. Ценности национального государства здесь уступают империалистическим устремлениям, воплощением которых является современный неоосманизм.

2. Констатируется, что с момента создания национального турецкого государства (современной Турции) ключевое влияние на внешнюю политику оказывала идеология кемализма, которая включала в себя ряд принципов, заложенных в основу государственности М.К. Ататюрком. В своем внешнеполитическом аспекте кемализм воплотил в себе тенденции к антиимпериализму, характерное для 1920-х гг., а также стремление к

³⁵⁸ Белоглавов А. В., Надыров Р. Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX-начале XXI в.: интеграционный потенциал //Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – №. 7. – С. 1381-1385.

построению прогрессивного светского общества. Длительное время кемализм был господствующей идеологией в Турции, практически не сталкиваясь с серьезными вызовами для своего доминирования (что было особенно характерно в условиях «холодной войны» и биполярного миропорядка). Однако к концу XX века появились первые критически настроенные политические силы – во многом в связи с расцветом «политического ислама», требующего определенной ревизии наследия турецкой государственности – что и произошло полноценно уже в XXI веке после прихода к власти Партии справедливости и развития.

3. В работе констатируется, что основными факторами формирования турецкой внешней политики в XXI веке стали кризис кемализма как национально-ориентированной государственной идеологии и приход ей на смену новой концепции неоосманизма, которая, тем не менее, является довольно мозаичной и состоит из плохо совместимых элементов. Так, многие арабские руководители увидели в новой турецкой политике стремление вернуть старые османские порядки, что вызвало в конечном итоге охлаждение отношений между Турцией и арабскими государствами.

Пантюркизм после начала конфликта между Р.Т. Эрдоганом и Ф. Гюленом несколько лет находится в глубоком кризисе, культурным и образовательным связям нанесен большой урон. Неудачи в политике «мягкой силы» Турция была вынуждена компенсировать прямым военным участием во многих конфликтах в регионе. Сегодня главным идеологическим соперником Турции в области религиозного лидерства является Саудовская Аравия. Это арабское королевство контролирует две главные святыни мусульманского мира – Мекку и Медину. Чтобы поднять престиж Турции в исламской сфере, в июне 2020 года Святая София была провозглашена мечетью. Помимо религиозного содержания это решение видится еще одним жестом разрыва с наследием Ататюрка. Не последнюю роль во внешней политике Турции играют авторитарные устремления Реджепа Эрдогана, изменившего форму правления на президентскую.

С приходом к власти ПСР и нового поколения «умеренных исламистов» внешнеполитическая идеология Турции претерпела значительную трансформацию. За время правления ПСР произошло практически полное преобразование политических принципов («стрел») М.К. Ататюрка: светскость как основа государственности сменилась умеренным исламистским поворотом; этатизм ушел в прошлое; был осуществлен переход от парламентской к парламентско-президентской форме правления; принцип неделимости больше не находит широкой поддержки населения; открыто высказываются суждения о возможности перехода к федеративному территориальному устройству. Что касается внешнеполитической сферы, то здесь также был выявлен отход от политики мирного курса внешней политики, установленного М.К. Ататюрком. Внешняя политика Турции в период правления ПСР в большей степени стала ориентироваться на экспансионизм. Турция с приходом к власти ПСР стала активно выдвигать свои претензии на активное глобальное политическое влияние.

В настоящее время основным постулатом ПСР в сфере внешней политики является необходимость проведения активного самостоятельного внешнеполитического курса, направленного, прежде всего, на разрешение вопросов регионального значения, а также формирование собственной геополитической повестки в масштабе всего мира посредством реализации независимой экономической политики и активного политического взаимодействия по нетипичным для Турции направлениям – а именно со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Развитие этих отношений, по мысли турецкого правительства, должно содействовать построению многополярного мира. Тем не менее, основной акцент по-прежнему делается на участие в решении региональных вопросов (конфликт в Сирии, обострение арабо-израильского конфликта, помочь Азербайджану в решении вопроса Нагорного Карабаха и

т.п.), а наиболее тесные взаимоотношения Турция стремится выстраивать со своими ближайшими соседями.

Установлено, что с 2008 г. внешнеполитическая идеология Турции претерпела значительные изменения. Доктрина «ноль проблем с соседями» трансформировалась сначала в политическую идеологию, согласно которой главной целью Турции является занять лидерские позиции не только в регионе, но и в мире в целом. При этом первоначально основным инструментом достижения данной цели являлось экономическое развитие. Впоследствии в связи с замедлением роста экономики Турции и, в особенности, после негативных монетарных эффектов «пандемийной» экономической политики внешнеполитический курс Анкары стал в большей степени ориентироваться на защиту общечеловеческих ценностей в качестве основы для глобального политического влияния, а также на применение инструментов мягкой силы.

Сегодня эксперты наблюдают скорее «транзакционный», незапланированный, ситуативный тип внешней политики, основанный на pragmatizme и «реальной политике». Однако идеологические предпочтения турецкого правительства и внешнеполитическая доктрина Давутоглу по-прежнему являются важным факторами, определяющими содержание внешней политики – постольку, поскольку неоосманизм остается идеологическим базисом, своего рода стратегическим императивом внешнеполитической деятельности Анкары.

4. В период правления ПСР основные направления внешней политики Турции подвергались неоднократным изменениям: от доктрины «Ноль проблем с соседями» до экспансионистских претензий на трансрегиональное лидерство и защиты общечеловеческих ценностей в их турецкой трактовке с активным использованием механизмов мягкой силы. По мере укрепления позиций правящей партии и лично президента Турции Р.Т. Эрдогана экспансионизм становится все более заметной чертой турецкой внешней политики, которая не теряет актуальности даже в непростых экономических

условиях, вызванных последствиями пандемии COVID-19 и сложившимся на сегодняшний день кризисом европейской безопасности, а также серьезных вызовов безопасности на Ближнем Востоке ввиду обострения арабоизраильского конфликта.

В работе был также проведен подробный анализ структуры институционального механизма реализации внешней политики Турции. Констатируется, что в данном механизме основную роль играют премьер-министр и президент, ключевые министерства и ведомства. Немаловажное значение в процессе принятия внешнеполитических решений имеет дипломатическая служба Турецкой республики.

Также в Турции широко развита и публичная дипломатия, субъекты которой осуществляют «мягкую силу» турецкого государства на международной арене. Яркими примерами агентов публичной дипломатии являются ТИКА (Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию) и Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), которые выступают инструментом расширения турецкого влияния на основе идей пантюркизма. Важную роль во внешнеполитической жизни страны играют и партии. Однако во многом они сосредоточены вокруг лидеров.

Помимо политических партий, свое место в формировании внешнеполитической повестки Турции занимают аналитические центры; некоммерческие организации (НКО), крупные экономические кланы и религиозные группы — тарикаты. Что касается НКО, то они были подразделены на независимые (TUSIAD, Фонд экономического развития) и НКО, которые ориентируются в основном на получение грантов от Европейского Союза или США за выполнение определенных социальных проектов, выгодных этим игрокам.

Наконец, особую роль в принятии внешнеполитических решений продолжает играть генералитет. Армия со времен создания республики являлась гарантом сохранения принципов М. К. Ататюрка. Вместе с тем реальные полномочия были существенно урезаны в последние годы благодаря

активной политике ПСР по превращению военных из субъекта в объект политики, которая стала особенно последовательно проводиться после попытки военного переворота 2016 г.

5. В работе была дана характеристика исследуемого региона. Южный Кавказ (или Закавказье) сегодня имеет важное геополитическое и геоэкономическое значение, которое предопределется его географическим расположением, особенностями государственного устройства, природно-климатическими факторами, этнорелигиозным составом. Государственность на данной территории возникла после распада СССР, что предопределяет «вакуум силы» в регионе. Он становится пространством для конкуренции как ближайших соседей (Россия, Турция, Иран), так и глобальных игроков (США, Китай, ЕС). Балансируя между Востоком и Западом, Севером и Югом, Закавказье остается пространством нестабильности, где уже более тридцати лет продолжаются конфликты, имеющие этнический и религиозный характер. Эти конфликты являются вполне естественными угрозами безопасности, сказывающимися на транспортных и логистических путях – т.е. являются рисками для реализации геоэкономического потенциала региона. Аналогичным образом геополитические амбиции держав, традиционно имеющих серьезное влияние на регион (Россия, Турция, Иран) тоже повышают риски возможных противоречий и столкновений интересов, чреватых конфликтами. Южный Кавказ в этом плане традиционно остается нестабильным пространством.

6. Установлено, что в XXI веке Турция стала проводить гораздо более активную внешнюю политику, базируясь на собственных национальных интересах и растущих геополитических амбициях. С одной стороны, этому способствовало окончание «холодной войны» и изменение глобальной политической обстановки, с другой – приход в 2002 году к власти ПСР, отступившей от кемалистских принципов во внутренней и внешней политике. Основными идеологическими составляющими стали неоосманизм, пантюркизм и панисламизм.

Обращение к историческому прошлому и опыту является в каком-то смысле реваншизмом – Турция поставила себе цель стать влиятельной региональной державой и использует все доступные средства для этого. К середине 2010-х годов и по сей день Турция от концепции мягкой силы переходит ко все более агрессивной внешней политике и открытым военным операциям в ближайшем зарубежье. Регион Южного Кавказа Турция сегодня воспринимает крайне важным в рамках своего курса, направленного на доминирование на Большом Ближнем Востоке.

В настоящее время турецкое правительство пытается поддерживать сбалансированные отношения со всеми странами региона, но по многим причинам политика Турции на Южном Кавказе по-прежнему определяется ее отношениями с Азербайджаном, который является основным союзником и экономическим партнером Анкары. Отношения стратегического партнерства здесь вполне укладываются в логику пантюркизма: турецкое правительство заинтересовано в бесконфликтных и максимально тесных взаимосвязях с родственным в этнорелигиозном и культурном плане Азербайджаном.

Также конструктивные и взаимовыгодные отношения экономического (и, до недавнего прошлого, военно-политического) характера сложились в отношениях Турции и Грузии. Через грузинскую территорию Турция реализует стратегически важные для своей экономики транспортно-логистические проекты в области энергетики.

Отношения с Арменией остаются замороженными, несмотря на попытки их «перезагрузки» в начале 2010-х гг. Сложности здесь определяются конфликтом в Нагорном Карабахе, где Турция как дипломатически, так и в военном плане поддерживала Азербайджан в его стремлении к восстановлению территориальной целостности и приветствует восстановление «конституционного порядка» в том смысле, в котором присоединение НКР воспринимается официальным Баку.

7. В настоящее время можно констатировать систематические усилия Турции по превращению во влиятельную региональную державу, опираясь на

туркские государства с использованием политики пантюркизма и неоосманизма. Тюркские страны в постсоветском регионе являются особенно важными для Турции, поскольку на данном пространстве она может предложить проекты интеграции, альтернативные российским и китайским, опираясь на чувство общности, культурные и лингвистические связи.

Установлено, что, несмотря на то, что роль концепции мягкой силы во внешней политике Турции занимает важную роль, власти также не забывают о применении жесткой силы, что в целом позволяет эффективно комбинировать данные инструменты в достижении собственных целей. Более того, примерно с 2013 г. во внешней политике Турции явно преобладают «жесткие» элементы, поскольку амбициозная цель региональной гегемонии при нынешнем количестве ресурсов не может быть достигнута Анкарой только лишь за счет «мягкого воздействия» на другие страны. Однако этот тезис в большей степени применим к политике Турции на Ближнем Востоке и Африке к югу от Сахары.

Что же касается Южного Кавказа, то здесь, несмотря на меньшую влиятельность и меньшие финансовые ресурсы, чем у других региональных акторов, Турция наглядно демонстрирует языковую и этнокультурную близость к тюркоязычным народам, а также доказывает свою надёжность как партнера и в какой-то мере «старшего брата». Разумеется, наиболее ярко этот статус раскрывается в отношениях с Азербайджаном.

8. Также в работе было подробно изучено международное сотрудничество Турции с тремя странами Южного Кавказа. Во-первых, были констатированы наиболее тесные связи с Азербайджаном. Турция первой в мире признала независимость Азербайджана. Государства «обменялись» посольствами и консульствами; они активно сотрудничают на межпарламентском уровне, взаимодействуют на международных площадках, таких, например, как ООН, Организация тюркских государств и др.

На протяжении более чем трех десятилетий Турция остаётся верным союзником Азербайджана, помогая укреплять независимость и сохранять

территориальную целостность. Двусторонние отношения носят характер стратегического партнерства. Турция неизменно и решительно отстаивала позицию Азербайджана относительно Нагорного Карабаха.

Турция является решительным сторонником Азербайджана в его усилиях по укреплению своей независимости, сохранению территориальной целостности и реализации своего экономического потенциала, обусловленного богатыми природными ресурсами Каспийского моря. Более того, возможность доступа к каспийской нефти для Турции это как расширение собственного энергетического сектора, так и открытие доступа к прямым инвестициям в перспективные нефтяные месторождения в ближайшем регионе.

Экономическое и социальное сотрудничество государств в целом неуклонно развивается не только в энергетике, но и в таких секторах, как транспорт, машиностроение, легкая промышленность, фармацевтика, здравоохранение, образование. Особо следует отметить военное сотрудничество сторон: Турция всемерно поддерживает Азербайджан по вопросу его вступления в НАТО, помогая привести вооруженные силы Азербайджана к соответствующим стандартам. На высоком уровне находятся также культурно-религиозные связи.

В то же время, интересы Турции в Азербайджане зачастую вступают в противоречие с интересами России и западных акторов. Кроме того, предстоит решить ряд проблемных вопросов не только с ними, но и с соседями по закавказскому региону, остающихся актуальными после упразднения Нагорного Карабаха, а также связанных с развитием старых и созданием новых транспортных и энергетических коридоров.

9. Значимость географического положения Грузии для Турции издавна определялась рядом факторов, определивших соответствующий вектор турецкого внешнеполитического курса, что в свою очередь определило заинтересованность Турции в углублении и упрочении отношений с Грузией в самых разных сферах, от образования и культуры до экономики и политики.

В то же время Анкара уделяет повышенное внимание поиску новых путей для усиления влияния на Тбилиси.

По заявлению обеих сторон, в настоящее время Турция и Грузия - стратегические партнеры. Турция имеет генеральное консульство в Батуми; Грузия - два генеральных консульства в Стамбуле и Трабзоне. Страны развиваются сотрудничество в таких областях, как экономика, транспорт, энергетика, культура, образование, а также в сфере региональной безопасности. Однако, историческое прошлое и устоявшийся в грузинском обществе образ завоевателя в лице Турции (в недавнем прошлом как Османской империи) мешают быстро и успешно реализовать политику «мягкой силы» и распространить свое влияние в Грузии еще более широко.

Очевидно, что Турция на протяжении последних трех десятилетий не смогла полностью сохранить следование собственной доктрине «ноль проблем», развивая отношения с соседними странами, в том числе и с Грузией, на основе строго экономического сотрудничества при полном невмешательстве в их внутренние дела. Иными словами, использование Турцией «мягкой силы» для получения влияния на Грузию не дало желаемого результата в той мере, в какой виделось в Анкаре.

Кроме того, турецко-грузинские отношения продолжают развиваться на фундаменте, который был заложен в начале 2000-х годов, без актуальных обновлений. К тому же современной Турции в ее внешней политике более не присущи принципы «стратегической глубины» и отсутствия проблем с соседями. Дополнительными раздражителями служат разногласия территориального и конфессионального свойства, причём инструменты мягкой силы, которыми располагает Анкара, пока не позволяют эффективно работать с этими чувствительными темами. Тем не менее общий баланс складывается в пользу Турции: в политическом, экономическом и военном измерениях она сумела закрепиться в Грузии достаточноочноочно, превратившись в одного из ключевых внешних игроков для Тбилиси.

10. Наконец, Армения – третья страна Южного Кавказа - тоже является одним из адресатов неоосманской политики Анкары и, несмотря на сложности в отношениях государств, Турция демонстрирует заинтересованность в сближении. Турция стремиться привлечь Армению к сотрудничеству по развитию логистической инфраструктуры Среднего коридора. Также нееосманские амбиции Турции по интеграции регионов Южного Кавказа и Средней Азии для создания экономического и военно-политического союза, в котором Турция будет выполнять роль лидера предполагают необходимость стабилизации отношений в регионе и вовлечение Армении. Установление отношений между Турцией и Арменией позволит ограничить российскую сферу влияния на восточном фланге НАТО путем создания прямых связей между двумя странами. С учетом амбиций Турции в регионе, где она готова соревноваться с Китаем, Россией и ЕС за влияние сближение с Арменией также является важным приоритетом.

Однако на сегодняшний день дипломатических отношений между государствами нет, а границы заблокированы со стороны Турции. Впрочем, фактически между странами осуществляется товарооборот и трудовая миграция. Государства не раз предпринимали попытки для урегулирования отношений, при этом одним из ключевых тормозящих факторов выступал конфликт в Нагорном Карабахе, который в сентябре 2023 года привел к утрате независимости НКР и переходу контроля над данной территорией Азербайджану (что, по утверждению властей Армении, сопровождалось масштабными этническими чистками армянского населения Арцаха). Несмотря на то, что конфликт пока вряд ли можно назвать завершенным, наступивший «момент определенности» со статусом Нагорного Карабаха может быть использован для последующей нормализации отношений Армении и Турции.

Для Турции нормализация отношений с Арменией могла бы стать также позитивным вкладом в имидж на международной арене, на фоне ее довольно агрессивной внешней политики последних лет. Для Армении, в свою очередь

официальные отношения с Турцией и открытие границы позволяют уменьшить зависимость от России.

Библиография

1. Аватков В. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. №3 (1645).
2. Аватков В.А. «Арабская весна» по-турецки [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/?id_4=122 (дата обращения 17.07.2023)
3. Аватков В.А. Внешнеполитическая идеология Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития дисс. канд. полит. наук. М.: 2013.
4. Аватков В.А. Внешнеполитическая линия Турецкой Республики в отношении стран Закавказья в контексте внешнеполитической идеологии Турции // Ежегодник ИМИ. 2014. №2.
5. Аватков В.А. Внешнеполитический процесс в современной Турции // Внешнеполитический процесс на Востоке: Учебное пособие для студентов вузов. Под ред. Д.В.Стрельцова, М., Аспект Пресс, 2017.
6. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная Мысль. 2014. №3.
7. Аватков В.А. Турция и «Тюркский мир» в СМО // Актуальные проблемы международных отношений в XXI веке. М.: Дашков и К, 2018.
8. Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика 2018. № 2.
9. Аватков В.А., М. Кочкин Парламентские выборы в Турции: стремление Партии справедливости и развития ко всеобъемлющей внешней политике // Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики в отношении России (2010–2015 гг.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/272653/> (дата обращения 15.08.2023)
10. Азербайджан и Турция перешли на взаимные поездки граждан по внутренним паспортам / ТАСС, 1 апреля 2021 [Электронный ресурс].

URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11044691> (дата обращения: 03.10.2023).

11. Азербайджан подписал меморандум о взаимопонимании с Турцией по поставкам природного газа в Нахчыван / REPORT, 15 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://report.az/ru/energetika/azerbajdzhan-podpisal-memorandum-o-vzaimoponimanii-s-turciej-po-postavkam-prirodnogo-gaza-v-nahchivan/> (дата обращения: 04.10.2023).
12. Азербайджано-турецкий военный договор свидетельствует о растущей неудовлетворенности переговорами при посредничестве Минской группы – Аналитики [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://russian.eurasianet.org/node/58511> (дата обращения: 28.08.2023)
13. Айдын М. Турция и государства Кавказа // Кавказ и глобализация. 2006. №1(1).
14. Акопян В. Турция использует американскую стратегию «контролируемого хаоса» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1289484.html> (дата обращения 11.07.2023)
15. Акчура Ю. Три вида политики / пер. Р. Ф. Мухаметдинова // Татарстан. Казань, 1994. № 3–6
16. Алексанян Л.М. Грузия во внешней политике Турции на современном этапе. Дисс. канд. полит. наук. М., 2019.
17. Алексанян Л.М. Политика «Мягкой силы» Турции в отношении Грузии // Вестник МГИМО. 2016. №2 (47).
18. Алексанян Л.М. Политика «мягкой силы» Турции в отношении Грузии // Вестник МГИМО(Университета). 2016. № 3. Т.16.
19. Алексанян Л.М. Развитие турецко-грузинских отношений: новые тенденции (экономические и военно--политические аспекты// Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4(2).
20. Алиев И. Г. Каспийская нефть Азербайджана. М.: Известия, 2003.
21. Анкара поддержала операцию Баку в Карабахе / РИА Новости, 19 сентября 2023 [Электронный ресурс]. URL:

<https://ria.ru/20230919/karabakh-1897383411.html> (дата обращения: 03.10.2023).

22. Араз Б., Каракаш-Келеш Х. Армяно-турецкие отношения: Критический анализ // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 4 (22).
23. Атлас мира: Максимально подробная информация / Руководители проекта: А. Н. Бушнев, А. П. Притворов. Москва: АСТ, 2017.
24. Атрисангари Ф. Внешняя политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы / Вестник Российского Университета Дружбы Народов, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/23275/18003> (дата обращения: 02.10.2023).
25. Бабаян Д. Роль и место Южного Кавказа в геополитической повестке Китайской Народной Республики // 21-й век. 2011. №2 (18).
26. Бахревский Е. Политика «нового османизма» Турции и постсоветское пространство / Регnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/article/1467970> (дата обращения: 30.09.2023).
27. Бдоян Д.Г. Трансформация российско-турецких отношений в условиях борьбы Турции за региональное лидерство (2002-2017 гг.). Дисс. кандидата истор. наук. М., 2017.
28. Белов В.Б., Языкова А.А. Региональное измерение Большой Европы. В кн.: Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под общ. ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: Весь мир, 2014.
29. Белоглазов А. В., Надыров Р. Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX-начале XXI в.: интеграционный потенциал // Манускрипт. 2021. Т.14. №.7.
30. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998.
31. Близость на расстоянии: как Армения и Турция налаживают отношения URL: <https://iz.ru/1453231/igor-karmazin/blizost-na-rasstoianii-kak-armeniia-i-turciia-nalazhivaiut-otnosheniia> (дата обращения: 15.09.2023).

32. Более 100 тыс. жителей Нагорного Карабаха уехали в Армению URL: https://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/6517d9929a794737e1d1ab9f?utm_source=&utm_medium=&utm_campaign=story_5f7082cf9a79475cbe6fc260&utm_content=6517d9929a794737e1d1ab9f&utm_term= (дата обращения: 24.09.2023).
33. Буракова, Л. Почему у Грузии получилось. М.: Юнайтед-Пресс, 2011.
34. В Армении заявили, что сотрудничают с НАТО и готовы продолжать диалог URL: <https://tass.ru/mezhunarodnaya-panorama/18651753> (дата обращения: 15.09.2023).
35. В Баку анонсированы завершение пандемии и запуск спецпортала для выезжающих на лечение в Турцию / Vesti.Az, 22 сентября 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti.az/sodium/v-baku-anonsirovany-zaversenie-pandemii-i-zapusk-specportala-dlya-vyezzayushhix-na-lecenie-v-turciyu-472568> (дата обращения: 03.10.2023).
36. В Баку состоялся Всемирный экономический форум на тему «Стратегический диалог о будущем Южного Кавказа и Центральной Азии» // Бакинский рабочий. 2013. Апрель.
37. В Праге проходит встреча Пашиняна и Эрдогана URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/v-prage-sostoyalas-vstrecha-pashinyana-i-erdogana-foto/> (дата обращения: 15.09.2023)
38. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Восточная литература, 2003.
39. Владимир Путин: Распад СССР - крупнейшая геополитическая катастрофа века [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/444083> (дата обращения: 12.09.2023)
40. Власти Нагорного Карабаха объявили о прекращении огня и роспуске армии URL: <https://iz.ru/1453231/igor-karmazin/blizost-na-rasstoianii-kak-armeniia-i-turciia-nalazhivaiut-otnosheniiia> (дата обращения: 24.09.2023).
41. Внешняя торговля Азербайджана 2022 / Статистический Комитет АР Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL:

- https://web.archive.org/web/20230218082815/https://customs.gov.az/uploads/foreign/2022/2022_12.pdf?v=1674644815 (дата обращения: 03.10.2023).
42. Габер Е. Политика Турции на Кавказе и в Центральной Азии в постсоветский период // Центральная Азия и Кавказ 2011. №3 (14).
 43. Гаджиев А. Турция после майских выборов 2023 г.: победа Эрдогана и распад оппозиции [Электронный ресурс] // РСМД. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turtsiya-posle-mayskikh-vyborov-2023-g-pobeda-erdogana-i-raspad-oppozitsii/> (дата обращения 22.07.2023)
 44. Гаджинская Н., Гаджинский Э. Геополитика в регионе Южного Кавказа на современном этапе и новая конфигурация политических сил // Современная научная мысль. 2021. №4.
 45. Геворгян А.Г., Енокян А. В., Мелконян Л. А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3 (19).
 46. Гегелашвили Н.А. Страны Закавказья в политике Турции и США//США и Канада: экономика, политика, культура 2020. №10.
 47. Гегелашвили Н.А. Страны Закавказья в политике Турции и США//США и Канада: экономика, политика, культура 2020. №10.
 48. Глава Карабаха подписал указ о прекращении существования республики / РБК, 28 сентября 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/09/2023/65151c419a79477ea819223d> (дата обращения: 03.10.2023)).
 49. Глава Карабаха подписал указ о прекращении существования республики URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/09/2023/65151c419a79477ea819223d> (дата обращения: 24.09.2023).
 50. Главы Азербайджана, Турции и Грузии открыли железнодорожную линию [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://www.svoboda.org/a/28824200.html> (дата обращения: 27.08.2023)

51. Гоксел Д. Кавказская политика Турции // Кавказское соседство: Турция и Южный Кавказ. Ереван: Институт Кавказа, 2008.
52. Грузия теряет еще один регион: как Турция поглощает Аджарию / РЕН ТВ, 12 октября 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://ren.tv/blog/georgii-makharashvili/889970-gruziia-teriaet-eshche-odin-region-kak-turtsiia-pogloshchaet-adzhariiu> (дата обращения: 30.09.2023).
53. Грузия, Турция и Азербайджан возобновят трехстороннее парламентское сотрудничество / SPUTNIK.Грузия, 29.09.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20230929> (дата обращения: 29.09.2023).
54. Гузаев Р.И., Ахметкаимов Б.Г. Проявление идеологического фактора во внешней политике Турции // Казанский вестник молодых ученых. 2020. №3.
55. Давутоглу подал в отставку с поста премьер-министра Турции [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://lenta.ru/news/2016/05/22/ahmet/> (дата обращения: 28.07.2023)
56. Детали: Готов ли Израиль вновь поссориться с Турцией из-за курдов. октябрь 2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://detaly.co.il/kurdy-nuzhdayutsya-v-podderzhke-izrailya-i-ssha/> (дата обращения 13.08.2023)
57. Документы министерства иностранных дел Германии // Германской политики в Турции (1941-1943 гг.). М.: Госполитиздат, 1946.
58. Егиазарян В. «Неопантюркизм - глобальный обзор»: турки Болгарии // DiplomatAM, 2013. URL: http://www.diplomat.am/load/public/turki_bulgarii/5-1-0-44 (дата обращения: 14.08.2023).
59. Емельянова Н.М. Эрдоган VS Гюлен: новейшие тенденции в политическом развитии Турции // Вестник РГГУ. 2017. № 2(8).
60. Енокян А.В., Станис Д.В. Фактор политики «мягкой силы» в продвижении турецких интересов в Грузии // Постсоветские исследования. Т.5. № 8 (2022).

61. Еремеев, Д. Е. История турецкой общественной мысли XI-XXI веков. М.: Квадрига, 2016.
62. Зареванд. Турция и пантуранизм / Зареванд; введ. А. Н. Мандельштама. М.: Ключ-С, 2015.
63. Зачем Эрдогану альянс с Тбилиси и Баку? / Рамблер, 02 августа 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/army/46936347/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 29.09.2023).
64. Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М.: Аспект Пресс, 2017.
65. Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира. <http://i-r-p.ru/page/stream-library/index-3065.html> (дата обращения: 1.07.2023)
66. История Азербайджана В 3 томах. - Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР, 1963.
67. Ишанова Д.М. Зарождение идеологии тюркизма // Молодой ученый. 2020. №14 (304).
68. К 2025 году Срединный коридор будет пропускать до 10 млн тонн грузов URL: <https://vestikavkaza.ru/news/k-2025-godu-sredinnyj-koridor-budet-propuskat-do-10-mln-tonn-gruzov.html> (дата обращения: 09.08.2023).
69. Киреев Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007.
70. Конституция Турецкой Республики [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://legalportal.am/download/constitutions/227_ru.pdf (дата обращения 22.07.2023).
71. Кочоян Д. Причины краха доктрины Ахмета Давутоглу «Ноль проблем с соседями». NewsFront, 2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://news-front.info/2016/02/08/prichiny-kraxa-doktriny-axmeta-davutoglu-nol-problem-s-sosedyami-dzhamilya-kochoyan/> (дата обращения 11.07.2023).
72. Кризис не за горами: Азербайджан и Армения на пороге новой войны / ИЗВЕСТИЯiZ, 10 января 2025 [Электронный ресурс] // Режим доступа:

<https://iz.ru/1819583/igor-karmazin/krizis-ne-za-gorami-azerbaidzan-i-armenia-na-poroge-novoi-voiny> (дата обращения: 11.01.2025).

73. Кто разворачивает Баку и Анкару в сторону Запада? / Регнум 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/article/3532639> (дата обращения: 04.10.2023).
74. Кулиева Н. От «стратегической глубины» к «голубой родине» // Российский совет по международным делам, 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/ot-strategicheskoy-glubiny-k-goluboy-rodine-novaya-turetskaya-politika-v-vostochnom-sredizemnomore/> (дата обращения: 09.08.2023).
75. Маврина Ю. Концепция внешней политики Турции ахмета Давутоглу // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения, 2014. №1.
76. Махир Халифа-Заде. Иран и борьба за влияние на Южном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Т. 14. №1.
77. Мачавариани Г.Г. Внешняя политика Грузии на Южном Кавказе (1991–2016): дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М.: РУДН, 2017.
78. Мачавариани Г.Г. Внешняя политика Грузии на Южном Кавказе (1991–2016 гг.). Дисс. кандидата историч. наук. М., 2017.
79. Медведев прибыл в Ереван продлить договор о военной базе [Электронный ресурс] // Режим доступа https://www.bbc.com/russian/international/2010/08/100819_armenia_russia_military_base (дата обращения: 28.08.2023)
80. Менгес К. Тюркские языки и тюркские народы, Висбаден, 1968.
81. Мехдиев Э.Т. «Неоосманизм» в региональной политики Турции // Вестник МГИМО. 2016. №2 (47).
82. Мехтиев Э. Дружба и братство Турции с Азербайджаном имеют глубокие исторические корни / Trend news agency [Электронный ресурс] . URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3284399.html> (дата обращения: 02.10.2023).

83. Микаил Джаббаров продвигает экономическое сотрудничество между Азербайджаном и Турцией / Day.Az, 27 июля 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.day.az/economy/1584644.html> (дата обращения: 03.10.2023).
84. Мкртычан А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе как глобальная проблема в современных международных отношениях // Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, 2003.
85. Мухамметдинов Р. Зарождение и эволюция тюркизма / Казань, 1995.
86. Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. №2.
87. Надеин-Раевский В.А. Поиск новой идентичности и внешняя политика Турции. М.: Российский Совет по международным делам, 2016.
88. Наджафов Э.Н. Южный Кавказ: тернистый путь к безопасности. М.: Научная книга, 2005.
89. Названо число обучающихся в Турции азербайджанских студентов / Day.Az, 18 декабря 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.day.az/society/1417229.html> (дата обращения: 02.10.2023).
90. Нарчемашвили Н. Турция – самый активный партнер Грузии [Электронный ресурс] URL: <http://bizzone.info/articles/1325640148.php> (дата обращения: 29.09.2023).
91. Насибова А.С. Эволюция идей пантюркизма во внешней политике Турецкой Республики // Современные евразийские исследования. 2015. №3.
92. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Международные отношения, 2013. №2.
93. Нифонтов, В. Турецкая рокировка // Спецназ России. М., 2007. №4 (127).
94. Нуриев Б.Д., Колтыгин А.С. Турецко-израильские отношения в "эпоху Эрдогана": фактор углеводородов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. №6-2.

95. Нуриева К. А. Роль саммитов глав тюркоязычных государств в формировании концепции тюркского единения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №7.
96. Озен М.А. Стратегические интересы Запада, России, Турции, Ирана на Южном Кавказе в начале XXI в // Мировая политика. 2018. № 3.
97. Орешкова С.Ф. Внутриполитические особенности развития Турции как фактор, препятствующий установлению безраздельной власти Партии справедливости и развития // Эпоха правления в Турции Партии справедливости и развития: промежуточные итоги и прогнозы (2002 – 2015) // Отв. ред. Н.Ю. Ульченко, И.И. Иванова. М.: ИВ РАН. 2017.
98. «Ось Турции» и «новая эра тюрок»: тюркский мир / EurAsia Daily, 25 июля 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/07/25/os-turcii-i-novaya-era-tyurok-tyurkskiy-mir-turciya-i-centralnaya-aziya-intervyu> (дата обращения: 11.01.2025).
99. Официальный сайт Правительства Западной Армении в изгнании. Արևմտյան Հայաստանի վարչական կառավարության կայք URL: <https://www.westernarmeniangovernment.org/> (дата обращения: 15.09.2023).
100. Пантюркистский проект (Турецкий) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.geopolitics.ru/2012/09/pantyurkistskij-proekt-turan/> (дата обращения: 1.07.2023)
101. Парубочая Е.Ф. Сотрудничество Турции и Азербайджана в военной сфере в XX-XXI вв // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 6 (36).
102. Пашиян заявил, что "из разных мест" звучат призывы к перевороту в Армении URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20230919/pashinyan-respublika-armeniya-nikomu-ne-davala-mandat-na-etnicheskie-chistki-v-karabakhe-66065242.html> (дата обращения: 29.09.2023).

103. Первый госвизит премьер-министра Грузии в Турции завершился – итоги / Sputnik. Грузия, 02.06.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20210602/Pervyy-gosvizit-premer-ministra-Gruzii-v-Turtsii-zavershilsya---itogi-251906297.html> (дата обращения: 29.09.2023).
104. Переварив» Карабах, азербайджано-турецкий tandem пойдет на Зангезур / EAD, 1 октября 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily-com.turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2023/10/01/perevariv-karabah-azerbaydzhano-tureckiy-tandem-poydet-na-zangezur-tyurkolog> (дата обращения: 03.10.2023).
105. Платформа «Центральная Азия — Южный Кавказ» для активации Срединного коридора URL: <https://www.ankasam.org/52515> (дата обращения: 09.08.2023).
106. Политические отношения между Турцией и Грузией / Турецкая Республика. Министерство иностранных дел [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkiye-and-georgia.ru.mfa> (дата обращения: 30.09.2023).
107. Политолог: Ереван проиграл Баку не только на земле, но и в информационном поле URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/09/26/21368407.shtml> (дата обращения: 27.09.2023).
108. Полтора века пантюркизма в Турции // Панорама. 1993. № 1 (35).
109. Прессаков В. Исламская мозаика / Валентин Прессаков // Газета «Завтра». 2009. 2 декабря. № 49 (837).
110. Революция победила, но до триумфа далеко [Электронный ресурс] // Режим доступа https://www.ng.ru/world/2011-10-24/8_livia.html (дата обращения: 28.07.2023)
111. Россия и Турция договорились о создании центра по мониторингу в Карабахе / РИА Новости, 11 ноября 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20201111/karabakh-1584195437.html> (дата обращения: 02.10.2023).

112. С завтрашнего дня начнутся акции протеста: Экс-премьер Армении обратился к армии URL: <https://news.am/rus/news/784307.html> (дата обращения: 29.09.2023).
113. Салум Х.Е. Позиция Турции по конфликту вокруг иракского кризиса 2003 г. и активизация различных направлений турецко-иракских отношений после войны в Ираке// Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Международные Отношения, 2013.
114. Сафрастян Р. Армяно-турецкие отношения: попытка теоретической интерпретации с позиций реалистической школы // Ориентиры внешней политики Армении. Ереван, 2002.
115. Сафрастян Р. Проблема признания геноцида во внешней политике Армении: разноуровневый анализ // 21-й Век. Информационно-аналитический журнал Фонда «Нора-банк». Ереван, 2005. № 1.
116. Сколько людей живет в Турции? / MIGRANTUMIR [Электронный ресурс] .URL: <https://migrantumir.com/naselenie-turcii-kto-prozhivaet-namorskom-beregu/#close> (дата обращения: 02.10.2023)).
117. Смена власти в Египте: реакция мирового сообщества [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://tass.ru/archivethemes/629217> (дата обращения: 28.07.2023)
118. Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком. // Под ред. Шмелева Н. П., Гусейнова В. А., Языковой А. А. М.: Издательский дом «Граница», 2006.
119. Срединный коридор (Транскаспийский международный транспортный маршрут) URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 09.08.2023).
120. Стародубцев И.И. Трансформирующаяся Турция. М., 2011.
121. Суванова М.С. Политика Турции на Южном Кавказе. Проблемы постсоветского пространства. 2018. №5 (3).
122. Сулейманов А.В. Политическая идеология Ататюрка // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2015. №2 (30).

123. Терехов Р. Влияние идеологии пантюркизма на внешнюю политику Османской Империи и Турецкой республики в XX веке // Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2011.
124. Турецкие военные саперы прибыли в Азербайджан / Официальный сайт Министерства обороны Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://mod.gov.az/ru/news/tureckie-voennye-sapery-pribyli-v-azerbajdzhan-33920.html> (дата обращения: 02.10.2023).
125. Турция договорилась с Азербайджаном по газу / Коммерсантъ, 14 октября 2021 [Электронный источник]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5030921> (accessed: 04.10.2023).
126. Турция налаживает перепродажу азербайджанского газа EAD, 29 сентября 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com.turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2023/09/29/turciya-nalazhivaet-pereprodazhu-azerbaydzhanskogo-gaza-moldaviya-v-pervyh-ryadah> (дата обращения: 04.10.2023).
127. Турция планирует поставлять газ в Европу вместе с Азербайджаном / РИА Новости, 8 апреля 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230408/gaz-1863942197.html> (дата обращения: 04.10.2023).
128. Турция приглашает Армению к сотрудничеству в рамках "Среднего коридора" – Чавушоглу URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20230131/turtsiya-priglashaet-armeniyu-k-sotrudnichestvu-v-ramkakh-srednego-koridora---chavushoglu--54612370.html> (дата обращения: 09.08.2023).
129. Турция, Азербайджан и Пакистан подписали Бакинскую декларацию / EurAsia Daily. 27 июля 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/07/27/turciya-azerbaydzhan-i-pakistan-podpisali-bakinskuyu-deklaraciyu> (дата обращения: 02.10.2023).
130. Турция официально оспоривает «монопольную победу Азербайджана» в 44-дневной Арцахской войне / Общество Русско-Арцахской дружбы, 11

января 2025 [Электронный ресурс] // Режим доступа:
https://dzen.ru/a/Z23GPX_q9yo3ND4K (дата обращения: 11.01.2025).

131. Уразова Е.И. Инвестиционная политика Турции после прихода к власти Партии справедливости и развития // Эпоха правления в Турции Партии справедливости и развития: промежуточные итоги и прогнозы (2002 – 2015) // Отв. ред. Н.Ю. Ульченко, И.И. Иванова. М.: ИВ РАН. 2017.
132. Цюрихские протоколы подписали позже из-за разногласий по выступлениям [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://ria.ru/20091011/188333179.html> (дата обращения: 1.09.2023)
133. Челикпала, М. Турция и Южный Кавказ в 2009 г. // Кавказ-2010. Ежегодник Института Кавказа. Ереван, 2012.
134. Червонная С.М. Гаспринский И. – выдающийся крымско-татарский просветитель и гуманист // Этнографическое обозрение. 1992. № 1.
135. Чоротегин Т. Об отдельных изъянах общего учебника по истории тюркских народов // Радио Азаттык, 2021. https://rus.azattyk.org/a/turkic_history_2021_longread_istoriya-tyurkskikh-narodov_tch_mnenie-ob-uchebnike/31076075.html (дата обращения: 11.08.2023).
136. Шлыков П.В. Общество социальных инициатив: трансформация гражданской активности в Турции в 1990-х и 2000-х гг. // Турция в период правления Партии справедливости и развития: сборник статей. М.: Институт Ближнего Востока РАН, 2012.
137. Шпаковская М.А., Барнашов О.В. Концепция неоосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции // Азия и Африка сегодня. 2018. № 2 (727).
138. Эрдоган и Зурабишвили обсудили двусторонние связи / MTDIA.AZ, 10 августа 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://media.az/world/1067826986/erdogan-i-zurabishvili-obsudili-dvustoronne-svyazi/> (дата обращения: 29.09.2023).

139. Эрдоган обвинил Россию, Францию и США в поставках вооружения Армении // Комсомольская правда, 2020. URL:
<https://www.kp.ru/online/news/4051204/> (дата обращения: 20.08.2023).

140. Эрдоган поддержал Мурси и осудил Запад за лицемерие [Электронный ресурс] // Режим доступа https://archive.9tv.co.il/news/2013/07/05/153805.html (дата обращения: 28.07.2023)

141. Эрдоган подписал указ сделать собор Святой Софии мечетью [Электронный ресурс] // Режим доступа https://ria.ru/20200710/1574182372.html (дата обращения: 28.07.2023)

142. Эрдоган: Мы, как одна нация – шесть государств, станем еще сильнее // APA, 2019. URL: <https://apa.az/public/index.php/tu> (дата обращения: 14.08.2023). Кобринский А. Пантюркизм как неоосманский проект // Независимая Газета, 2021. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2021-05-23/11_8154_asia.html (дата обращения: 14.08.2023).

143. Эшба Э.Д. Региональное сотрудничество на Черном море: достижения, проблемы, перспективы. Москва: МГИМО; 2013.

144. Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы). Отв. ред. и рук. авт. кол. В.А. Гусейнов. М.: Красная звезда, 2008.

145. Հայաստանի Հանրապետությունը ռազմական գործողությունների մեջ ներքաշված չէ և ԼՂ-ում չունի բանակ. URL: <https://www.armenpress.am/arm/news/1119891.html> (дата обращения: 24.09.2023).

146. Մերժ Սարգսյանը ԱԺ-ից հետ է կանչում հայ-լռուրական արձանագրությունները URL: <https://news.am/arm/news/252940.html> (дата обращения: 15.09.2023).

147. օլոօ գարիօմզօլօ տղրէ շոլլէցա Շյեցօ / Տայարտվելով Տագարյօ ՏայմօնօսՑրօ.

- <https://mfa.gov.ge/news/538366-ilia-darchiashvili-turq-kolegas-shekhdva> (accessed: 29.09.2023).
148. საქართველოს სტატისტიკის ეროვნული სამსახური [Electronic source]. URL: <http://ex-trade.geostat.ge/ka>. (accessed: 29.09.2023).
149. AK Parti Programı [Электронный ресурс] // Adalet ve Kalkınma Partisi. Режим доступа:<http://www.akparti.org.tr/site/akparti/parti-programi#bolum6> (accessed: 25.08.2023)
150. Al-Monitor: Turkey adds entry to book of enemies [Electronic source] // URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/11/turkey-national-security-red-book.html> (accessed: 15.08.2023)
151. Aras B., Ozbay F. Turkish-Armenian relations: Will football diplomacy work? // Today's Zaman/SETA Foundation for Political, Economic and Social Research URL: <https://iz.ru/1453231/igor-karmazin/blizost-na-rasstoianii-kak-armeniia-i-turciia-nalazhivaiut-otnosheniia> (дата обращения: 27.09.2023).
152. Areshev A. Turkey's policies in the Southern Caucasus and regional security mechanisms // Turkish-Russian academics: A historical study on the Caucasus. AVIM. April 2016.
153. Armenia, Turkey representatives to meet in Vienna on May 3 URL: <https://en.armradio.am/2022/04/28/armenia-turkey-representatives-to-meet-in-vienna-on-may-3/> (дата обращения: 15.09.2023)
154. Ata İttifaki'nın Cumhurbaşkanı adayı Sinan Oğan oldu / Gündem. Giriş: 11.03.2023 [Electronic source]. URL: <https://www.haberturk.com/ata-ittifaki-nin-cumhurbaskani-adayi-aciklandi-sinan-ogan-zafer-partisi-genel-baskani-umit-ozdag-acikladi-3572777> (accessed: 02.10.2023).
155. Azerbaijan-Türkiye Military Relations in the Shadow of the Negotiations with Armenia / MDC [Electronic source]. URL: <https://dayan.org/content/azerbaijan-turkiye-military-relations-shadow-negotiations-armenia> (accessed: 04.10.2023).

156. Azərbaycan Respublikası Xarici Ticarətinin Gömrük Statistikası Hesabat dövrü: 01.01.2022 – 31.12.2022 [Electronic source]. URL: https://customs.gov.az/uploads/foreign/2022/2022_12.pdf?v=1674644815 (accessed: 03.10.2023).
157. Balci B. Strengths and Constraints of Turkish Policy in the South Caucasus [Electronic source]. URL: <https://carnegieendowment.org/2014/06/18/strengths-and-constraints-of-turkish-policy-in-south-caucasus-pub-55945> (accessed: 30.08.2023)
158. Baran Z. Turkey and the Caucasus. B kh.: Turkish Foreign Policy in Post Cold War Era. Boca Raton, 2004.
159. BBC Your Voice; Turkish today by Viv Edwards [Electronic source] // URL: <http://www.bbc.co.uk/voices/multilingual/turkish.shtml> (accessed: 22.07.2023)
160. Beattie P. Ideology, Values, and Foreign Policy // International Relations. 2019. №1.
161. Çelikpala M. Turkey as a Regional Power and the Caucasus. Insight Turkey. 2007. №2 (9).
162. Charny I. W. Encyclopedia of genocide. — Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 1999. №1.
163. Cook S.A. What Does Turkey Actually Want? [Electronic source]. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/07/26/turkey-erdogan-nato-eu-sweden-future-goals-europe/> (accessed: 19.09.2023)
164. Cypriot Americans [Electronic source] // URL: <http://www.everyculture.com/multi/Bu-Dr/Cypriot-Americans.html> (accessed: 22.07.2023)
165. Dalacoura K. A new phase in turkish foreign policy: expediency and AKP survival // Future Notes, February 2017.
166. David S.Yost /Armenian Perceptions of International Security in the South Caucasus /«Research Paper» Academic Research Branch — NATO Defense College, Rome № 32. March 2007.

167. Davutoglu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul, 2001.
168. Davutoglu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul, 2001.
169. Davutoğlu A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy [Электронный ресурс] // Foreign Policy. May 20, 2010. Режим доступа:http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_foreign_policy?page=0,2 (accessed: 25.07.2023)
170. Davutoglu A. Turkey's Zero-Problems. 20.05.2012 [Electronic source] // Foreign Policy. Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/> (accessed: 11.07.2023)
171. de Waal T. The Caucasus: An Introduction. Oxford University Press, 2010.
172. Dermoyan H. Turkish-Georgian Economic Relations: A Case Study / EVN [Electric source]. URL: <https://evnreport.com/economy/turkish-georgian-economic-relations-a-case-study/> (accessed: 29.09.2023).
173. Dışişleri: Kimlik kartıyla Azerbaycan'a gidilebilecek / Sputnik Turciye [Electronic source]. URL: <https://sputniknews.com.tr/20201211/disisleri-kimlik-kartiyla-azerbaycana-gidebilecek-1043382060.html> (accessed: 04.10.2023).
174. Durmus M. Why Armenia Must Revise Its Current Policy Against Turkey? // Turkish Centre for International Relations&Strategic Analysis. Institute for Armenian Studies. 13.04.2005. URL: www.turksam.org/en/a154.html (дата обращения: 29. 09.2023).
175. Ekedahl M. C., Goodman A. M. The wars of Eduard Shevardnadze / M. C. Ekedahl, A. M. Goodman. Pennsylvania, 1997.
176. Embassy of the Republic of Turkey in London [Electronic source] // URL: <http://turkishembassylondon.org/canon/turks.htm> (accessed: 22.07.2023)
177. Erdoğan ve Aliyev 'Şuşa Beyannamesi'ne imza attı / TRT HABER [Electronic source]. URL: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/erdogan-ve-aliyev-susa-beyannamesine-imza-atti-588635.html> (accessed: 02.10.2023).

178. Ermenistan'dan Türkiye kararı: Ambargo kaldırıldı URL: <https://www.haber7.com/dunya/haber/3178243-ermenistandan-turkiye-karari-ambargo-kaldirildi> (дата обращения: 15.09.2023).
179. Ertekin O. Cumhuriyet Döneminde Türkçülüğün Çatallanan Yolları // Modern Türkiye'de Siyasi Düşence. Cilt 4. Milliyetçilik. İstanbul: 2009.
180. European Union: Lists of Terrorist Persons or Organizations [Electronic source] // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1406812173963&uri=CELEX:32014R0125>
181. Göksel N. Turkey and Georgia: Zero Problems? // The German Marshall Fund of the United States, 2013.
182. Hedefler [Электронный ресурс] // Adalet ve Kalkınma Partisi. Режим доступа: <http://www.akparti.org.tr/site/hedefler/P18> (дата обращения: 20.08.2023)
183. Hedlund S. Georgia is slowly moving into Turkey's orbit [Electriconic source]. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/turkey-influence-georgia/> (accessed: 30.09.2023).
184. I am not a neo-Ottoman, Davutoglu says [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://web.archive.org/web/20131025025036/http://www.todayszaman.com/tz-web/news-193944-i-am-not-a-neo-ottoman-davutoglu-says.html> (дата обращения: 28.02.2021)
185. İnsan Hakları Derneği İHD, [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ihd.org.tr> (дата обращения 15.08.2023)
186. Is pan-Turkism about to spark a new ‘Great Game’? // Emerging Europe, 2021. URL: <https://emerging-europe.com/news/is-pan-turkism-about-to-spark-a-new-great-game/> (дата обращения: 14.08.2023).
187. Kadın Dayanışma Vakfı, KADA V [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kadav-ist.org> (дата обращения 13.08.2023)
188. Kaplan R. The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate, Random House, 2012.

189. Keddie P. What's Turkey's Role in Nagorno-Karabakh conflict? // AlJazeera, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2020/10/30/whats-turkeys-role-in-the-nagorno-karabakh-conflict> (дата обращения: 14.08.2023).
190. Kılıç S. Nazi Hukumetinin Turk Basını Hakkındaki Değerlendirmeleri (1935—1944) // Galatasaray Üniversitesi İletişim Dergisi. 2016. № 16.
191. Kinzer S. Chapter 4: Ghosts. Crescent and Star. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018.
192. Kösebalaban H. Ahmet Davutoglu, Stratejik Derinlik. Kitap de erlendirmesi // Divan Journal of Interdisciplinary Studies. 2003. №1.
193. Landau Jakob M. Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation. // Hurst & Company. 1995. № 2.
194. Mankoff J. The Big Caucasus: Between Fragmentation and Integration. Washington, DC: CSIS, March 2012.
195. Mehmet F., Dogan M. Political Relations between Turkey and Georgia in the Post-Soviet Era // Journal of Liberty and International Affairs. 2020. № 3 (2).
196. Military relations between Turkey and Azerbaijan / Strategic Outlook HABER [Electronic source]. URL: <https://web.archive.org/web/20130921060425/http://www.strategicoutlook.org/publications/news-military-relations-of-turkey-and-azerbaijan.html> (accessed: 02.10.2023).
197. Names to attend the swearing-in ceremony of Turkish President Erdogan URL: <https://www.turkiyenewspaper.com/turkiye/15219> (дата обращения: 15.09.2023)
198. Official website of Turkish NGO «Tusiad» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://tusiad.org/tr/> (дата обращения 25.07.2023)
199. Phillips David J. Peoples on the Move: Introducing the Nomads of the World. William Carey Library.
200. Robinson K. Turkey's Growing Foreign Policy Ambitions [Electronic source]. URL: https://www.cfr.org/backgrounder/turkeys-growing-foreign-policy-ambitions?utm_source=twtw&utm_medium=email&utm_campaign=TWTW

%202023June2&utm_term=TWTW%20and%20All%20Staff%20as%20of%2
07-9-20 (accessed: 18.09.2023)

201. Saakashvili M. Georgia, Turkey ‘Natural Allies’ // Civil.Ge: website. 2004. May 20 [Electronic source]. URL: <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=6974&search=> (accessed: 29.09.2023).
202. SABAH: 2015 bütçesi komisyondan geçti. Giriş Tarihi, 26.11.2014 [Electronic source] // Mode of access: <https://www.sabah.com.tr/ekonomi/2014/11/26/2015-butcesi-komisyondan-gecti> (accessed: 22.02.2023)
203. Salman Rafi Sheikh. Erdogan’s ‘Neo-Ottomanism ’Reaches the Caucasus // New Eastern Outlook, 2020. URL: <https://journal-neo.org/2020/10/29/erdogan-s-neo-ottomanism-reaches-the-caucasus/> (дата обращения: 20.08.2023).
204. Salman Rafi Sheikh. Erdogan’s ‘Neo-Ottomanism ’Reaches the Caucasus // New Eastern Outlook, 2020. URL: <https://journal-neo.org/2020/10/29/erdogan-s-neo-ottomanism-reaches-the-caucasus/> (дата обращения: 20.08.2023).
205. Sasztowt K. Iran, Turkey and Azerbaijan: Heading Towards a Regional Crisis? // PISM. 2012. №35.
206. Sayin F.M., Dogan M. Political relations between Turkey and Georgia in the post-soviet era // Journal of Liberty and International Affairs. 2017. № 3 (2).
207. Shahnazaryan D. Five Years After the Armenia-Turkey Protocols // Turkish Policy Quarterly. 2014. №3 (13).
208. Socar to Ship Caspian Natural Gas to EU Using Own Pipelines / Bloomberg Businessweek News From Bloomberg HABER [Electronic source]. URL: <https://archive.ph/20120904203051/http://www.businessweek.com/news/2011-12-28/socar-to-ship-caspian-natural-gas-to-eu-using-own-pipelines.html> (accessed: 02.10.2023).
209. Sosyal Kültürel Yaşamı Geliştirme Derneği [Электронный ресурс] // Режим доступа:<http://www.sosyalkulturelyasam.org> (дата обращения 15.08.2023)

210. Special Representatives of Armenia, Turkey to meet in Vienna on July 1st URL: <https://en.armradio.am/2022/06/28/special-representatives-of-armenia-turkey-to-meet-in-vienna-on-july-1st/> (дата обращения: 15.09.2023)
211. Statement by the MFA of Armenia on the military invasion by Turkey in the north-eastern Syria URL: <https://artsakh.news/en/news/162526> (дата обращения: 15.09.2023).
212. Szporluk R. National identity and ethnicity in Russia and the New States of Eurasia. New York, 1994.
213. TİKA с 1992 года реализовало до 30 тыс. проектов по всему миру // Anadolu Agency, 2020. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/tika-c-1992-goda-realizovalo-do-30-tyis-proektov-po-vsemu-miru/1718893> (дата обращения: 14.08.2023).
214. Tülay Yıldırım «The role of Non-Governmental Organizations in Turkey in the accession process to the European Union» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-c099e86dfaf34f799174f0b0ee90b309/c/The_role_of_NonGovernmental_Organizations.pdf (дата обращения 15.08.2023)
215. Turkey – Azerbaijan / OEC [Electronic source]. URL: [https://oec.world/en/profile/bilateral-country/tur/partner/aze#:~:text=Comparison%20In%202021%2C%20Turkey%20ranked,total%20exports%20\(%2422.8B\). \(accessed: 04.10.2023\).](https://oec.world/en/profile/bilateral-country/tur/partner/aze#:~:text=Comparison%20In%202021%2C%20Turkey%20ranked,total%20exports%20(%2422.8B).)
216. Turkey-Syria earthquakes: Death toll passes 24,000 URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Armenia%20-%20Turkey_relations#cite_note-149 (дата обращения: 15.09.2023)
217. Turkish Cypriots seek recognition By Brendan Nicholson April 27, 2004 [Electronic source] // URL: [https://www.theage.com.au/articles/2004/04/26/1082831497716.html?from=storyrhs \(accessed: 22.07.2023\)](https://www.theage.com.au/articles/2004/04/26/1082831497716.html?from=storyrhs)

218. Turkish foreign policy: from status quo to soft power // European stability initiative& Berlin-Brussels -Istanbul. 2009.
219. Türkiye - Azerbaycan Siyasi İlişkileri / Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Resmi site [Electronic source]. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-azerbaycan-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (accessed: 04.10.2023).
220. Türkiye: Hükümetin değişiklikleri ifade özgürlüğünü korumuyor URL: <https://web.archive.org/web/20081111153939/http://hrw.org/turkish/docs/2008/04/17/turkey18592.htm> (дата обращения: 15.09.2023).
221. Türkiye's Relations with Southern Caucasus Countries [Electronic source]. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkiye_s-relations-with-southern-caucasus.en.mfa#:~:text=Main%20aspects%20of%20T%C3%BCrkiye's%20Southern,and%20political%20and%20economic%20stability (accessed: 15.08.2023)
222. Türkiye's Relations with Southern Caucasus Countries [Electronic source]. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkiye_s-relations-with-southern-caucasus.en.mfa#:~:text=Main%20aspects%20of%20T%C3%BCrkiye's%20Southern,and%20political%20and%20economic%20stability (accessed: 15.08.2023)
223. Türkiye-Gürcistan ilişkileri 100. Yılında [Electriconic source]. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/turkiye-gurcistan-iliskileri-100-yilinda/2456517#> (accessed: 30.09.2023).
224. Uslu N. The Russian, Caucasian and Central Asian Aspects of Turkish Foreign Policy of the Post Cold War Period // Turkish Journal of International Relations. Ankara, 2003. Vol. 2. № 3&4.
225. V саммит Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ, Тюркский совет) // Таких, 2015. URL: <http://tarih-begalinka.kz/ru/history/independent/history/page3515/> (дата обращения: 11.08.2023).

226. Vatandaş, A. Hungry for Power: Erdogan's Witch Hunt & Abuse of State Power // Blue Dome Press, 2015.
227. Winrow G. The Southern Gas Corridor and Turkey's Role as an Energy Transit State and Energy Hub // Insight Turkey. 2013. №1 (15).
228. Yalçınkaya H. Turkey's Overlooked Role in the Second Nagorno-Karabakh War // The German Marshall Fund of the United States, 2021. URL: <https://www.gmfus.org/news/turkeys-overlooked-role-second-nagorno-karabakh-war> (дата обращения: 14.08.2023).
229. Yeşiltaş M. The transformation of the geopolitical vision in Turkish foreign policy. // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. №4.
230. Yesterday & Today — Turkish Cypriots Of Australia [Electronic source] // URL: <http://www.turkishcypriots.com.au/> (accessed: 22.07.2023)
231. Zeynalov M. Joseph Nye says Turkey has less soft power, less democracy // Today's Zaman, 5 April 2015.

Приложения

Приложение №1. Карта Южного Кавказа

Приложение №2. Транскаспийский газопровод

Приложение №3. Международные транспортные коридоры на Южном Кавказе

